

АЛКОГОЛЬ И АЛКОГОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ
ЗА 150 ЛЕТ

ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВ, ЕЛЕНА ЧУРИЛОВА

ПОРЯДКОВЫЙ ПЕРЕХОД РОЖДАЕМОСТИ
В ДЛИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ИРИНА КАЛАБИХИНА, ПОЛИНА КУЗНЕЦОВА

СЕМЬЯ С ДЕТЬМИ В ТЕЧЕНИЕ ПЕРВЫХ ДВУХ ЛЕТ
ИХ ЖИЗНИ: РАЗНООБРАЗИЕ СИТУАЦИЙ И ИЗМЕНЕНИЕ
СЕМЕЙНЫХ КОНФИГУРАЦИЙ ВО ФРАНЦИИ ПО ДАННЫМ
ЛОНГИТЮДНОГО НАБЛЮДЕНИЯ КОГОРТЫ РОДИВШИХСЯ
В 2011 ГОДУ

КСАВЬЕ ТЬЕРИ, СЕЛИН МОНИКОЛЬ, ДИДЬЕ БРЕТОН

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЯ
РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ В 2018–2022 ГГ.

ВИКТОРИЯ САКЕВИЧ, БОРИС ДЕНИСОВ

ПРЕСТУПНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ:
ФАКТЫ И ДОМЫСЛЫ

КОНСТАНТИН СЕРДЮКОВ

КАКОЙ СЕМЬЕ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО?
ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ СПОСОБА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ
В СЕМЬЕ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ЕЕ БЛАГОПОЛУЧИЯ

ЮРИЙ ОМЕЛЬЧЕНКО

демографическое обозрение

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Сергей Владимирович ЗАХАРОВ

Заместитель главного редактора

Сергей Андреевич ТИМОНИН

Заместитель главного редактора

Никита Владимирович МКРТЧЯН

Ответственный секретарь редакции

Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА

Корректор

Наталья Станиславовна ЖУЛЕВА

Компьютерная вёрстка и графика

Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Виктор АГАДЖАНЯН

Евгений АНДРЕЕВ

Василий ВЛАСОВ

Ольга ГАГАУЗ

Михаил ДЕНИСЕНКО

Сергей ЗАХАРОВ

Сергей ИВАНОВ

Алла ИВАНОВА

Ольга ИСУПОВА

Ирина КАЛАБИХИНА

Михаил КЛУПТ

Никита МКРТЧЯН

Анна МИХЕЕВА

Владимир МУКОМЕЛЬ

Лилия ОВЧАРОВА

Павел ПОЛЯН

Анастасия ПЬЯНКОВА

Мария САВОСКУЛ

Сергей ТИМОНИН

Андрей ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Барбара А. АНДЕРСЕН

Мишель ГИЙО

Павел ГРИГОРЬЕВ

Ирина ЕЛИСЕЕВА

Наталья ЗУБАРЕВИЧ

Владимир ИОНЦЕВ

Казухиро КУМО

Дэвид ЛЕОН

Элла ЛИБАНОВА

Массимо ЛИВИ БАЧЧИ

Тамара МАКСИМОВА

Татьяна МАЛЕВА

Франс МЕЛЕ

Борис МИРОНОВ

Светлана НИКИТИНА

Томаш СОБОТКА

Влада СТАНКУНЕНЕ

Марк ТОЛЬЦ

Владимир ШКОЛЬНИКОВ

Сергей ЩЕРБОВ

Николас ЭБЕРШТАД

ЖУРНАЛ ОСНОВАН АНАТОЛИЕМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ВИШНЕВСКИМ (1935-2021) В 2014 ГОДУ.

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.

Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Контакты 109028 Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., дом 3, офис 303

Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824

www.demreview.hse.ru

demreview@hse.ru

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief
Sergei V. ZAKHAROV

Deputy Editor-in-Chief
Sergey A. TIMONIN

Deputy Editor-in-Chief
Nikita V. MKRTCHYAN

Managing Editor
Anastasia I. PYANKOVA

Proofreader
Natalia S. ZHULEVA

Design and Making-up
Kirill V. RESHETNIKOV

EDITORIAL BOARD:

Victor AGADJANIAN
Evgeny ANDREEV
Mikhail DENISSENKO
Olga GAGAUZ
Olga ISUPOVA
Sergey IVANOV
Alla IVANOVA
Irina KALABIKHINA
Mikhail KLUPT
Nikita MKRTCHYAN

Anna MIKHEEVA
Vladimir MUKOMEL
Lilia OVCHAROVA
Pavel POLIAN
Anastasia PYANKOVA
Maria SAVOSKUL
Sergey TIMONIN
Andrey TREIVISCH
Vasily VLASSOV
Sergey ZAKHAROV

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Barbara ANDERSON
Nicholas EBERSTADT
Irina ELISEEVA
Pavel GRIGOREV
Michel GUILLOT
Vladimir IONTSEV
Kazuhiro KUMO
David LEON
Ella LIBANOVA
Massimo LIVI BACCI
Tamara MAKSIMOVA

Tatyana MALEVA
France MESLE
Boris MIRONOV
Svetlana NIKITINA
Tomas SOBOTKA
Sergei SCHERBOV
Vladimir SHKOLNIKOV
Vlada STANKUNIENE
Mark TOLTS
Natalia ZUBAREVICH

FOUNDED BY ANATOLY G. VISHNEVSKY (1935-2021) IN 2014.

Released quarterly. Published since 2014.

All manuscripts are obligatory peer-reviewed.

Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.

Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.

*The journal is registered on October 13, 2016 in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Certificate of Mass Media Registration ЭЛ № ФС77-67362.
ISSN 2409-2274*

**Editorial
address**

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824

www.demreview.hse.ru
demreview@hse.ru

Оригинальные статьи

Alcohol and alcohol policy in Russia over the last 150 years

*Evgeny Andreev,
Elena Churilova*

4-24

Алкоголь и алкогольная политика в России за 150 лет

Евгений Андреев, Елена Чурилова

Parity transition in fertility in a long historical perspective

*Irina Kalabikhina,
Polina Kuznetsova*

25-48

Порядковый переход рождаемости в длительной исторической ретроспективе

Ирина Калабихина, Полина Кузнецова

Families with children during the first two years of life: diversity of situations and changing family configurations in France from a longitudinal follow-up study of the 2011 birth cohort

*Xavier Thierry,
Céline Monicolle,
Didier Breton*

49-66

Семья с детьми в течение первых двух лет их жизни: разнообразие ситуаций и изменение семейных конфигураций во Франции по данным лонгитюдного наблюдения когорты родившихся в 2011 году

Ксавье Тьерри, Селин Мониколь, Дидье Бретон

Regional characteristics of birth control in Russia in 2018-2022

*Victoria Sakevich,
Boris Denisov*

67-87

Региональные особенности контроля рождаемости в России в 2018–2022 гг.

Виктория Сакевич, Борис Денисов

Crime of foreign migrants in Russia: facts and speculation

Konstantin Serdyukov

88-101

Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы

Константин Сердюков

What kind of family in Russia lives well? A study of the relationship between family decision-making and well-being

*Yuri Omelchenko,
Anton Nikolaev*

102-120

Какой семье на Руси жить хорошо? Исследование связи способа принятия решений в семье с показателями ее благополучия

Юрий Омельченко, Антон Николаев

Алкоголь и алкогольная политика в России за 150 лет

Евгений Михайлович Андреев
(e.andreev@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Елена Владимировна Чурилова
(evchurilova@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Alcohol and alcohol policy in Russia over the last 150 years

Evgeny Andreev
(e.andreev@hse.ru),
HSE University, Russia.

Elena Churilova
(evchurilova@hse.ru),
HSE University, Russia.

Резюме: Влияние алкоголя на смертность населения России в настоящее время одно из самых высоких в мире. В статье на основе официальных данных о связанной с алкоголем смертности, документов об антиалкогольной политике, публикаций современников и материалов Ижевского обследования семей анализируются динамика потребления алкоголя, влияние потребления алкоголя на смертность и государственная алкогольная политика.

Официальная статистика смертности от пьянства появилась в 1870 г. В статье в качестве индикатора уровня потребления алкоголя рассчитаны стандартизованные индексы смертности мужчин от алкогольных отравлений и внешних причин смерти.

В статье анализируется 150-летний период с 1870 г. по настоящее время, в течение которого в России со стороны государства предпринимались различные попытки снизить влияние алкоголя на здоровье мужчин. В арсенале методов воздействия на уровень потребления алкоголя со стороны государства в разные периоды истории были повышение акцизов, государственная монополия на водочную торговлю, ограничение времени и мест продажи алкоголя, борьба с самогонварением. Однако ни одну из ранее предпринятых попыток воздействия на потребление алкоголя нельзя назвать удачной, все они вели лишь к кратковременному снижению потребления алкоголя и смертности от него. Одна из причин неудач, по мнению авторов, состоит в том, что в алкогольной политике сочетались противоречивые стремления снизить влияние алкоголя на здоровье населения и повысить доходы государства от продажи алкоголя.

Во второй половине XX века обнаружилось, что экономические трудности ведут к росту потребления алкоголя. В это же время в населении России сформировалась группа мужчин с высоким риском смерти в результате потребления алкоголя, существование которой определяет неудовлетворительное состояние мужской смертности. Вероятно, попытки воздействовать на потребление алкоголя без учета существования этой группы не могут быть успешными.

Ключевые слова: алкогольная политика, антиалкогольная кампания, потребление алкоголя, смертность, население России.

Финансирование: В данной научной работе использованы результаты проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Андреев Е. М., & Чурилова Е. В. (2024). Алкоголь и алкогольная политика в России за 150 лет. Демографическое обозрение, 11(3), 4-24. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22712>

Abstract: The impact of alcohol on mortality in Russia is one of the highest in the world. Based on official data on alcohol-related mortality, documents on anti-alcohol policy, scientific publications of contemporaries and materials from the Izhevsk Family Survey, we analyze the dynamics of alcohol consumption, the impact of alcohol consumption on mortality and state alcohol policy.

Official statistics on deaths related to alcohol consumption appeared in 1870. The state has been trying to reduce the impact of alcohol on men's health for the past 110 years. We use standardized indices of male mortality from alcohol poisoning and external causes of death as an indicator of alcohol consumption.

We analyse the 150-year period from 1870 to the present, during which the Russian government has made various attempts to reduce the impact of alcohol on men's health. The arsenal of methods used in different periods of history has included raising excise taxes, a state monopoly on the vodka trade, restrictions on the time and place of alcohol sales, and the fight against hooch. However, none of these attempts can be considered successful. One reason for

the setbacks is that alcohol policy has combined conflicting objectives of reducing the public health impact of alcohol and increasing government revenues from alcohol sales.

In the second half of the 20th century, economic difficulties were found to increase alcohol consumption. At the same time, a group of men with a high risk of dying from harmful alcohol consumption emerged in the Russian population. No state attempts to influence alcohol consumption have taken into account the existence of this group, which would explain the failure to achieve a long-term and sustainable reduction in mortality.

Keywords: *alcohol policy, anti-alcohol campaign, alcohol consumption, mortality, population of Russia.*

Funding: *The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).*

For citation: *Andreev E., & Churilova E. (2024). Alcohol and alcohol policy in Russia over the last 150 years. Demographic Review, 11(3), 4-24. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22712>*

Введение

Изучению потребления алкоголя в России в последние 30 лет уделялось особое внимание. Роль потребления алкоголя в формировании уровня смертности российских мужчин стала очевидной с началом антиалкогольной кампании 1985 г. и, особенно, после ее завершения. На связь между потреблением алкоголя и ожидаемой продолжительностью жизни мужчин первыми обратили внимание А.В. Немцов и В.М. Школьников¹, которые сопоставили оценки потребления алкоголя в России в 1981-1994 гг. с динамикой продолжительности жизни мужчин. Позже стало ясно, что более точные результаты дает сопоставление с частотой отравлений алкоголем, измеренной стандартизованным коэффициентом смертности. Сама по себе смертность от отравлений алкоголем почти не влияет на продолжительность жизни, но стандартизованный коэффициент служит чутким индикатором уровня потребления алкоголя. В недавней статье на эту тему (Danilova et al. 2020) был проведен математический анализ связи между ожидаемой продолжительностью жизни и смертностью от алкогольных отравлений, который показал так же, что связь существовала в 1965-2013 гг., но далее значительно ослабела, хотя Россия, как и прежде, выделяется среди стран с надежной демографической статистикой высокой смертностью от алкогольных отравлений.

Пандемия COVID-19 уже привела к некоторому росту алкогольной смертности в стране, а из опыта прошлого следует, что возникшие в 2022 г. экономические проблемы могут стать причиной увеличения потребления алкоголя.

Статистика, которую можно в современных терминах характеризовать как учет числа внезапных смертей в состоянии алкогольного опьянения и без явных повреждений, появилась в России в 1870 г. Нет сомнения, что для ее появления были объективные предпосылки. Это косвенно указывает, что алкогольные проблемы возникли в России до 1870 г. Одновременно с появлением статистики в стране усиливались антиалкогольные меры, и все последующие 150 лет в России периодически предпринимались попытки проведения антиалкогольной политики. В настоящей статье рассмотрено потребление алкоголя в России, его влияние на уровень смертности и государственная алкогольная политика.

Данные

Данные о потреблении алкоголя могут быть основаны на государственной статистике продаж алкогольной продукции или же на выборочных обследованиях населения. Ни один из этих источников данных нельзя назвать абсолютно точным. Если в основе данных лежит статистика продаж, то в нее вносят поправки на алкогольные напитки домашнего производства, на нелегально произведенные или ввезенные алкогольные напитки, а также на потребление спирта и спиртосодержащих жидкостей, для этого не предназначенных.

Оценки по данным опросов релевантно отражают потребление алкоголя только части населения: не пьющих или умеренно пьющих людей. Чрезмерно пьющие люди и их семьи не соглашаются участвовать в обследованиях домохозяйств, которые в основном проводятся путем личной беседы интервьюера с одним из членов домохозяйств. Первые – в виду своей психической, физической и социальной деградации и нахождения

¹ Немцов А.В., Школьников В.М. (1994). Жить или пить? *Известия*, 19 июля, №135.

почти все время в состоянии алкогольного опьянения, вторые, вероятно, – из желания скрыть проблемы в семье. Люди с более высоким потреблением гораздо сильнее занижают свой уровень потребления, чем пьющие немного. Одно из самых крупных российских социально-демографических выборочных исследований (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ), к сожалению, тоже обладает этими недостатками (Nemtsov 2011). Однако исследование РМЭЗ НИУ ВШЭ дает представление, во-первых, о динамике доли совсем не употребляющих алкоголь, во-вторых, о структуре потребляемого алкоголя у мало и умеренно пьющих.

Весь рассматриваемый период (1870-2020 гг.) в России в основном потреблялся и потребляется крепкий алкоголь, часто одновременно в больших количествах. Такое потребление приводит к внезапной смерти от алкогольного отравления или от другой болезни, которая становится опасной в состоянии сильного опьянения, так как больной не способен обратиться за помощью. Мы рассматриваем в нашей работе данные об алкогольной смертности, которые используются при уточнении показателей потребления (Немцов 1997; 2009: 237-282).

Для начала исследуемого периода (1870-1894 гг.) доступны числа «внезапных смертей от болезней и болезненных припадков, в том числе от пьянства». В современных терминах случаи, отнесенные к типу «в том числе от пьянства», были интерпретированы как внезапные смерти без признаков насилия в явном состоянии опьянения (Андреев, Богоявленский, Стикли 2011; Andreev, Bogoyavlenskii, Stickley 2013). Для периода с 1895 по 1913 г. мы используем официальные публикации за отдельные годы и по отдельным губерниям, так как систематические данные о потреблении алкоголя отсутствуют. Для периода 1914-1955 гг. какие-либо данные об алкогольной смертности отсутствуют. С 1956 г. в России существует статистика причин смерти всего население страны. Начиная с 1965 г. государственная статистика России собирала данные о смертности от алкогольных отравлений.

Для 1965-1994 гг. показатели по полу и возрасту опубликованы в (Meslé et al. 1996). Данные представлены в единой классификации причин смерти, которая использовалась в России в 1980-1998 гг. Позже (Meslé et al. 2003) была оценена смертность по причинам смерти, в том числе от алкогольных отравлений за 1956-1964 гг. Подчеркнем, что для этого периода имеются только приближенные оценки чисел алкогольных отравлений со смертельным исходом.

С начала 1990-х Росстат предоставил научным организациям доступ к данным о смертности по причинам смерти. Очень часто причина смерти «отравление алкоголем» указывается только в повторном медицинском свидетельстве о смерти², чтобы родственникам умершего не приходилось откладывать похороны в ожидании результатов лабораторных исследований. Органы статистики получают повторное свидетельство и используют его в статистике причин смерти. В начале 2000-х годов обнаружилось, что в Москве повторные свидетельства не поступали в обработку,

² Медицинское свидетельство о смерти выдается медицинской организацией в каждом случае смерти супругу, близкому родственнику или иным родственникам умершего. Медицинское свидетельство о смерти является основанием для государственной регистрации смерти, после которой выдается свидетельство о смерти. До 1991 г. в свидетельстве о смерти указывалась причина смерти умершего.

вследствие чего числа умерших от отравлений в 2000-2005 гг. были существенно занижены (Никитина, Козеева 2006).

В 1965-1998 гг. российская статистика учитывала один вид отравлений алкоголем – случайные отравления. В 1999 г. после перехода России на международную классификацию болезней десятого пересмотра в статистике появились три типа алкогольных отравлений: случайное отравление (воздействие) алкоголем (международный код X45); преднамеренное самоотравление и воздействие алкоголем (код X65) и отравление и воздействие алкоголем с неопределенными намерениями (код Y15). Кроме того, отравление алкоголем могло быть квалифицировано как нападение с применением других уточненных химических и ядовитых веществ (код X89).

В случае смерти от внешней причины медицинское свидетельство содержит также сведения о характере повреждения. В случае отравления это характеристика токсического вещества. Все отравления алкоголем связаны с токсическим действием алкоголя (код T51), в котором выделяется действие этанола (код T51.0), метанола (код T51.1), 2-пропанола (код T51.2), сивушных масел (код T51.3), других уточненных спиртов (код T51.8), не уточненного спирта (код T51.9).

Переход на международную номенклатуру означал, что в медицинском свидетельстве о смерти причина смерти указывалась в соответствии с номенклатурой, но для табуляции данных использовался гораздо менее подробный перечень причин. Однако Росстат сохраняет анонимные микроданные (т. е. для каждого случая смерти), содержащие полный код причины смерти, и нами была проведена их дополнительная обработка за 2000-2021 гг. (таблица 1).

Таблица 1. Динамика доли отравлений в зависимости от характера отравления и от типа токсина, %

Период	2000-2004	2005-2009	2010-2014	2015-2019	2020-2021
Характер отравления					
Случайное	95,8	93,0	87,4	79,7	75,1
Преднамеренное самоотравление	0,07	0,06	0,04	0,05	0,03
Не установлено случайное или преднамеренное	4,1	6,9	12,6	20,3	24,9
Токсическое действие алкоголя					
Этанола	83,5	86,8	88,6	85,4	86,3
Метанола	0,4	0,8	3,0	5,9	8,0
Сивушных масел	2,1	1,6	0,3	0,2	0,1
Других уточненных спиртов	3,2	2,3	1,3	1,0	1,3
Неуточненного спирта	10,9	8,5	6,8	7,5	4,3

Мы обнаружили за 22 года несколько случаев умышленных убийств с помощью отравления алкоголем, а таблица 1 показывает, что доля самоотравлений мала и ее динамика носит случайный характер. На этом фоне неясно, почему растет доля причины смерти «отравление алкоголем с неопределенными намерениями». Причину смерти в данном случае устанавливают судмедэксперты, и нам не удалось выяснить, как они определяют, было ли отравление случайным или возможно наличие умысла. Возможно, что частота случайных отравлений алкоголем рассматривалась как индикатор успешности или не успешности борьбы с пьянством в регионе. Для своих расчетов для периода после 2010 г. мы используем сумму трех упомянутых причин смерти.

Исследования показали, что до ужесточения контроля за оборотом этилового спирта различные спиртосодержащие жидкости, формально предназначенные для целей гигиены, косметики или лечения и профилактики болезней, но реально используемые как суррогаты алкогольных напитков, не содержали других опасных для здоровья веществ, кроме этилового спирта (McKee et al. 2005). Нам не удалось найти публикаций о том, какие вещества были причиной смерти при отравлениях алкоголем в период до 1992 г. Поэтому в дальнейшем мы будем исходить из того, что алкогольные отравления в России в основном есть следствие потребления слишком большого количества этилового спирта, а не небольшого количества каких-либо других более ядовитых спиртов.

Для всего послевоенного периода архивы сохранили данные о числе умерших от внешних причин в городском населении России. Имеющиеся таблицы содержат возрастные группы, но до 1956 г. возрастная группировка такова, что использовать их сложно. Однако можно рассчитать стандартизованный индекс смертности (СИС) – отношение фактического числа смертей к тому, которое было бы, если бы смертность была такой же, как в населении, принятом за стандарт. Для расчета СИС мы взяли показатели смертности городского населения России в 2013 г. от внешних причин и от алкогольных отравлений соответственно. Мы исходили из нескольких соображений. Первое, показатели для городского населения точнее, чем для сельского. Второе, как будет показано далее, уровень смертности от обеих причин до 1965 г. близок именно к этому уровню. СИС также использован для сравнения частоты внезапных смертей в конце XIX века и в 2000-х годах.

В период Антиалкогольной кампании российская статистика начинает собирать сведения о числе умерших в состоянии алкогольного опьянения. Такие данные сохранились за период начиная с 1989 г. Сведения о наличии алкоголя в крови умерших дают только бюро судебно-медицинской экспертизы, а в период до 2010 г. на вскрытие в бюро поступали только умершие от несчастных случаев или внезапно умершие. Таким образом, число случаев смерти от болезней или отравлений, т. е. без внешних повреждений, в состоянии алкогольного опьянения можно сравнивать с аналогичными данными за 1870-1894 гг. Для корректного сравнения нужны показатели по возрасту, чтобы можно было учесть различия в возрастной структуре населения. Получить числа внезапно умерших в состоянии опьянения по возрасту стало возможно только начиная с 2000 г. (Andreev, Bogoyavlenskii, Stickley 2013).

Для получения данных о числе умерших в состоянии алкогольного опьянения в медицинском свидетельстве о смерти делается специальная отметка. Сразу после ее включения в свидетельство число таких смертей практически совпадало с числом смертей от алкогольных отравлений, но постепенно точность регистрации возрастала. В 2006-2010 гг. число смертей в состоянии опьянения стабилизировалось. Представляется, что данные за эти годы можно использовать для сравнения с полученными в 1870-1894 гг.

Начиная с 2011 г. в России заметно увеличивается доля случаев, когда причина смерти установлена патологоанатомами. При этом судмедэксперты начали исследовать случаи, не относящиеся к насильственным или внезапным (Андреев 2016).

До 2019 г. числа умерших в состоянии алкогольного опьянения от каждой причины смерти указывались в таблице Росстата, содержащей официальные данные о распределении умерших по причинам смерти, полу, возрасту и территориям страны. В 2019 г. Росстат исключил сведения о числе умерших в состоянии опьянения из этой таблицы. Но в медицинском свидетельстве о смерти соответствующая отметка все еще

содержится. Однако обработка свидетельств дает странные результаты. Оказалось, что в 2018 г. в состоянии опьянения умерло 4,5% всех умерших, в 2019 г. – 13%, в 2020 г. – около 1%, а в 2021 г. – только 0,5%. Складывается впечатление, что медицинские работники (патологоанатомы) практически перестали фиксировать в медицинских свидетельствах о смерти факт смерти в состоянии алкогольного опьянения. Более того, среди мужчин, умерших от отравления алкоголем в 2020 г., потребляли алкоголь перед смертью только 36%, а в 2021 г. – 19%. До 2020 г. доля была не менее 95%. Данное обстоятельство заставляет предполагать, что пострадала и полнота учета смертей в результате отравления алкоголем. Наше подозрение усиливает то, что частота умерших от отравлений алкоголем снижается, а, согласно официальным данным, начиная с 2020 г. душевое потребление алкоголя выросло за 3 года на 7% (ЕМИСС 2023).

Для периода 1946-1958 гг. в статье использованы оценки возрастных численностей городского и сельского населения России, которые использовались в (Вишневский 2006).

Для лучшей сопоставимости показателей за послевоенный период все расчеты выполнены в границах, в которых Россия существовала с 1958 г. по 2013 г.

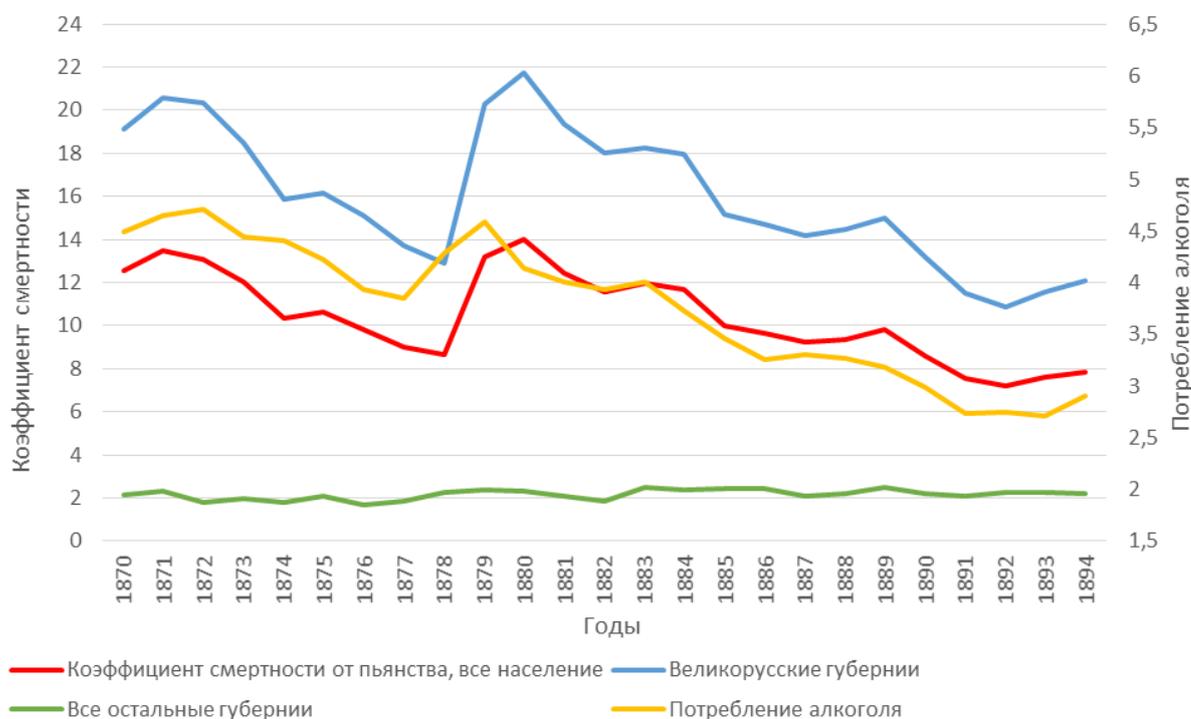
Антиалкогольная политика и потребление алкоголя в 1870 - 1917 гг.

Факты о связанной с алкоголем смертности в этот период ранее были изложены в (Андреев, Богоявленский, Стики 2011; Andreev, Bogoyavlenskii, Stickley 2013). Известно, что колебания общего коэффициента смертности в состоянии опьянения и годового душевого потребления алкоголя в 1870-1894 гг. происходили синхронно, что позволяет рассматривать коэффициент смертности как адекватный индикатор потребления. Уровень внезапной смертности мужчин в состоянии опьянения весь период оставался довольно стабильным, причем в губерниях, позже вошедших в состав Российской Федерации, показатель смертности был в несколько раз выше, чем в остальных. Рисунок 1 подтверждает эти выводы.

Важным представляется вопрос, почему алкогольная смертность в великорусских губерниях оставалась существенно выше, чем в остальных. Представляется, что в великорусских губерниях потребление алкоголя концентрировалось в короткие периоды праздников, что приводило к частым смертельным исходам (Нахимов 1898). Правило пить в праздники, видимо, не исчезало и при переезде в город. С другой стороны, смерть на праздник связывалась именно с пьянством. У нас нет подтверждений тому, что в западных губерниях пили меньше, но, вероятно, делали это более равномерно на протяжении года. Этот вопрос требует дополнительных исследований.

В период 1870 по 1894 г. регулярно происходило увеличение акцизных сборов (Дмитриев 1911: 102). Но нелегальное производство и торговля алкоголем препятствовали снижению его потребления. В 1895-1901 гг. была введена государственная монополия на водочную торговлю, что привело к исчезновению ряда марок водки и, как следствие, к недовольству умеренно пьющих. Эта мера так же не привела к сокращению потребления алкоголя в связи с развитием нелегальной виноторговли (Норов 1904: 20-34). В начале XX века местные власти получили разрешение самостоятельно ограничивать продажи алкоголя, чем не преминули воспользоваться (Пашков 2010). Начавшая свою работу 27 апреля 1906 г. Государственная дума неоднократно обсуждала меры по преодолению пьянства в стране.

Рисунок 1. Динамика внезапной смертности мужчин в состоянии опьянения (число умерших на 100000 человек) и годового потребления алкоголя (литров на душу населения) в Европейской части Российской Империи, 1870-1894

Источник: Рисунок построен с использованием данных, опубликованных в статье (Андреев, Богоявленский, Стикли 2011).

Примечание: Великорусские губернии – 31 губерния Европейской России с преимущественным проживанием русского этноса, список см.: (Андреев, Богоявленский, Стикли 2011).

Согласно утвержденному в 1908 г. порядку, на время мобилизации торговля алкоголем прекращалась. 22 августа 1914 г. запрет торговли водкой, водочными изделиями и виноградным вином был введен до окончания Первой мировой войны. При этом местные власти были наделены полномочиями ужесточать ограничения, например запрещать продажу пива. По мнению психиатра Введенского (1915) результатом этого запрета стало резкое сокращение числа вновь заболевших алкоголизмом. Хотя он же отмечал значительный рост отравлений суррогатами алкоголя: росли самогонварение и вполне промышленное, но нелегальное производство спирта.

Как уже было сказано, после 1894 г. об алкогольной смертности существуют только фрагментарные данные. Но они не указывают на снижение смертности. Данные о потреблении алкоголя, собранные в (Лисицын, Копыт 1983: 72-73) рисуют следующую картину. Среднегодовое душевое потребление в пересчете на литры абсолютного алкоголя в 1906-1910 гг. составило 3,4 литра, а в 1913 – 4,7. По данным представленным на рисунке 1, в 1890-1894 гг. потребление составляло 2,8 литра. Данные о потреблении алкоголя заведомо неполны, и, возможно, их полнота возросла, но говорить о снижении потребления не приходится.

Алкогольная политика и потребление алкоголя в 1917-1940 гг.

Формальный запрет на торговлю алкоголем сохранили и Февральская, и Октябрьская революции. 26 октября (08 ноября) 1917 г. Петроградский военно-революционный комитет продлил действие сухого закона. Другое дело, что система контроля его выполнения была разрушена. В 1921 г. была разрешена продажа вина, включая плодово-ягодное.

Весь период до 1925 г. шла напряженная борьба с самогонварением. В Большой советской энциклопедии 1926 г. приводится оценка, что доля крестьянских хозяйств, занимавшихся самогонварением, составляет 8-10% (Соловьев, Страшуп 1926: 244).

25 декабря 1925 г. Сталин выступил с докладом на съезде ВКП(б), в котором связал необходимость отмены сухого закона с задачей индустриализации страны (Сталин 1952: 340-341). Торговля водкой и другим крепким алкоголем в условиях полной государственной монополии началась в 1925 г.

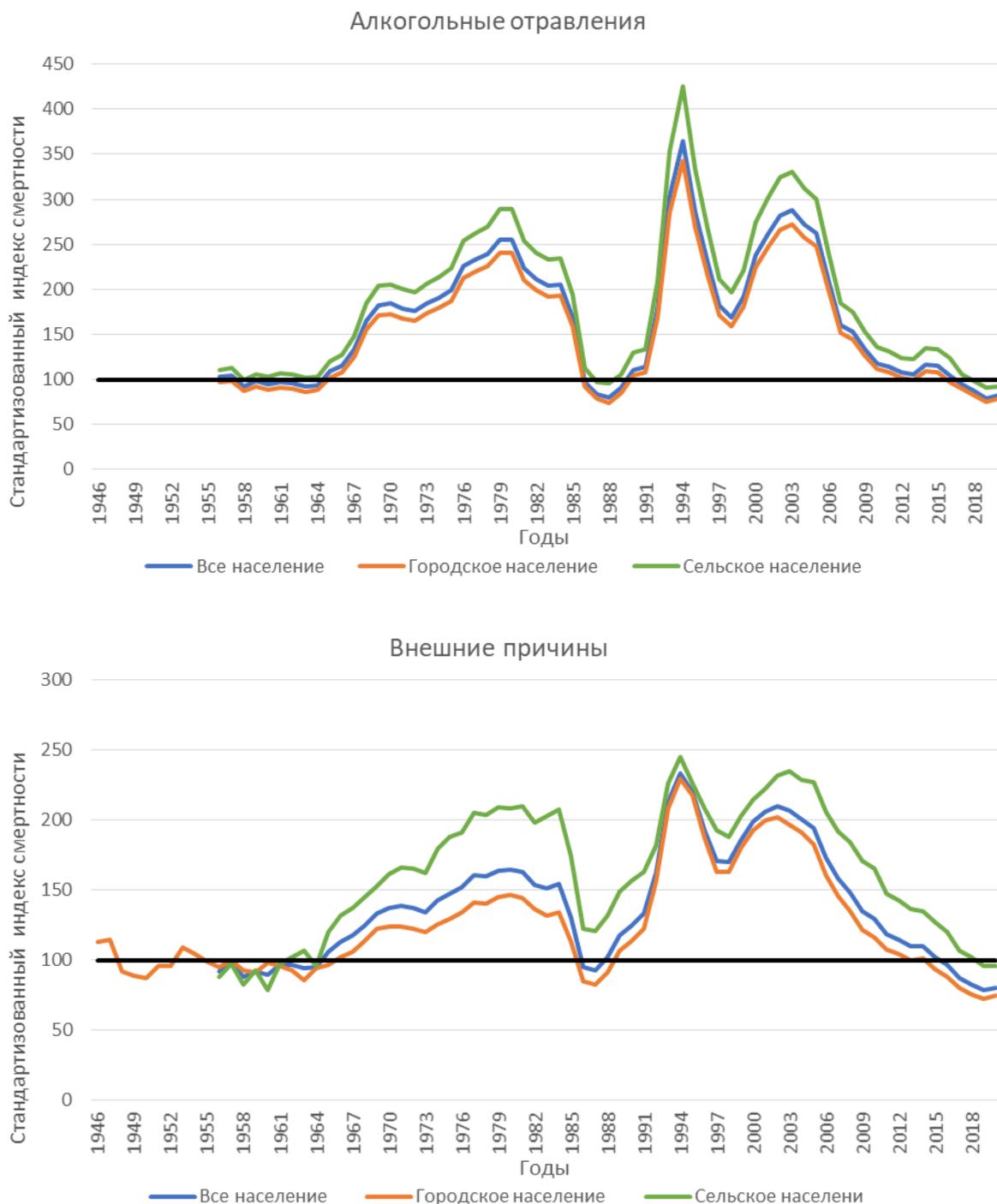
4 марта 1927 г. было выпущено правительственное постановление «О мерах ограничения продажи спиртных напитков», которое вводило запрет на продажу алкоголя детям, лицам в состоянии алкогольного опьянения, а также на продажу спиртных напитков в различных культурных учреждениях (театрах, клубах, кинематографах). Запрет продажи алкоголя в выходные и праздничные дни или накануне их, а также в нерабочие часы оставался на усмотрение местных органов власти. Постановление распространялось на все виды спиртных напитков, кроме натурального (без добавления спирта) вина и пива.

В конце 1920-х возобновилось трезвенническое движение. В 1928 г. было создано «Российское общество по борьбе с алкоголизмом». Общество в своей работе сочетало антиалкогольную пропаганду и помощь властям в выявлении скрытых алкоголиков и нелегальных торговцев спиртным. Активисты Общества оценили рост потребления водки за 1924/25 -1927/28 фискальные годы. Оно выросло более чем в 10 раз и составило 504 млн литров (Трезвость и культура 1928). Это составляет примерно 2,1 литра этанола на одного взрослого. Если учесть, что водка не единственный источник алкоголя, то это примерно столько же, сколько в середине 1890-х (рисунок 2). Однако в 1930 г. стало ясно, что главная экономическая цель отмены сухого закона достигнута не была, о чем И.В. Сталин сообщил в письме В.М. Молотову (Сталин 2004: 352).

Алкогольная политика и потребление алкоголя в 1947-1984 гг.

Сравнение колебаний стандартизованных индексов смертности от алкогольных отравлений и от внешних причин в 1956-2020 гг. (рисунок 2) позволяет утверждать, что в этот период они почти синхронны. Как известно, рост потребления алкоголя непременно сказывается на смертности от внешних причин (Вишневский 2013: 420-434). Стабильный, близкий к 100%, СИС от внешних причин в городском населении в 1947-1955 гг. (рисунок 2) позволяет думать, что и смертность от алкогольных отравлений была стабильной на уровне 1956-1964 гг. Это означает, что прямого влияния войны на потребление алкоголя не было, а подъем смертности от алкогольных отравлений и от внешних причин начался только в 1965 г. (рисунок 2). Уровень смертности от алкогольных отравлений и от внешних причин сельского населения выше, чем городского, но колебания СИС в обоих населенных выйдут синхронными.

Рисунок 2. Стандартизованные индексы смертности мужчин в России от алкогольных отравлений (верхняя панель) и от внешних причин (нижняя панель), %.

Источник: Расчеты авторов по данным государственной статистики.

Примечание: Стандарт – смертность в городском населении России в 2019 г., принят за 100 %.

Уровень смертности от алкогольных отравлений продолжал расти до 1981 г. включительно и в городском, и в сельском населении. Затем в 1982-1984 гг. он несколько снизился и стабилизировался. Также вела себя смертность от внешних причин.

Непосредственно после окончания войны, в условиях значительных продовольственных трудностей, у большинства не было возможности приобрести алкоголь в коммерческих магазинах. По рабочей карточке продавали две пол-литровые бутылки водки в месяц. Но многие семьи старались обменять водку на продукты питания (Короткова 2015). После отмены продовольственных карточек водка продавалась во всех продовольственных магазинах, в ресторанах, кафе, столовых и буфетах, кроме расположенных на предприятиях. В середине 1950-х в России средняя зарплата составляла примерно 700 руб. Цена на водку относительно средней зарплаты была высокой: например, «Водка обыкновенная» стоила 21,20 руб., «Столичная» – 30,70 руб. за 0,5 литра. Уровень смертности от алкогольных отравлений в этот период был стабильным, и можно предположить, что высокая цена на водку способствовала тому, что потребление крепкого алкоголя не возрастало.

15 декабря 1958 г. было выпущено постановление ЦЛ КПСС и Совмина «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками». Его появление обосновывалось ростом преступности, ослаблением трудовой дисциплины, прогулами, увеличением брака на производстве. Меры, вводимые в этом, как и в более ранних постановлениях, носили ограничительный характер: запрещалась продажа крепких алкогольных напитков до 10 часов утра, продажа спиртных напитков несовершеннолетним, продажа крепкого алкоголя в молочных, рыбных, мясных и подобных непрофильных магазинах, в районных универмагах, в магазинах и киосках мелкорозничной торговли, в закусочных, буфетах, столовых и кафе, на транспорте (кроме ресторанов), в местах массовых гуляний и отдыха, а также возле учебных учреждений, больниц, санаториев, домов отдыха и промышленных предприятий. Вводились ограничения на продажу алкоголя непосредственно в ресторанах: допускалось продавать не более 100 граммов на одного посетителя. При этом устанавливалась цена на 50% выше розничной. Постановление предлагало исключать выручку от продажи водки при премировании работников торговли и общепита с целью снизить материальную заинтересованность работников в торговле крепким алкоголем. Ставилась задача усилить контроль за расходованием этилового спирта на производственные нужды. Минздраву поручалось обеспечить принудительное лечение алкоголиков.

Снижение СИС от алкогольных отравлений и от внешних причин в 1956 г. нельзя связать с данным постановлением, так как оно было принято в середине декабря 1958 г. СИС от этих причин в 1959 г. вырос против 1958 г. на 4% от внешних причин, на 5% от отравлений (рисунок 2). Этот рост может быть связан с тем, что постановление 1958 г. имело одно крайне негативное последствие. В результате запрета торговли водкой в розлив в буфетах, столовых и так далее все более популярным становится потребление водки «на троих» у магазинов, в скверах, в подъездах и других, не предназначенных для этого местах. В излюбленных местах возникали устойчивые группы пьяниц со всеми свойствами малых групп. Это явление не было описано в научной литературе, но только в городском фольклоре. Лишь много позже на эту тему заговорили ученые (Заиграев 1986).

В 1961 г. в ходе денежной реформы исчезла из продажи самая дешевая водка. Но СИС и от алкогольных отравлений, и от внешних причин в 1962 г. стал выше, чем в 1960 г. Связано это с тем, что рост цены водки привел к росту популярности низкокачественных и дешевых крепленых вин, и десертных напитков.

Через 10 лет, 16 мая 1972 г., было принято Постановление Совета Министров СССР №361 «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма», запрещавшее продажу водки и других напитков крепостью 30% и выше в выходные и праздничные дни. Торговля ими в рабочие дни разрешалась только с 11 до 19 часов. Запрещалась розничная продажа всех алкогольных напитков лицам, находящимся в состоянии опьянения, и несовершеннолетним. Первое повторяло постановление 1927 г., а второе – 1958 г. В магазинах, где в 1958 г. запретили продажу водки, теперь запрещалась продажа напитков крепостью свыше 30%. Торговля крепким алкоголем стала возможной при специальном разрешении. Постановление требовало расширить и укрепить сеть лечебно-трудовых профилакториев принудительного лечения от алкоголизма. Постановление предписывало сократить в 1972-1975 гг. производство водки и крепких алкогольных напитков, увеличить выпуск безалкогольных напитков, виноградных вин и пива, разрешало продажу в розлив пива и безалкогольных напитков.

Как и постановление 1958 г., постановление 1972 г. практически не повлияло на уровень смертности от алкогольных отравлений или внешних причин. Рост СИС мужчин от алкогольных отравлений и от внешних причин продолжается до 1981 г. (рисунок 2).

Чем можно объяснить, что именно в 1965 г. в России начался долговременный рост смертности? Мы предлагаем следующее объяснение роста алкогольной смертности. В ноябре 1965 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Оно позволило успешно работающим предприятиям увеличивать заработную плату работникам за счет прибыли. Представляется, что рост денежных доходов обострил проблему дефицита товаров. Необычность ситуации в СССР была в том, что наиболее дефицитными были более качественные и, следовательно, более дорогие товары. Если семье после многих попыток не удавалось купить нужную вещь желаемого качества, то приходилось идти на компромисс и покупать что-то из того, что было в продаже. Покупка не радовала, но на оставшиеся деньги можно было пригласить родственников и друзей и устроить праздник. Отмечали дни рождения, государственные и традиционные праздники, в том числе неодобряемые государством. Стали гораздо шумнее «гулять свадьбы» и поминать умерших. «В городскую культуру были привнесены традиции многолюдного длительного застолья со скандалами и драками» (Гайдар 2006: 93).

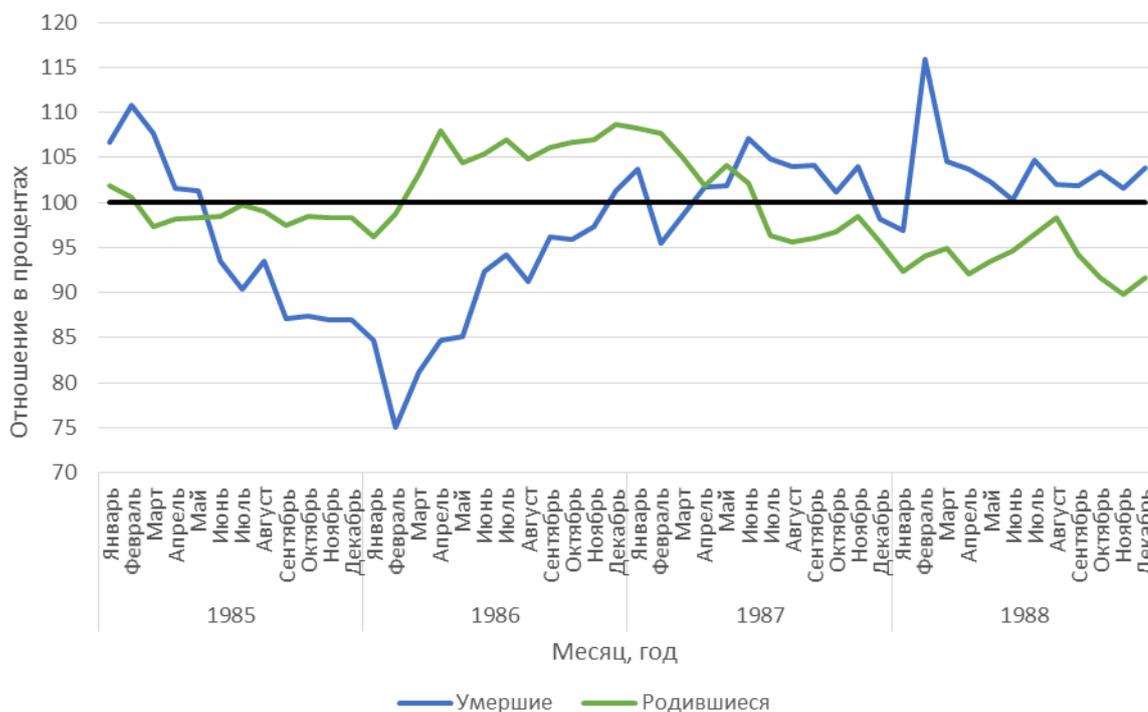
Регулярное потребление алкоголя не только повышает риск смерти от внешних причин, но и ведет к формированию в населении и росту группы опасно потребляющих алкоголь (Leon et al. 2007).

В ноябре 1982 г. умер Л.И. Брежнев и на посту Генсека его сменил Ю.В. Андропов. Но уже в 1982 г. СИС от алкогольных отравлений и от всех внешних причин немного снизился, в 1983 г. тоже произошло небольшое снижение, а в следующем году уровень не изменился. Возможно, снижение в 1983 г. было связано с попытками Ю.В. Андропова укрепить трудовую дисциплину.

Алкогольная политика и потребление алкоголя в 1985 - 1991 гг.

17 мая 1985 г. в газете «Правда» были опубликованы в изложении постановления ЦК КПСС, Совета министров СССР и указ Президиума Верховного Совета СССР, возвестившие о начале в стране Антиалкогольной кампании³. Документы предписывали сократить производство всех видов алкогольной продукции и вести жесткую борьбу с самогонварением, сократить число точек продажи алкоголя. Алкоголь разрешалось продавать в специализированных отделах или магазинах только в рабочие дни с 14 до 19 часов. Запрещалось продавать спиртные напитки лицам, не достигшим 21 года. Строго запрещалось потребление алкоголя в общественных местах. Предлагалось активизировать работу вытрезвителей, лечебно-трудовых профилакториев и наркологической службы. Введение новых запретительных мер обосновывалось обострением проблемы пьянства и неудовлетворительным выполнением ранее принятых мер.

Рисунок 3. Числа умерших мужчин в возрасте старше 1 года и числа родившихся в России по месяцам 1985-1988 гг., % к числу событий в том же месяце прошлого года

Источник: Рассчитано по данным государственной статистики РФ.
При расчете данные за февраль 1984 и 1988 г. умножены на 28/29.

К концу мая 1985 г. в Москве в созданных винных отделах выросли очереди. Были введены талоны на водку из расчета 1 литр в месяц на одного человека в возрасте 21 год и старше. Летом 1986 г. в Москве возник дефицит сахара и появились талоны на сахар, потом на табачные изделия. Ту же картину рисовали рассказчики из других городов и республик. Вскоре впервые после 1946 г. в Москве возникли очереди за хлебом.

³ О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма (1985). Правда, 17 мая, №137(24394).

Из свободной продажи стали исчезать и другие товары, которые в Москве до этого никогда не были в дефиците, например, молоко.

Не менее впечатлял и демографический эффект антиалкогольной кампании. Рисунок 2 демонстрирует фантастически быстрое снижение показателей смертности от внешних причин. На рисунке 3 четко видно, что уже с июня 1985 г. ежемесячные числа умерших мужчин начали устойчиво снижаться по сравнению с тем же месяцем прошлого года, а через 10 месяцев, с марта 1986 г., стали расти ежемесячные числа родившихся. Так что связь обеих явлений с антиалкогольными мерами представляется неоспоримой. Но уже в 1988 г. числа умерших мужчин начали расти.

В 1987 г. был зафиксирован самый высокий после 1963 г. уровень рождаемости. Суммарный коэффициент составил 2,23, но в 1991 г. он упал до 1,73, затем снижение продолжилось.

Высказывалось мнение, что в 1988 г. произошло некоторое ослабление кампании. Встречалось даже «Антиалкогольная кампания 1985-1988 годов». При этом ссылались на Постановление ЦК КПСС 25 октября 1988 г. «О ходе выполнения постановления ЦК КПСС по вопросам усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом». Постановление не публиковалось, но согласно А.В. Немцову (Немцов 2009: 78-79) постановление предостерегало от нагнетания ограничений, призвав выполнять принятые решения.

Ослабления ограничений не случилось, и алкогольные напитки доступнее не стали. Смертность от внешних причин и в целом начала расти уже в 1988 г. задолго до этого постановления, хотя от алкогольных отравлений продолжала снижаться.

Алкогольная политика и потребление алкоголя в 1992-2021 гг.

Подъем уровня смертности от алкогольных отравлений в 1992-1993 гг. был более стремительным, чем падение в 1985-1987 г. Именно в 1994 г. СИС от алкогольных отравлений и внешних причин достигли максимума за весь период после 1955 г. (рисунок 2).

Уже в январе 1992 г. ограничения в торговле крепким алкоголем в Москве практически исчезли, что может объяснить рост смертности от алкогольных отравлений, но не скорость роста и достигнутый уровень. В 1994 г. зафиксирован абсолютный максимум СИС от алкогольных отравлений и в городском, и в сельском населении. Затем СИС начал снижаться с убывающей скоростью, достигнув в 1998 г. того же уровня, что в 1985 г., а потом снова вырос, достигнув в 2003 г. уровня выше, чем когда-либо до 1992 г. После чего началось снижение.

Проведенный А.В. Немцовым подробный анализ принимаемых законов и их изменений, указов, постановлений и других документов, принятых до 2005 г. (Немцов 2009: 113-140), доказывает, что они не могли стать причиной колебаний. Возможно, они воздействовали на динамику смертности, но не определяли ее.

В 2005 г. был принят пакет документов, направленных на ограничение распространения нелегальной алкогольной продукции. Документы регламентировали производство и продажу этилового спирта и крепких алкогольных напитков, в том числе продаваемых под видом средств гигиены. Ограничения вступали в силу в течение 2006 г. Немцов и Шелыгин (2015) связали падение алкогольной смертности в середине 2006 г.

и даже в 2007 г. не с изменением законодательства, а с дезорганизацией алкогольного рынка из-за отсутствия новых акцизных марок, которые не были изготовлены вовремя.

Для конечного потребителя все введенные в 2006 г. меры означали только повышение цен на алкогольную продукцию. Подобные шаги в СССР предпринимались неоднократно, но ни разу не привели к снижению алкогольной смертности.

На наш взгляд, начавшееся в 2004 г. снижение смертности от алкогольных отравлений и от всех внешних причин, снижение потребления алкоголя и вообще рост ожидаемой продолжительности жизни связаны с ростом уровня жизни населения. Все больше семей имели возможность приобрести желаемые товары или услуги и не тратили «лишние» деньги на застолья. Все больше семей могли, используя кредит, приобрести жилье или купить автомобиль, поехать отдохнуть за границу. Для граждан СССР середины 1960-х подобные возможности казались бы сказкой.

Косвенно эту точку зрения подтверждает тот факт, что финансовый кризис 2007-2008 гг. сопровождался прекращением снижения смертности от отравлений, экономические санкции и контрмеры России в 2014 г. совпали с ростом СИС, который был компенсирован только в 2016 г., COVID-19 и локдауны 2020 г. также отмечены ростом частоты алкогольных отравлений.

Механизм связи между уровнем смертности от отравлений алкоголем и ожидаемой продолжительностью жизни мужчин

Обнаруженная благодаря А.В. Немцову и В.М. Школьникову связь между ожидаемой продолжительностью жизни мужчин в России и уровнем смертности от отравлений алкоголем требует своего объяснения. Смертность от алкогольных отравлений – малая часть смертности от причин, показатели смертности от которых чутко реагируют на потребление алкоголя, следовательно, важна не сама по себе, но как индикатор уровня потребления. Причем индикатор очень чувствительный, так как падение потребления в 1985 г. вызвало почти мгновенный рост продолжительности жизни, а рост потребления – почти мгновенное ее падение. Попытаемся понять, как это происходило.

В середине 1990-х годов А.А. Авдеевым, А. Блюмом и С.В. Захаровым, к которым позже присоединился Е.М. Андреев, была предложена модель, объясняющая резкие колебания смертности в период Антиалкогольной кампании и после нее (Avdeev et al. 1997). Предполагалось существование группы мужчин, чья смертность крайне высока при наличии доступа к алкоголю и более умеренна при его отсутствии. Наличие группы объясняло бы колебания смертности, но было лишь гипотезой.

В ходе Ижевского обследования семей была обнаружена группа мужчин, названных опасно потребляющими алкоголь (Leon et al. 2007). К группе относятся те, кто регулярно потребляет большое количество крепкого алкоголя за короткий период времени, что приводит к утрате контроля за поведением, сну в одежде, похмельному синдрому утром, частой неспособности к работе или участию с жизни семьи. Члены группы пьют непредназначенные для этого спиртосодержащие жидкости. У входящих в группу случаются продолжительные (более суток) периоды употребления алкогольных напитков – запои.

Объектом обследования были все мужчины в возрасте 25-50 лет, жившие в городе Ижевске и умершие в 2003 - 2005 гг. в период обследования. Информация об

обстоятельствах их жизни была получена путем опроса одного из их близких. Контрольная группа была сформирована на основе случайной выборки живших в Ижевске мужчин тех же возрастов, о жизни которых также опрашивали их близких. По результатам обследования в группу опасно потребляющих алкоголь входили немногим более 12% мужчин, живших в Ижевске, а смерти членов группы определяли более 49% смертей в этом возрасте. Соотношение доли группы среди живущих и умерших говорит об очень высокой смертности. При столь высокой смертности группа может существовать только благодаря постоянному притоку новых членов. Члены группы существенно чаще умирают именно от тех причин, смертность от которых особенно сильно упала в годы антиалкогольной кампании и выросла после ее окончания (Leon et al. 2007). Совпадение причин смерти, типичных для членов группы, с теми, что определили падение смертности в России в 1985-1987 гг. и ее взлет в 1992-1994 гг., свидетельствуют в пользу того, что именно эта группа ответственна за колебания смертности.

Группа опасно потребляющих алкоголь соответствует высказанной в (Avdeev et al. 1997) гипотезе. В период антиалкогольной кампании люди, склонные к опасному потреблению алкоголя, но существенно ограниченные в возможности его потреблять, сохраняли свою жизнь много дольше, чем в условиях, существовавших до кампании. Но как только доступ к алкоголю стал даже более свободным, чем до 1985 г., их смертность резко возросла, что привело к небывалому росту смертности в стране.

Одновременно начала пополняться группа опасно потребляющих алкоголь. По оценке А.В. Немцова и И.А. Покровской (1997) людям, интенсивно потребляющим алкоголь, редко удается прожить в таком состоянии более 6 лет. Поэтому после относительно низкого уровня смертности 1998 г. смертность в стране вновь начала расти.

Ижевское обследование подтвердило, что от отравлений алкоголем умирают в основном опасно потребляющие алкоголь. Среди тех, о ком была собрана полная информация, более 80% умерших от случайных отравлений алкоголем были идентифицированы как опасно потреблявшие алкоголь. Человек, ранее потреблявший алкоголь умеренно, не сможет отравиться этанолом случайно. Требуется довольно длительная «тренировка», чтобы организм позволил довести концентрацию этанола в крови до смертельного уровня, который у разных людей лежит в интервале от 4 до 12 промилле. Что-то (от рвоты до сна или обморока) помешает концентрации алкоголя случайно достигнуть смертельного уровня.

Таким образом, уровень смертности от алкогольных отравлений есть индикатор численности группы опасно потребляющих алкоголь. Именно наличие этой группы объясняет существенное влияние потребления алкоголя на смертность в России.

150 лет российской алкогольной политики

Весь рассмотренный в статье период алкогольной политики России конкурировали две цели: максимально увеличить доходы государства от торговли алкоголем и минимизировать вред, который потребление алкоголя приносит экономике, обороноспособности и здоровью населения. Как правило, государство акцентировало внимание населения на второй антиалкогольной цели. Несомненно, в 2002-2019 гг. произошло радикальное снижение смертности от алкогольных отравлений и смертности мужчин в целом. Вероятно, это стало следствием роста уровня жизни населения, а не мер антиалкогольной политики, так как связь принимавшихся антиалкогольных мер со

снижением потребления алкоголя вызывает сомнение (Pridemore et al. 2014), как и их эффективность (Gil et al. 2009).

Несмотря на то, что примерно 110 лет из рассмотренных 150 декларировалась активная антиалкогольная политика, уровень смертности от отравлений алкоголем в России в 2019 г. был одним из самых высоких среди стран, сообщивших этот показатель в ВОЗ. Россия занимает третье место (см. Приложение). На наш взгляд, занятое третье место можно рассматривать как неудачу политики. Из всего спектра принимавшихся мер только Сухой закон 1914 г. и Антиалкогольная кампания 1985 г. имели прямые демографические последствия.

Вернемся к главному вопросу о причинах неудач. Каждый раз, делая новый шаг в антиалкогольной политике, государство декларирует некоторые общие цели, которые обычно отвечают интересам большинства населения, и принимает вполне конкретные меры для их достижения. Если проанализировать цели и меры второй половины рассматриваемого периода, то обнаруживается следующая проблема: сокращение потребления алкоголя всегда толковалось как равное для всех. Но какое-либо влияние ограничительная политика оказывала на умеренно потребляющих алкоголь, поэтому радикальное снижение показателей смертности от алкогольных отравлений произошло только в период антиалкогольной кампании. Те, кто уже стали опасно потребляющими алкоголь или готовятся ими стать, возможно, и не чувствовали ограничительных мер, так как развивающаяся или развившаяся алкогольная зависимость предполагает психические изменения, в частности появление непреодолимого желания выпить.

Такие цели антиалкогольной политики, как реальное снижение смертности, укрепление трудовой дисциплины не могут быть достигнуты, если не учитывать существования группы опасно потребляющих алкоголь и тех, кто может вскоре стать ее членом. Это они сначала нарушают трудовую дисциплину, потом не выходят на работу, потом умирают в молодом возрасте. В СССР предпринимались попытки воздействовать на эту группу через создание системы лечебно-трудовых профилакториев и принудительное лечение от алкоголизма. Как мы знаем, все это не дало требуемого эффекта.

Мы не готовы давать конкретные рекомендации. Можно стремиться не допускать роста группы опасно потребляющих алкоголь, можно пытаться сократить ее численность, возвращая ее членам способность жить без запоев, регулярного потребления больших доз алкоголя и так далее. Выбор пути должны сделать специалисты. Но существует классический пример Швеции, где во второй половине XIX века пьянство среди прибывших в города из сельской местности мужчин превратилось в национальную катастрофу, и борьба с ним потребовала экстренных мер (Tomasson 1998). В XX веке продолжительность жизни мужчин в Швеции стала одной из самых высоких в Европе.

Опасное потребление алкоголя угрожает небольшой части населения. С учетом результатов обследования в Ижевске, мы оцениваем ее в 10-15%. В какой-то части эта принадлежность предопределена генетически. В России все научные работы на эту тему связаны с народами северо-востока страны (Кершенгольц, Чернобровкина, Колосова 2012). Наличие генетических особенностей дает надежду на возможность конкретных мер профилактики.

Заключение

Несмотря на позитивные сдвиги, связанная с потреблением алкоголя смертность все еще высока. Мы постарались проанализировать историю потребления алкоголя в России за последние 150 лет и антиалкогольную политику за это период.

Представляется, что есть две основных причины неудач антиалкогольной политики. Первая причина – неясность целей. Цели антиалкогольных мер сообщались не всегда, а декларированные цели отличались от реальных. Отсутствие дифференциального подхода – вторая причина неудач. Странно снижать потребление алкоголя теми, кто потребляет его в небольших количествах. Дифференциальный подход требует знаний о потреблении алкоголя в населении. К сожалению, серьезные популяционные исследования потребления алкоголя в России проводились редко.

В населении существует группа опасно потребляющих алкоголь, в которую в средних возрастах входит 10-15% мужчин, которая своим существованием привлекает новых членов и к которой принадлежит большинство мужчин, умирающих в более молодых возрастах. Социальное и экономическое благополучие сокращает риск опасного потребления алкоголя, а экономические трудности – увеличивают.

Мы не готовы давать конкретные рекомендации, но убеждены, что антиалкогольные меры должны учитывать существование совокупности людей, опасно потребляющих алкоголь, и пытаться вернуть их к нормальной жизни.

Литература

- Андреев Е.М. (2016). Конечный эффект мер демографической политики 1980-х в России. *Мир России*, 25(2), 68-97.
- Андреев Е.М., Богоявленский Д.Д., Стикли А. (2011). Алкогольная смертность в Российской Империи в 1870-1894 годах. *Демоскоп Weekly*, 461-462.
<http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0461/analit01.php>
- Введенский И.Н. (1915). *Опыт принудительной трезвости*. Москва.
- Вишневский А.Г. (Ред.) (2006). *Демографическая модернизация России, 1900-2000*. Москва: Новое издательство.
- Вишневский А.Г. (Ред.) (2013). *Население России 2010–2011. Восемнадцатый - ежегодный демографический доклад*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Гайдар Е.Т. (2006). *Гибель империи: уроки для современной России*. Москва: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия).
- ЕМИСС (2023). Розничные продажи алкогольной продукции на душу населения (в литрах чистого (100%) этанола). <https://www.fedstat.ru/indicator/59721> Данные загружены в мае 2023 г.
- Дмитриев В.К. (1911). *Критические исследования о потреблении алкоголя в России*. Санкт-Петербург.
- Заиграев Г.Г. (1986). *Борьба с алкоголизмом: проблемы, пути решения*. Москва: Мысль.
- Кершенгольц Б.М., Чернобровкина Т.В., Колосова О.Н. (2012). Этногенетические особенности устойчивости организма к алкоголю в популяциях народов Севера.

- Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*, 9(1), 22-24.
- Короткова М.В. (2015). Повседневная жизнь победителей: Быт советских людей в послевоенное время (1945-1955). *История и обществознание для школьников*, 2, 32-44.
- Лисицын Ю.П., Копыт Н.Я. (1983). *Алкоголизм: Социально-гигиенические аспекты*. Москва: Медицина.
- Нахимов С. (1898) Пьянство (алкоголизм) и борьба с ним. В Ф.А. Брокгауз (Ред.), *Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*, т. 25А(50) (сс. 905-916). СПб: Семеновская типолитография.
- Немцов А.В. (1997). Потребление алкоголя и смертность в России. *Социологические исследования*, 9, 113-116.
- Немцов А.В. (2009). *Алкогольная история России: новейший период*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Немцов А.В., Покровская И.А. (1997). Применение статистических методов. Сообщение 1. Средние величины. *Социальная и клиническая психиатрия*, 4, 94-96.
- Немцов А.В., Шельгин К.В. (2015). Антиалкогольные законы 2005 г. и снижение потребления алкоголя в России. *Вопросы наркологии*, 1, 83-93.
- Никитина С.Ю., Козеева Г.М. (2006). Совершенствование статистики смертности от алкоголизма. *Вопросы статистики*, 11, 21-23.
- Норов В. (1904). *Казенная винная монополия при свете статистики*. Ч. 1. Санкт-Петербург.
- Пашков Е.В. (2010). Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны. *Вопросы истории*, 10, 80-93.
- Соловьев З., Страшуп И. (1926). Алкоголизм. В О.Ю. Шмидт (Гл. ред.), *Большая советская энциклопедия*, Т. 2 (сс. 234-245). Москва: Советская энциклопедия.
- Сталин И.В. (1952). Политический отчет Центрального Комитета. XIV съезд ВКП(б) 18 декабря 1925. В Сталин И.В. *Сочинения*. Т. 7 (сс.261-352). Москва: Государственное издательство политической литературы.
- Сталин И.В. (2004) Письмо В.М. Молотову 1 сентября 1930 года. В Сталин И.В. *Сочинения*. Т. 17 (сс.352-353). Тверь: Научно-издательская компания «Северная корона».
- Трезвость и культура(1928). Журнал Российского общества по борьбе с алкоголизмом, 1. http://alcddata.narod.ru/Trezvost_i_kultura/1928_1/004.html
- Andreev E.M., Bogoyavlenskii D.D., Stickley A. (2013). Comparing Alcohol Mortality in Tsarist and Contemporary Russia: Is the Current Situation Historically Unique? *Alcohol and Alcoholism*, 48(2), 215-221. <https://doi.org/10.1093/alcalc/ags132>
- Avdeev A., Blum A., Zakharov S., Andreev E. (1997). Réaction d'une population hétérogène à une perturbation: Un modèle d'interprétation des évolutions de mortalité en Russie. *Population*, 52(1), 7-44. https://www.persee.fr/doc/pop_0032-4663_1997_num_52_1_6544
English translation: Avdeev A., Blum A., Zakharov S., Andreev E. (1998). The reactions of a heterogenous population to perturbation. An interpretative model of mortality trends in

- Russia. *Population. An English Selection*, 10(2), 267-302.
https://www.persee.fr/doc/pop_0032-4663_1998_hos_10_2_6830
- Danilova I., Shkolnikov V., Andreev E. M., Leon D. A. (2020). The changing relation between alcohol and life expectancy in Russia in 1965–2017. *Drug and Alcohol Review*, 39(7), 790-796. <https://doi.org/10.1111/dar.13034>
- Gil A., Polikina O., Koroleva N., McKee M., Tomkins S., Leon D. A. (2009) Availability and characteristics of nonbeverage alcohols sold in 17 Russian cities in 2007. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, 33(1), 79–85. <https://doi.org/10.1111/j.1530-0277.2008.00813.x>
- Leon D.A., Saburova L., Tomkins S., Andreev E., Kiryanov N., McKee M., Shkolnikov V.M. (2007). Hazardous alcohol drinking and premature mortality in Russia: a population based case-control study. *Lancet*, 369 (9578), 2001-2009. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(07\)60941-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(07)60941-6)
- McKee M., Sűzcs S., Sarvary A., Ádany R., Kiryanov N., Saburova L., Tomkins S., Andreev E., Leon D.A. (2005). The composition of surrogate alcohols consumed in Russia. *Alcoholism: clinical and experimental research*, 29(10), 1884-1888.
<https://doi.org/10.1097/01.alc.0000183012.93303.90>
- Meslé F., Vallin J., Hertrich V., Andreev E., Shkolnikov V. (2003). Causes of death in Russia: assessing trends since the 50s (pp.389-414). In Kotowska, Jóźwiak (Ed.). *Population of Central and Eastern Europe. Challenges and Opportunities*. Warsaw: Statistical Publishing Establishment.
- Meslé F., Shkolnikov V., Hertrich V., Vallin J. (1996). *Tendances récentes de la mortalité par cause en Russie: 1965-1993. (Volume 2, Annexes)*. Paris: Centre de démographie et d'écologie humaine de Moscou
- Nemtsov A. (2011). *A contemporary history of alcohol in Russia*. Stockholm: Södertörns högskola. (Södertörn Academic Studies, 1650-433X; 43) https://bibl-app.sh.se/publicationseries/home/publication/diva2_425342?selectedId=2
- Pridemore W.A., Chamlin M.B., Kaylen M.T. Andreev E. (2014) The Effects of the 2006 Russian Alcohol Policy on Alcohol-Related Mortality: An Interrupted Time Series Analysis. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, 38(1), 257–266.
<https://doi.org/10.1111/acer.12256>
- Tomasson R.F. (1998). Alcohol and Alcohol Control in Sweden. *Scandinavian Studies*, 70(4), 477-508.
- WHO (2021). WHO Mortality Database. Retrieved from <https://www.who.int/data/data-collection-tools/who-mortality-database> Data downloaded June 22, 2021

Приложение

Алкогольные отравления в странах – членах ВОЗ в 2015-2019 гг.

107 стран передали в ВОЗ данные о смертности населения по причинам смерти, классифицированные в соответствии с классификацией причин смерти 10-го пересмотра (WHO 2021). В данных по 88 странам упоминаются отравления алкоголем. Нам удалось найти данные о численности мужчин почти во всех этих странах, но о возрастном составе – в чуть более половине стран. Поэтому пришлось ограничиться расчетом общего коэффициента смертности. В тех случаях, когда были данные только за часть пятилетия, расчет проводили по доступным данным. Недостатки общего коэффициента смертности хорошо известны – он сильно зависит от возрастного состава населения. Но смерти от алкогольных отравлений концентрируются в средних возрастах, доля которых в период без войн довольно стабильна, уровень рождаемости влияет на долю пожилых и детей в населении.

Россия данные в ВОЗ не передает, так как официальная разработка данных об умерших проводится по группам причин смерти. Общий коэффициент смертности мужчин в России от алкогольного отравления составил 18,4 на 100 тыс. мужчин.

Выше этот показатель только в Белоруссии (27,0) и Монголии (23,3). За Россией следуют Эстония (13,4), Литва (11,7), Финляндия (10,5), Латвия (9,7), Исландия (8,8), Киргизия (8,6), Казахстан (8,4) и Польша (6,7). Из 10 перечисленных стран 7 ранее входили в состав СССР.

Порядковый переход рождаемости в длительной исторической ретроспективе

Ирина Евгеньевна Калабихина
(ikalabikhina@yandex.ru), Московский
Государственный Университет
имени М.В. Ломоносова, Россия.

Полина Олеговна Кузнецова
(polina.kuznetsova29@gmail.com), Московский
Государственный Университет
имени М.В. Ломоносова, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия.

Parity transition in fertility in a long historical perspective

Irina Kalabikhina
(ikalabikhina@yandex.ru),
Lomonosov Moscow State University,
Russia.

Polina Kuznetsova
(polina.kuznetsova29@gmail.com),
Lomonosov Moscow State University,
The Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration
(The Presidential Academy, RANEPА) Russia.

Резюме: Анализ того, как менялось распределение женщин по числу рожденных детей в течение более полутора веков, позволяет выдвинуть гипотезу о порядковом переходе рождаемости, охватывающем первый и второй демографические переходы. Мы предполагаем, что изменение неоднородности рождаемости (мера неоднородности распределения женщин по числу рожденных детей) во времени имеет N-образную форму: начальный рост (1 этап), последующее снижение неоднородности (2 этап) и окончательный рост в условиях низкой и очень низкой рождаемости (3 этап).

Первый этап порядкового перехода в основном определяется отказом от рождений высоких порядков и постепенным переходом к небольшой семье, что приводит к росту неоднородности распределения женщин по порядкам рождений. Далее, на втором этапе порядкового перехода, как правило наблюдается определенное снижение неоднородности, связанное, во-первых, с сокращением распространенности вынужденной бездетности и, во-вторых, с дальнейшим и окончательным отказом от многодетности. Динамика неоднородности рождаемости на третьем этапе порядкового перехода определяется в основном ростом бездетности, происходящим в условиях пересмотра индивидуальных взглядов на брак и семью, характерного для второго демографического перехода.

Мы изучаем динамику неоднородности итоговой рождаемости, измеряемую с помощью коэффициента Джини на данных трех источников (данные переписей IPUMS, данные о рождаемости в развитых странах Human Fertility Database (HFD), данные о рождаемости и образовании Cohort, Fertility and Education (CFE)). Эмпирические подтверждения различных стадий перехода приводятся нами для 16 стран с различным уровнем экономического развития. Использование исторических данных переписей населения США и данных о рождаемости в странах Африки в том числе позволяют взглянуть на динамику характеристик рождаемости на ранних стадиях демографического развития.

Представленные в данной статье эмпирические свидетельства подтверждают существование порядкового перехода в рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость, демографический переход, неоднородность рождаемости, распределение женщин по числу рожденных детей, порядковый переход, IPUMS, Human Fertility Database.

Благодарности: Мы благодарим анонимных рецензентов за очень ценную для нас дискуссию и полезные замечания.

Финансирование: Исследование проведено при финансовой поддержке Госзадания МГУ «Воспроизводство населения в социально-экономическом развитии».

Для цитирования: Калабихина И. Е., & Кузнецова П. О. (2024). Порядковый переход рождаемости в длительной исторической ретроспективе. Демографическое обозрение, 11(3), 25-48. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22713>

Abstract: A study of the changes in the parity distribution of women over a century and a half allows us to suggest the existence of a parity transition in fertility, covering the first and second demographic transitions. We expect that the variation of heterogeneity of fertility (which measures the inequality in final parity distribution) over time is

N-shaped: initial growth (stage 1), subsequent decrease (stage 2), and final growth in a situation of low and very low fertility (stage 3).

The first stage of the parity transition is mainly caused by the decline in high-order births and gradual transition to a small family, which leads to an increase in the heterogeneity of women's distribution by birth order. Further, at the second stage of the parity transition, the heterogeneity usually decreases, because, on the one hand, involuntary childlessness becomes less common, and on the other hand, the final decline in high-order births takes place. The dynamics of fertility heterogeneity at the third stage of the transition is determined mainly by an increase in childlessness, caused by the transformation of individual attitudes towards marriage and childbearing typical for the second demographic transition.

We study the dynamics of heterogeneity in final fertility measured using the Gini reproduction coefficient computed on the data from three sources: IPUMSI census data, the Human Fertility Database (HFD), and the Cohort, Fertility and Education Database (CFE). We provide empirical evidence for the existence of different stages of parity transition for 16 countries at various stages of economic development. The use of historical U.S. census data and fertility data from Africa, among others, provides insights into the dynamics of fertility characteristics at earlier stages of demographic development.

The empirical evidence presented in this paper provides support for the existence of a parity transition in fertility.

Keywords: *fertility, demographic transition, concentration of reproduction, heterogeneity of fertility, distribution of women by children born, parity transition, IPUMS, Human Fertility Database.*

Acknowledgments: *The authors are grateful to two anonymous reviewers for fruitful discussion and valuable comments.*

Funding: *The study was carried out within the framework of the research project «Population reproduction in socio-economic development».*

For citation: *Kalabikhina I., & Kuznetsova P. (2024). Parity transition in fertility in a long historical perspective. Demographic Review, 11(3), 25-48. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22713>*

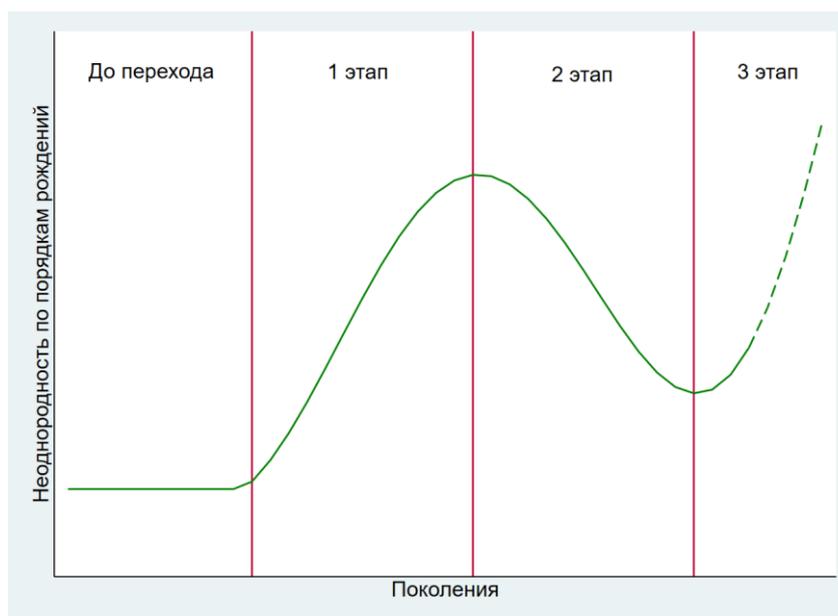
1 Введение

С установлением во многих странах низкой и очень низкой рождаемости растет важность информации о распределении женщин по итоговому числу рожденных детей (Barkalov 1999; 2005; Devolder, Reeve 2018). Изучение распределения женщин по порядкам рождений, наряду с возрастным распределением родивших женщин, позволяет распознать важные детали в весьма однородной картине низкой итоговой рождаемости. Существует целый ряд направлений использования таких данных. Модель рождаемости, основанная на том или ином распределении женщин по числу рожденных детей, используется в качестве базы для прогноза уровня рождаемости, разработки научно-обоснованной демографической политики. Кроме того, популярными темами современных исследования являются эволюция во времени и в пространстве бездетности, мало- и многодетности (Rowland 2007; Kreyenfeld, Konietzka 2017; Breton, Prioux 2009; Avdeev 2003), динамика и вклад в изменения рождаемости вероятности рождений различных порядков, а также формирование различных моделей рождаемости по порядкам рождений по странам (Zeman et al. 2018; Hellstrand, Nisén, Myrskylä 2020; Hwang 2023).

Характеристикой различных моделей распределения женщин по числу рожденных детей (или детей по поколениям женщин) может служить степень неоднородности этого распределения. В поиске одномерного показателя неоднородности или концентрации рождаемости авторы используют различные статистические индексы, в том числе коэффициент вариации, коэффициент концентрации Джини (аналог популярной меры доходного неравенства) и индекс Кольма (Lichter, Wooton 2005; Shkolnikov et al. 2007; Barakat 2014; Yoo 2015; Калабихина, Кузнецова 2023).

На основе изучения мер неоднородности распределения женщин по числу рожденных детей во второй половине XX века в разных странах с низкой рождаемостью была выдвинута идея порядкового перехода в рождаемости – об универсальном характере долговременных изменений в распределении женщин по порядкам рождений (Калабихина, Кузнецова 2023). Одним из основных выводов при анализе динамики неоднородности женщин по числу рожденных детей на коротких исторических данных стало выявление закономерностей стадий порядкового перехода: на первой стадии неоднородность падает, на второй – растет (V-образная форма перехода). Изучая демографические причины такой закономерности, авторы пришли к выводу, что на первой стадии происходит завершение первого демографического перехода (это выражается в массовом отказе от многодетности), а на второй стадии наблюдается рост бездетности в рамках второго демографического перехода.

Понимание того, что порядковый переход охватывает два демографических перехода во времени – первый (Landry 1987; Notestein 1945; Вишневский 2006) и второй (Lesthaeghe, Van de Kaa 1986; Lesthaeghe 1995) – позволяет выдвинуть гипотезу о существовании еще одной стадии в прошлом, а именно этапа снижения роста неоднородности в начальной стадии первого демографического перехода при начинающемся отказе от многодетности. Таким образом, схематическая форма порядкового перехода приобретает N-образный вид (рисунок 1). Короткий исторический ряд не позволил охватить начало демографического перехода для развитых стран, данные по которым использовались в работе, в которой впервые была выдвинута гипотеза о порядковом переходе в рождаемости (Калабихина, Кузнецова 2023).

Рисунок 1. Условная схема «порядкового перехода» рождаемости

Источник: Предположение авторов.

Для того, чтобы продлить ряд наблюдений влево и сместиться ближе ко временам не только второго, но и по возможности начальным стадиям первого демографического перехода, мы решили расширить эмпирическую базу исследования. Для этого, помимо ранее использованных данных Human Fertility Database (далее HFD), мы обратились к базам данных Integrated Public Use Microdata Series International (далее IPUMS) и Cohort Fertility and Education Database (далее CFE), содержащим унифицированные данные многочисленных национальных переписей и обследований населения в более глубокой исторической ретроспективе. Мы показываем стадии порядкового перехода для набора стран, в целом подтверждая N-образную форму порядкового перехода.

В начале статьи мы детально обсуждаем используемые данные и методику измерения неоднородности. Далее представлены результаты и предложена дискуссия о демографических причинах закономерности изменения неоднородности распределения рождений по порядкам в исторической перспективе.

2 Исторические данные для анализа порядковой рождаемости

Источники данных

Основу эмпирической базы нашего исследования составила информация трех баз данных: Human Fertility Database (HFD 2024), Integrated Public Use Microseries International (IPUMSI 2024) и Cohort Fertility and Education Database (CFE 2024). Эти базы содержат интересующую нас информацию о рождаемости по порядкам рождений для различных периодов и групп стран.

База данных HFD в основном содержит сведения о рождаемости в Европе и неевропейских развитых странах. База регулярно обновляется, в связи с чем для многих стран доступны данные для наиболее молодых когорт. Так как база ориентирована на данные о рождаемости высокого качества и детализации, длительность периода

наблюдений невелика, наиболее ранние наблюдения в нем соответствуют когортам 1920-х годов рождения (в основном 1940-1950-х годов рождения).

Основу данных IPUMSI составляют национальные переписи населения, проведенные в новейшее время начиная с 1960 г. Кроме того, в этой базе есть и существенно меньший по объему раздел исторических переписей, содержащий в том числе интересующие нас сведения о рождаемости, а именно данные переписей населения США, проведенных в 1900 и 1910 г.

База данных CFE содержит информацию об итоговой рождаемости и распределении женщин по числу рожденных детей в зависимости от уровня образования (Zeman et al. 2014). В основном они повторяют данные IPUMSI, но не полностью, в частности, они содержат важные для нашего исследования и отсутствующие в других источниках данные крупных выборочных обследований, проведенных в странах с высоким уровнем образования и низкой рождаемостью.

Интерпретация пропущенных значений о количестве рожденных детей

Данные об итоговой рождаемости мы собирали на основе вопроса переписи об общем числе рожденных детей (за исключением мертворожденных). Как правило, этот вопрос адресован женщинам старше определенного возраста, но в ряде случаев присутствует и верхняя граница возраста.

Оценка распределения женщин по порядкам рождений существенно зависит от качества исходных данных. В частности, встречаются случаи, когда объем наблюдений с отсутствующими данными о числе детей сопоставим с числом бездетных женщин. Так, например, во многих исторических переписях вопрос о числе детей задавался только женщинам, состоявшим (на момент обследования и ранее) в браке. При этом большая часть наблюдений с незаполненной информацией о рождаемости как правило соответствуют нулевым значениям (в условиях общественного неодобрения внебрачной рождаемости она не была массовой), и потому простой неучет этих значений по сути равносителен предположению о том, что рождаемость среди женщин с отсутствием данных о количестве рождений совпадает с рождаемостью среди женщин, указавших число детей, что очевидно является завышением. Об этом, в частности, предупреждают создатели базы данных IPUMS¹.

В своих расчетах мы исходили из предположения о том, что никогда не бывшие замужем женщины с отсутствующими данными о числе рожденных детей являются бездетными. Проиллюстрируем применимость такой коррекции числа рожденных детей на примере данных переписей США (рисунок 2).

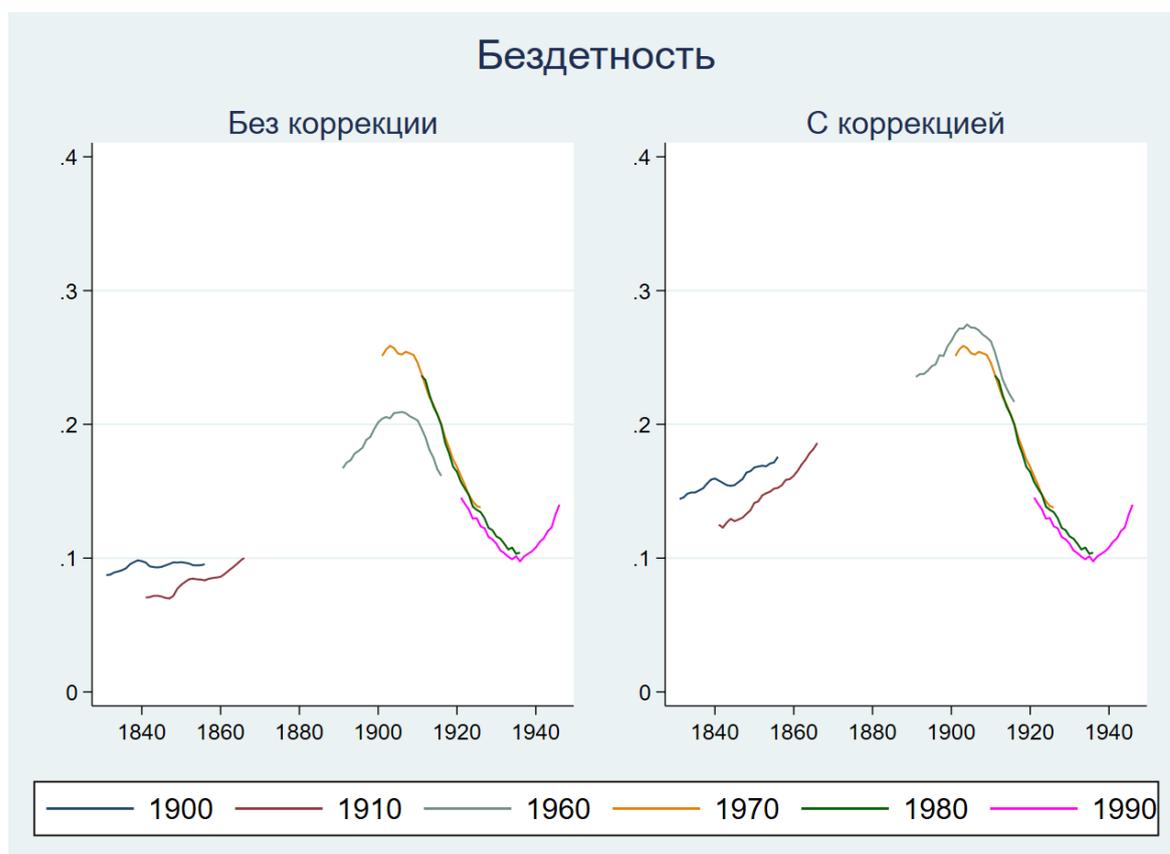
На рисунке 2 слева представлены исходные данные шести национальных переписей, в которых задавался вопрос о числе рожденных детей, на рисунке справа – те же данные, но с добавленными нулями вместо пропущенных значений для количества рождений у женщин, никогда не бывших замужем. Без коррекции пропущенных данных о

¹ См. https://international.ipums.org/international-action/variables/CHBORN#comparability_section:

«Пользователи должны с осторожностью интерпретировать категорию "данные отсутствуют", доля которой в некоторых выборках высока. Во многих случаях это может означать отсутствие у женщин детей. Кроме того, существует вероятность того, что в этой категории избыточно представлены незамужние женщины, имеющие детей».

числе детей в трех ранних переписях, проведенных в 1900, 1910 и 1960 г., распространенность бездетности скорее всего была заниженной, о чем можно судить по существенному расхождению данных переписей 1960 и 1970 г. для женщин 1910-х и 1920-х годов рождения. Коррекция существенно улучшает сопоставимость данных этих двух переписей, а также несколько снижает рост бездетности, наблюдавшийся для женщин, родившихся во второй половине XIX века. В своих дальнейших расчетах мы корректировали пропущенные значения для числа рожденных детей для женщин, никогда не состоявших в браке.

Рисунок 2. Динамика бездетности по данным переписей США для исходного показателя числа рожденных детей и его скорректированного варианта

Источник: Расчеты авторов на данных IPUMSI.

Примечание: К данным применяли процедуру сглаживания (скользящее среднее по пяти точкам для переписей 1900 и 1910 г., скользящее среднее по трем точкам для переписей 1960, 1970 г.).

Не все переписи могут быть использованы для изучения рождаемости. Главное требование к данным с точки зрения нашего исследования это присутствие в анкете переписи сопоставимого с другими странами вопроса о числе рожденных детей. Таких стран суммарно по трем источникам данных оказалось 101. Из них в выборку количественного исследования, представленного в данной статье, было отобрано 16 стран, наиболее подходящих для иллюстрации различных этапов демографического развития населения: Австрия, Аргентина, Бразилия, Венгрия, Германия, Испания, Канада, Кения, Нидерланды, Польша, Руанда, США, Чехия, Эквадор, ЮАР, Япония.

3 Методика измерения неоднородности рождаемости по порядкам рождения как меры порядкового перехода

Показатели неоднородности рождаемости

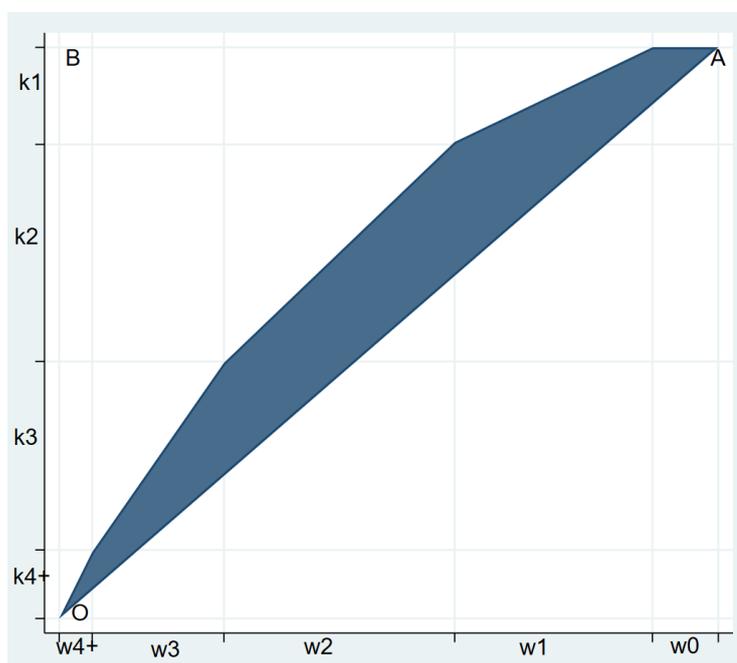
Как уже отмечалось ранее, существуют разные характеристики неоднородности рождаемости. Некоторые из них содержат информацию лишь о части распределения женщин по числу рожденных детей, например доле бездетных женщин или доле женщин с определенным числом детей. Эти показатели легко интерпретируемы и часто воспринимаются как социально значимые, но не охватывают всей картины и итогового результата. Большой интерес с точки зрения нашего исследования представляют меры неоднородности всего распределения женщин по числу рожденных детей, в связи с чем мы решили использовать коэффициент неоднородности Джини.

Коэффициент неоднородности Джини рассчитывается следующим образом (формула 1):

$$gini = 1 - w_1 * k_1 - w_2 * (2k_1 + k_2) - w_3 * (2k_1 + 2k_2 + k_3) - w_{4+} * (2k_1 + 2k_2 + 2k_3 + k_{4+}), \quad (1)$$

где: w_i – доля женщин, имеющих i детей, в общей численности женщин, а k_i – доля их детей в общей численности детского населения (рисунок 3).

Рисунок 3. Кривая Лоренца для расчета коэффициента неоднородности рождаемости Джини

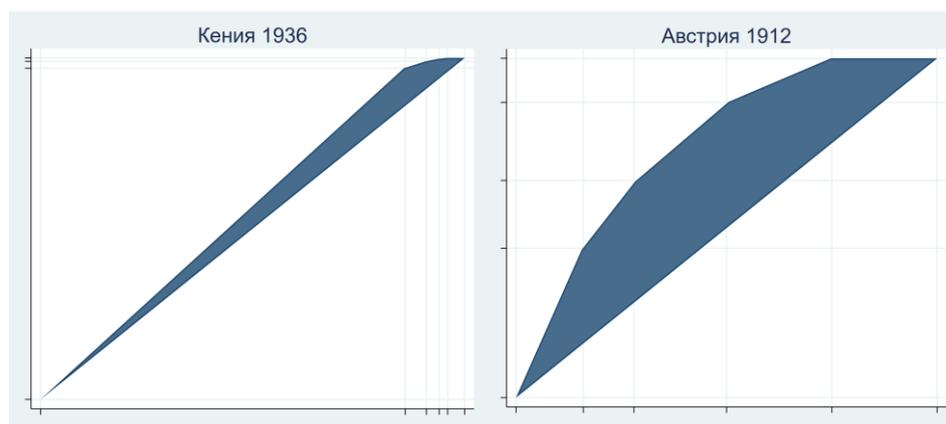
Источник: Гипотетический пример распределения популяции женщин по порядкам рождений.

Геометрически коэффициент Джини определяется как отношение площади области, ограниченной кривой Лоренца для зависимости относительной численности женщин с различным порядком рождений и относительной численности рожденных ими детей и биссектрисой первого координатного угла (закрашенная область на рисунке 3), к площади треугольника OAB, т. е. половине единичного квадрата. Минимальное значение

коэффициента, равное 0, достигается, когда все женщины имеют одинаковое число детей, а кривая Лоренца совпадает с гипотенузой первого координатного угла. Максимальное значение коэффициент неоднородности рождаемости приближается к единице и соответствует ситуации, когда большинство женщин бездетны, а все рождения сконцентрированы в очень небольшой по размеру группе женщин с одинаковой рождаемостью. Это безусловно гипотетический случай, на практике он не реализуем, как, впрочем, и аналогичный максимум коэффициента Джини для неравенства доходов, соответствующий ситуации, когда все доходы в популяции сконцентрированы у одного человека. На практике высокая (но не экстремально высокая, как в описанном выше случае) неоднородность наблюдается при высокой бездетности (на уровне от 20% и выше) и относительно равномерном распределении детей по группам женщин по паритетам рождений ($k_1 \approx k_2 \approx k_3 \approx k_{4+}$).

Чем больше закрашенная область, тем выше неоднородность рождаемости и тем больше значение коэффициента Джини. На рисунке 4 представлены графические изображения коэффициента Джини для случаев высокой (Австрия, поколение 1912 года рождения) и низкой (Кения, поколение 1936 года рождения) неоднородности рождаемости.

Рисунок 4. Кривая Лоренца для низкой (Кения, 1936 г.р.) и высокой (Австрия, 1912 г.р.) неоднородности рождаемости

Источник: Расчеты авторов на данных IPUMSI.

Линии сетки на графиках соответствуют разбиениям популяций женщин (горизонтальная ось) и их детей (вертикальная ось) в зависимости от количества рождений. На рисунках видно, что основная причина низкой неоднородности в Кении – концентрация рождений в группе женщин с четырьмя и более детьми. Высокая неоднородность рождаемости в Австрии для женщин, родившихся в 1912 г., наблюдалась на фоне высокой бездетности (25% всех женщин) и примерно равного распределения остальных женщин по порядкам рождений (доля женщин одним, двумя, тремя, четырьмя и более детьми составляли соответственно 24, 22, 13 и 16% всех женщин).

Коэффициент Джини, как и другие коэффициенты неоднородности рождаемости, в том числе индекс Кольма и индекс дисперсии, рассмотренные нами ранее (Калабихина, Кузнецова 2023), позволяют охарактеризовать распределение по порядкам рождений с помощью одного числа (вместо вектора из 4-5 значений для долей женщин с различными порядками рождений в популяции – (w_0, w_1, w_2, w_{3+}) или $(w_0, w_1, w_2, w_3, w_{4+})$). Когда речь

идет о детальном анализе динамики рождаемости в одной стране, применение традиционного метода несложно и информативно. Однако при межстрановых сравнениях и для длинных рядов анализ существенно усложняется. Мы сравнивали эти подходы в предыдущей работе и пришли к выводу, что использование единой характеристики распределения (в нашем случае коэффициента Джини) принципиально улучшает качество сравнений.

Мы действовали по следующей схеме: 1) провели глобальные сравнения (для большого числа стран и длительного периода наблюдений) с помощью коэффициента неоднородности, 2) уточнили результаты для выявленных в ходе первичного анализа интересных и важных случаев с помощью традиционных методов.

У коэффициента Джини как меры неоднородности рождаемости есть определенные недостатки. В частности, в нем может быть завышен вклад бездетности в неоднородность, особенно для ее высоких значений. Пытаясь компенсировать этот недостаток, мы рассмотрели вспомогательный индекс (см. описание в разделе «Проверка устойчивости результатов»). Сравнения показали, что качественных изменений при коррекции вклада бездетности не происходит, что свидетельствует в пользу использования основного индекса, т. е. коэффициента неоднородности рождаемости Джини, описанного выше.

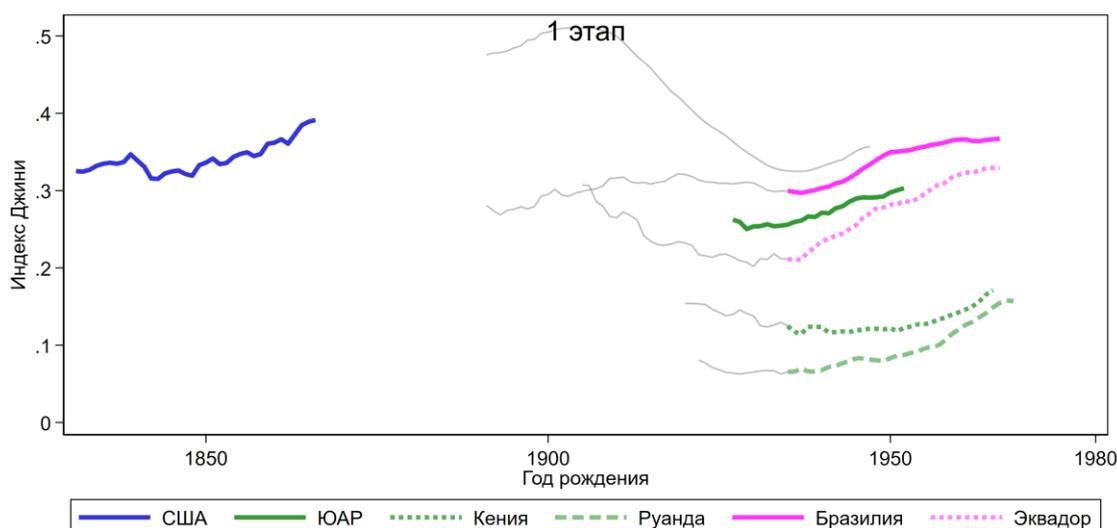
4 Результаты: N-образная форма порядкового перехода

Проведенный анализ собранных данных позволил выделить три основных этапа порядкового перехода.

1-й этап порядкового перехода

Иллюстрации течения первого (начального) этапа порядкового перехода представлены на рисунке 5.

Рисунок 5. Первый этап порядкового перехода (Кения, Руанда, Бразилия, Эквадор, ЮАР, США)

Источник: Расчеты авторов на данных CFE, IPUMSI и HFD.

Примечание: К данным применяли процедуру сглаживания (скользящее среднее по пяти точкам).

Исходно неоднородность рождаемости была низкой из-за универсальной брачности и широко распространенной многодетности. Затем последовал рост неоднородности рождаемости за счет устойчивого снижения вклада высоких порядков рождений и роста долей женщин с одним, двумя или тремя детьми.

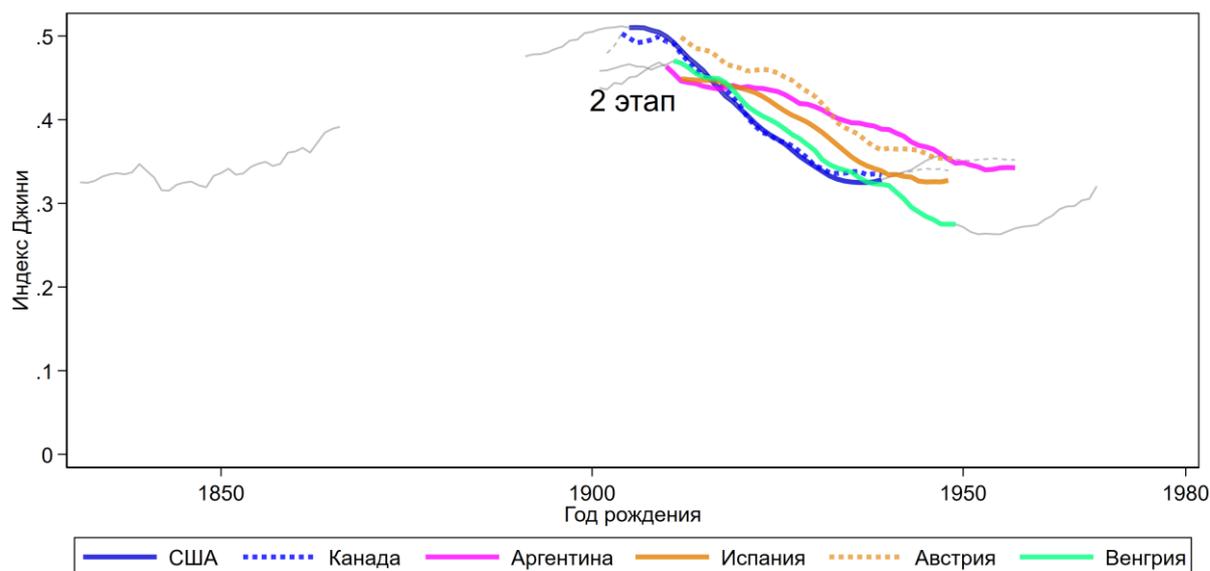
У стран, которые недавно вступили в первый демографический переход, можно видеть более отчетливо начало первого этапа порядкового перехода – рост неоднородности рождений по порядкам. Такая динамика наблюдается, например, для жительниц Кении и Руанды, родившихся в 1940-1960-х годов. Другие страны из нашей выборки демонстрируют динамику, характерную для первого этапа порядкового перехода, но от более высоких, не начальных, значений.

Эти страны на момент начала наблюдений стартовали не от низкой неоднородности, соответствующей естественной рождаемости, они уже успели пройти определенный путь в данном направлении (более ранними данными по этим странам в настоящее время мы не располагаем). Такой ситуации соответствуют, например, поколения женщин, родившихся в 1930-1960-х годах в Бразилии, Эквадоре и ЮАР. Привлечение данных исторических переписей 1900 и 1910 г. позволяет увидеть первый этап порядкового перехода (тоже возможно не сначала) в США у поколений женщин, родившихся в третьей четверти XIX века в этой стране.

2-й этап порядкового перехода

Изучение динамики показателей распределения женщин по порядкам рождений позволяет выделить второй этап порядкового перехода, который выражается в снижении неоднородности рождаемости. Для иллюстрации возможного течения данного этапа мы отобрали примеры для шести стран Европы, а также Южной и Северной Америки (рисунок 6).

Рисунок 6. Второй этап порядкового перехода (Австрия, Аргентина, Венгрия, Испания, Канада, США)

Источник: Расчеты авторов на данных CFE, IPUMSI и HFD.

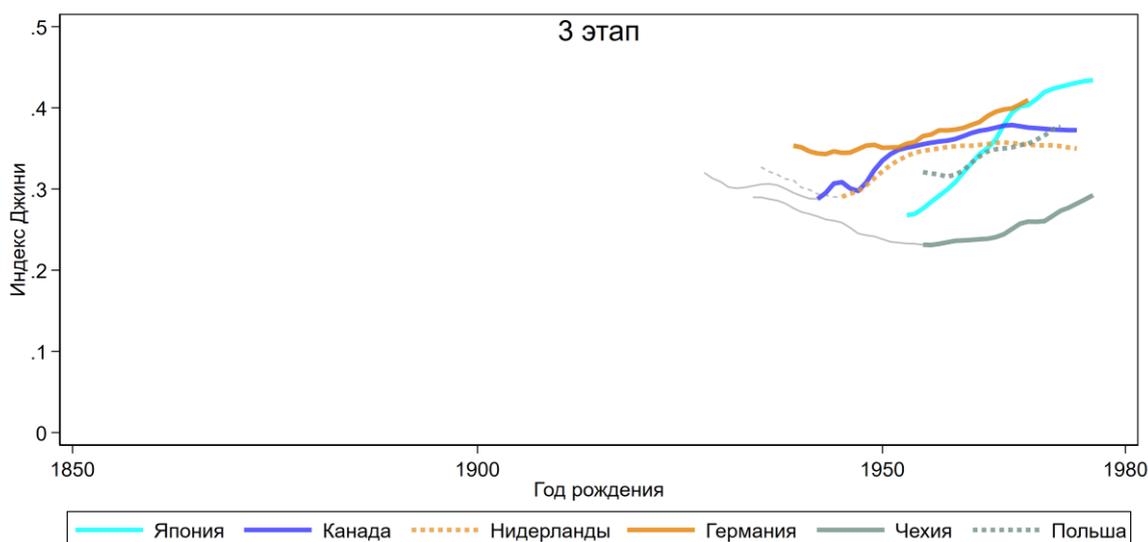
Примечание: К данным применяли процедуру сглаживания (скользящее среднее по пяти точкам).

Отобранные примеры соответствуют поколениям, родившимся в первой половине XX века. В послевоенный период во многих странах наблюдался бум брачности и рождаемости, высокие значения неоднородности рождаемости стали устойчиво снижаться прежде всего за счет снижения вынужденной бездетности.

3-й этап порядкового перехода

Завершает порядковый переход третий этап, который характеризуется ростом неоднородности рождаемости по порядкам рождений в условиях низкой и очень низкой рождаемости. Все отобранные примеры соответствуют поколениям 1940-1970-х годов рождения (рисунок 7).

**Рисунок 7. Третий этап порядкового перехода
(Канада, Нидерланды, Польша, США, Чехия, Япония)**

Источник: Расчеты авторов на данных CFE, IPUMSI и HFD.

Примечание: К данным применяли процедуру сглаживания (скользящее среднее по пяти точкам).

Таким образом, мы видим, что для целого ряда стран выполняется N-образная схема порядкового перехода в рождаемости: рост, снижение и новый рост неоднородности рождаемости.

Проверка устойчивости результатов

Использование коэффициента Джини как меры неоднородности рождаемости имеет свои ограничения. В литературе отмечают такие его свойства, как инвариантность по умножению (в то время как для меры рождаемости более соответствует инвариантность по сложению (см. объяснения в (Shkolnikov et al. 2007; Калабихина, Кузнецова 2023))), а также сложность учета в нем бездетных женщин, что видно из следующей формулы зависимости коэффициента Джини и коэффициента Джини для матерей, рассчитываемого аналогично коэффициенту Джини, но без учета бездетных женщин (формула 2):

$$J = w_0 + (1 - w_0) \times J_{mom}, \quad (2)$$

где: J – коэффициент неоднородности Джини, J_{mom} – коэффициент неоднородности Джини для матерей, w_0 – доля бездетных женщин.

Как отмечается в работе (Lichter, Wooton 2005), существует высокая корреляция между значением коэффициента Джини и долей бездетных женщин. Вклад бездетности в коэффициент Джини растет с ростом бездетности, и в периоды высокой бездетности неоднородность, оцениваемая с его помощью, может искусственно завышаться.

В то же время простота построения, наглядность и удобный для восприятия диапазон значений (от 0 до 1) не позволяют найти достойную замену коэффициенту Джини. Для того, чтобы убедиться, что эффект меняющегося вклада бездетности не оказывает существенного влияния на выводы нашего исследования, мы дополнительно оценили неоднородность рождаемости с помощью следующего скорректированного индекса:

$$J_{corr} = 0.2 \min(w_0/0.2, 1) + 0.8 J_{mom}, \quad (3)$$

где: J_{corr} – скорректированный коэффициент неоднородности Джини, J_{mom} – коэффициент неоднородности Джини для матерей, w_0 – доля бездетных женщин.

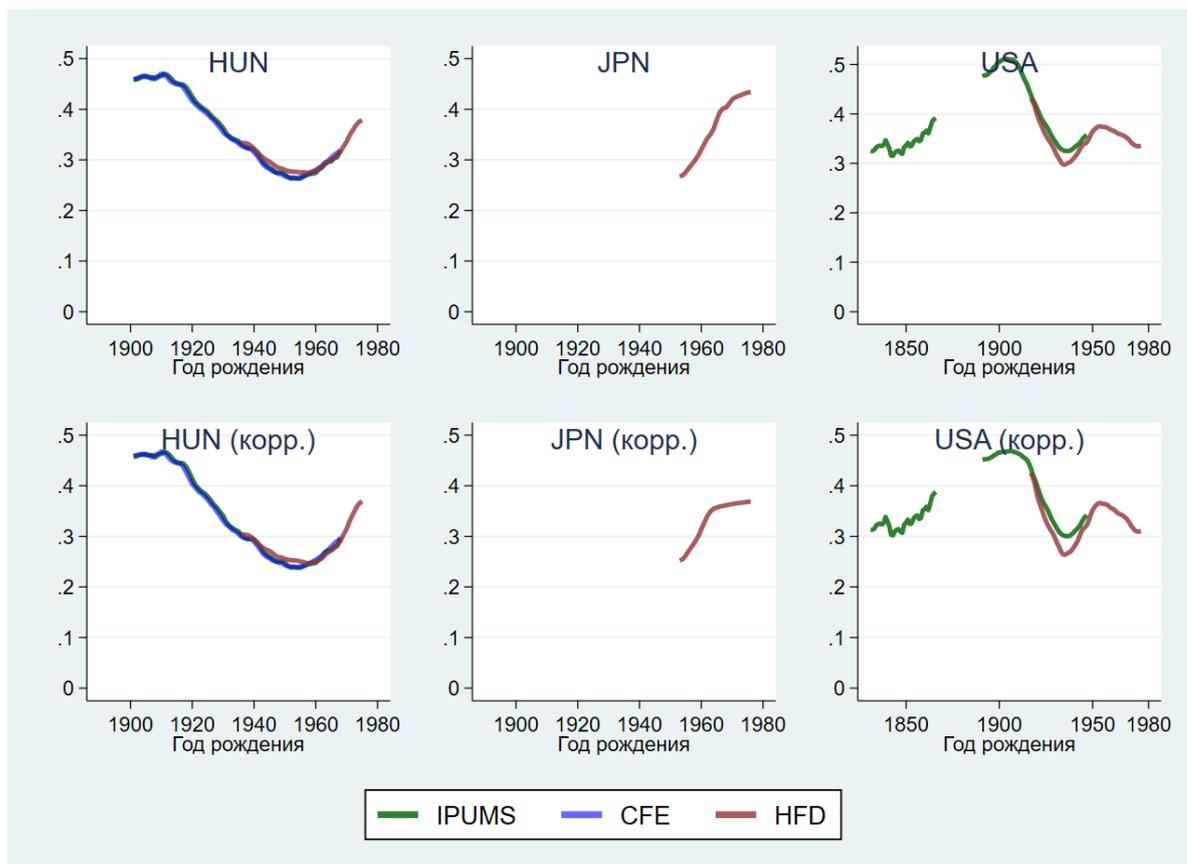
Обоснуем выбор конкретных параметров индекса. Оценивая неоднородность, мы рассматриваем пять групп распределения женщин по порядкам рождений (0, 1, 2, 3, 4+), поэтому неоднородность, обусловленную бездетностью, мы учитываем с весом 1/5, а неоднородность, свойственную материнской рождаемости, соответственно с весом 4/5. Что касается учета вклада бездетности в неоднородность (первое слагаемое в формуле 3), то для того, чтобы «подтянуть» бездетность до интервала от 0 до 1, мы нормируем ее значение на 0,2 (что соответствует 20% бездетных женщин в поколении) и полагаем, что для всех случаев еще более высокой бездетности, вклад бездетности в неоднородность равен 1.

Рассматриваемый показатель неидеален. В нем используются два экспертно определяемых параметра (взвешивающие коэффициенты и уровень максимальной бездетности), что делает его субъективным. Кроме того, мы не учитываем в нем нижнюю, биологически обусловленную, границу бездетности, поскольку попытки учесть ее дополнительно усложнили бы восприятие индекса. Однако его использование необходимо нам для проверки устойчивости результатов, полученных для основной меры неоднородности как инструмента определения стадий порядкового перехода. Особый интерес представляют случаи с высокой бездетностью, когда, как уже отмечалось, значения основного коэффициента Джини могут избыточно повышаться.

Для сравнения мы отобрали страны, имеющие периоды очень высокой бездетности, относящиеся к различным региональным группам, а именно Венгрию (Восточная и Центральная Европа), США (развитые англоязычные страны) и Японию (развитая страна Азии), и оценили для них неоднородность рождаемости с помощью коэффициента Джини и представленного выше скорректированного коэффициента Джини.

На рисунке 8 представлены результаты сравнения основного коэффициента Джини (верхний ряд) и скорректированного показателя (нижний ряд). Результаты сравнения наглядно показывают, что качественно ситуация не меняется и оценки, полученные методом основного или скорректированного индекса, близки.

Рисунок 8. Сравнение скорректированного и обычного коэффициента Джини для измерения неоднородности рождаемости

Источник: Расчеты авторов на данных CFE, IPUMSI и HFD.

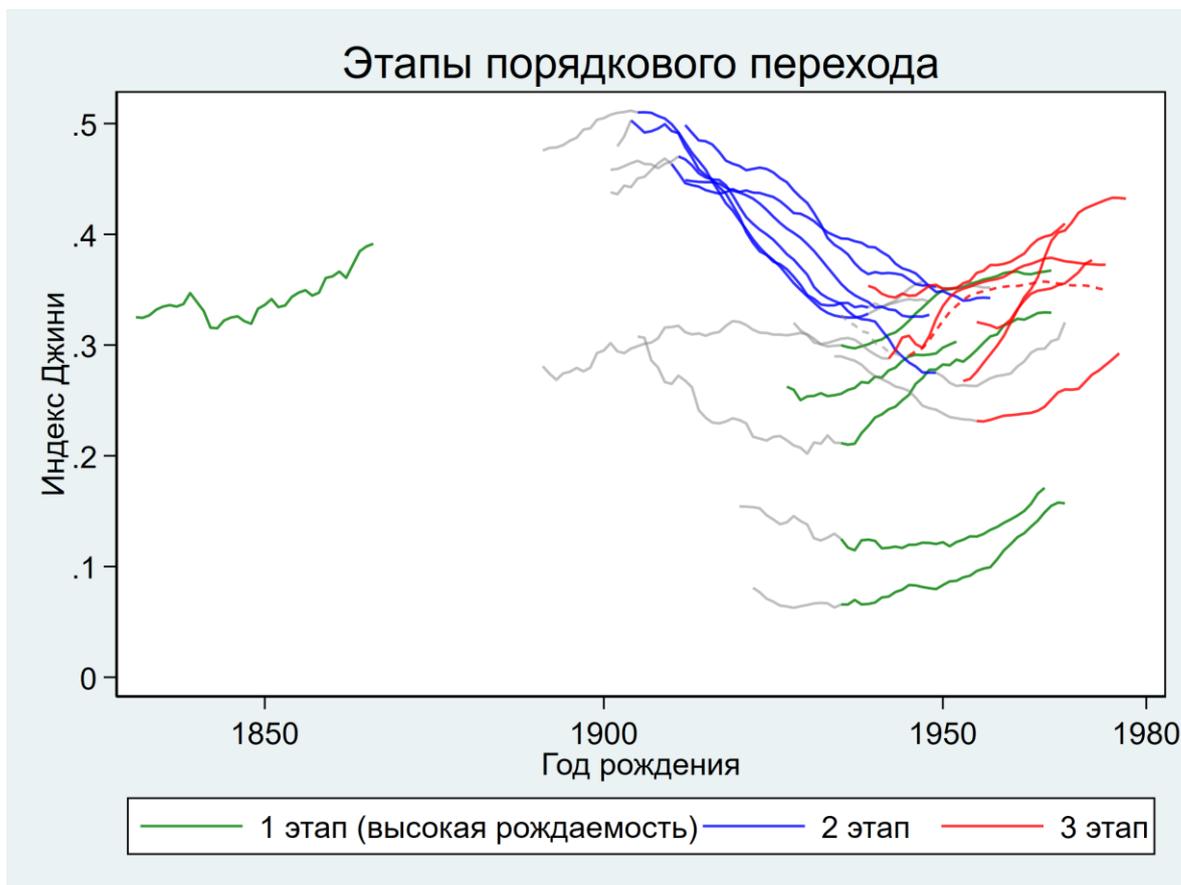
Примечание: К данным применяли процедуру сглаживания (скользящее среднее по пяти точкам).

5 Дискуссия

На рисунке 9 представлены данные о динамике неоднородности рождаемости во всех шестнадцати странах нашего исследования. Отличия роста неоднородности на первом (зеленые линии на рисунке) и третьем (красные линии) этапе заключаются в том, что на ранней стадии порядкового перехода он наблюдается на фоне высокой рождаемости, а на завершающей – на фоне низкой или очень низкой рождаемости.

Мы видим, что порядковый переход в разных странах происходил в разное время. Определенные колебания неоднородности перед началом первого этапа (серые участки линий на рисунке, перед зелеными фрагментами, соответствующими первому этапу), скорее всего вызваны изменениями вынужденной бездетности под воздействием причин социально-экономического характера, эпидемий, войн и других катастрофических событий, которые мы планируем изучить в следующих работах.

Рисунок 9. Этапы порядкового перехода для 16 стран, включенных в исследование (Австрия, Аргентина, Бразилия, Венгрия, Германия, Испания, Канада, Кения, Нидерланды, Польша, Руанда, США, Чехия, Эквадор, ЮАР, Япония)

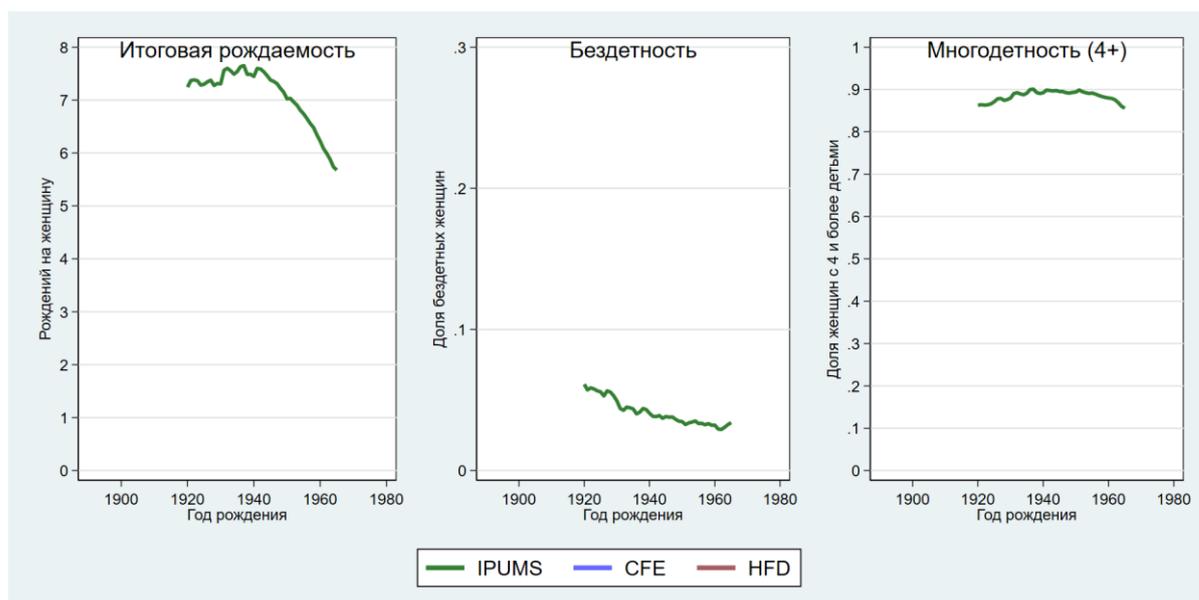

Источник: Расчеты авторов на данных CFE, IPUMSI и HFD.

Примечание: К данным применяли процедуру сглаживания (скользящее среднее по пяти точкам).

Подобно первому демографическому переходу, схема порядкового перехода не объясняет причин изменений неоднородности по историческим этапам. В данном разделе нашей статьи мы рассуждаем о возможных демографических причинах (в области рождаемости) этого перехода, лишь слегка касаясь социально-экономических детерминант, объясняющих характер наблюдаемых изменений. Последовательно рассмотрим динамику итоговой рождаемости, уровня бездетности и многодетности для разных поколений женщин в разных странах по этапам порядкового перехода. Иллюстрация первого этапа порядкового перехода (рост неоднородности) может быть дана на примере таких стран, как Кения, Бразилия и США (рисунки 10-12).

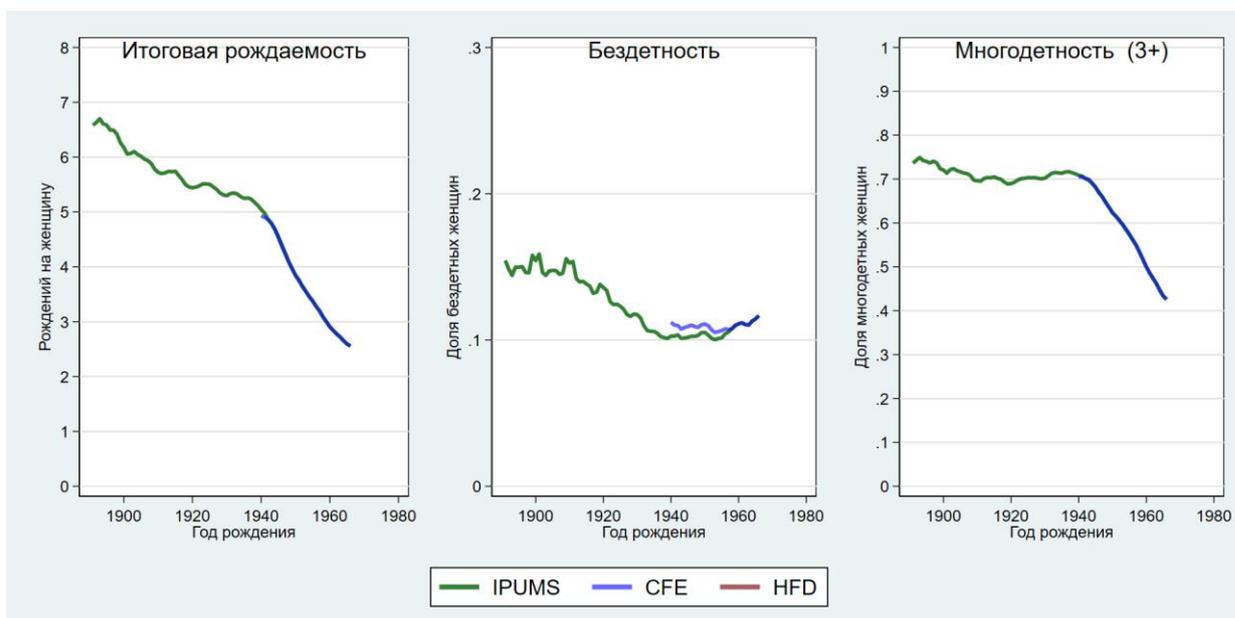
Рисунок 10. Показатели рождаемости и итогового распределения женщин по порядкам рождения в Кении

Источник: Расчеты авторов на данных IPUMSI.

Примечание: 1) К данным применяли процедуру сглаживания (скользящее среднее по пяти точкам).
2) Отрезок первого порядкового перехода приходится на поколения 1940-1960-х годов рождения.

Рисунок 11. Показатели рождаемости и итогового распределения женщин по порядкам рождения в Бразилии

Источник: Расчеты авторов на данных IPUMSI и CFE.

Примечание: 1) К данным применяли процедуру сглаживания (скользящее среднее по пяти точкам).
2) Отрезок первого порядкового перехода приходится на поколения 1940-1960-х годов рождения.

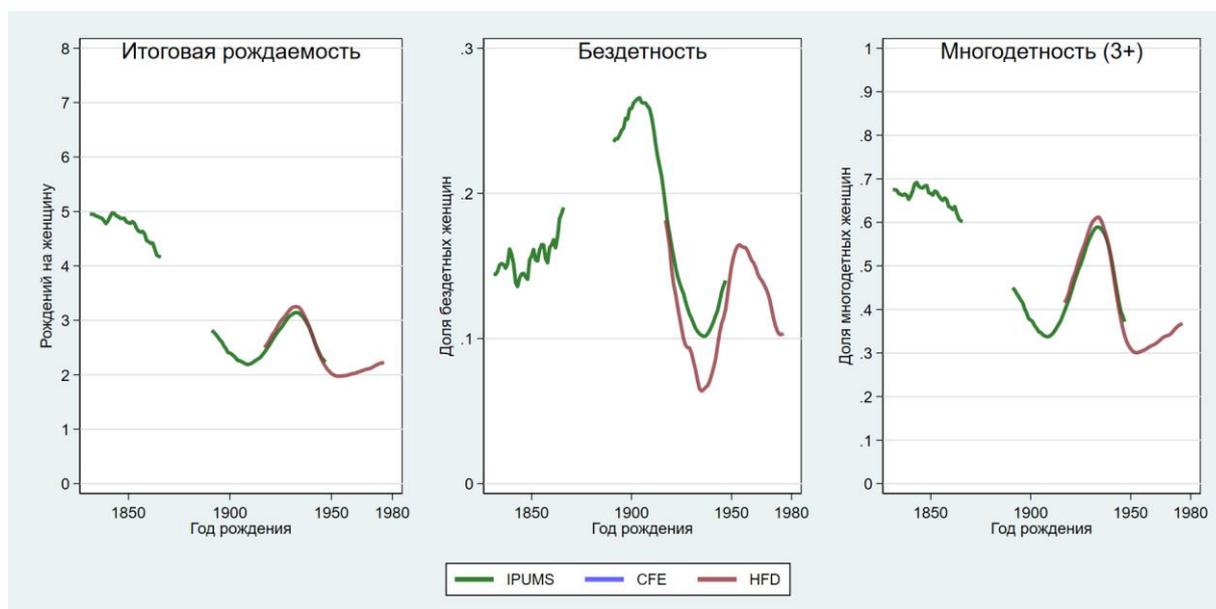
На начало наблюдений в Кении (рисунок 10) фиксировалась высокая окончательная рождаемость (свыше 7 рождений на женщину), высокая многодетность (более 80%

женщин имели не менее четырех детей) и низкая бездетность (не более 5%). Затем произошло снижение окончательной рождаемости (и роста неоднородности) за счет уменьшения многодетности, в то время как бездетность по-прежнему оставалась на очень низких значениях (поколения 1940-1960 годов рождения).

В Бразилии, как и в Кении, рост неоднородности мы наблюдаем в период снижения итоговой рождаемости за счет падения уровня многодетности (рисунок 11). Но произошло это раньше, чем в Кении. Итоговая бездетность начинает снижаться у поколений, родившихся на рубеже веков, особенно сильно – у поколений 1940-1950 годов рождения. Бездетность в этот момент не росла, а доля женщин с тремя и более детьми сократилась с 70 до 45%.

Аналогичной стадии первого этапа порядкового перехода соответствуют данные исторических переписей, проведенных в 1900 и 1910 г. в США (рисунок 12). Нас в данном случае интересуют поколения 1850-1870-х годов рождения². Имеющиеся данные позволяют увидеть снижение рождаемости для поколений, родившихся во второй половине XIX века, сопровождавшееся снижением многодетности с почти 70% до менее чем 35%. Но рост неоднородности в порядках рождений и снижение итоговой рождаемости на этом этапе сопровождались не только уменьшением многодетности, но и ростом бездетности. Возможно, это исключение связано с историческими событиями, которые находятся вне поля зрения данной работы.

Рисунок 12. Показатели рождаемости и итогового распределения женщин по порядкам рождения в США

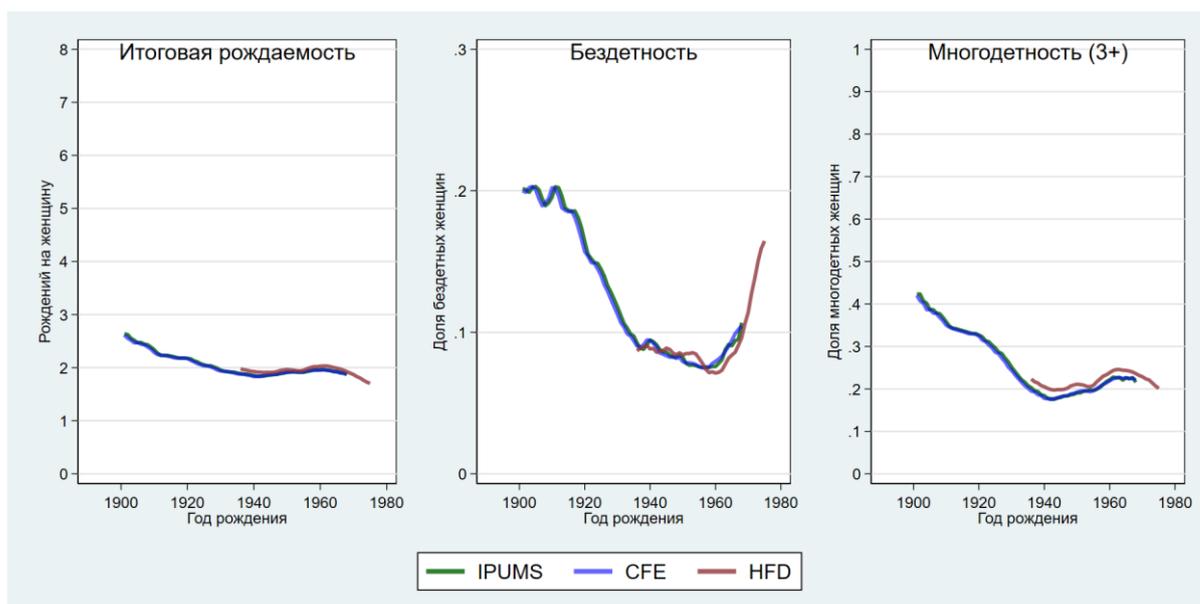

Источник: Расчеты авторов на данных IPUMSI и HFD.

Примечание: 1) К данным применяли процедуру сглаживания (скользящее среднее по пяти точкам). 2) Отрезок первого порядкового перехода приходится на поколения 1830-1870-х годов рождения.

² Далее имеется перерыв в данных, поскольку после 1910 г. данные о числе рожденных детей собирались только в переписи, проведенной в 1960 г.

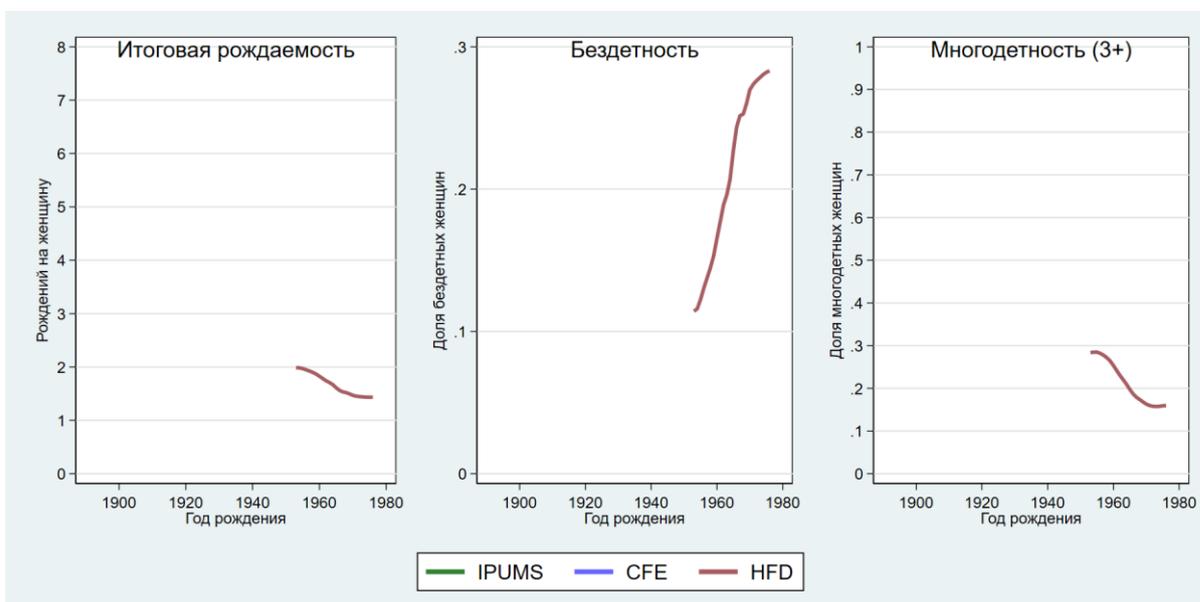
Рисунок 13. Показатели рождаемости и итогового распределения женщин по порядкам рождения в Венгрии

Источник: Расчеты авторов на данных CFE, IPUMSI и HFD.

Примечание. 1) К данным применяли процедуру сглаживания (скользящее среднее по пяти точкам).
2) Отрезок второго порядкового перехода приходится на поколения 1920-1950-х годов рождения.

Рисунок 14. Показатели итоговой рождаемости и распределения женщин по порядкам рождения в Японии

Источник: Расчеты авторов на данных HFD.

Примечание: 1) К данным применяли процедуру сглаживания (скользящее среднее по пяти точкам).
2) Отрезок третьего порядкового перехода приходится на поколения 1950-1970-х годов рождения.

На втором этапе порядкового перехода происходит снижение неоднородности рождаемости. Продемонстрируем детали этого этапа на примере Венгрии (рисунок 13),

страны с очень хорошей статистикой рождаемости по порядкам рождений, присутствующей во всех трех источниках данных нашего исследования (IPUMS, HFD, CFE).

На втором этапе перехода происходит процесс завершения снижения многодетности, что снижает неоднородность. Однородность усиливает и послевоенное снижение вынужденной бездетности.

Завершает порядковый переход третий этап, который характеризуется ростом неоднородности рождаемости по порядкам рождений за счет увеличения бездетности в процессе второго демографического перехода (Lesthaeghe 2010). Приведем в пример Японию (рисунок 14), в которой бездетность росла особенно быстро (рождаемость поколений 1950-1970-х годов).

В данной работе мы не углубляемся в социально-экономические причины изменения неоднородности, однако считаем нужным проверить важное демографическое обстоятельство, которое обычно имеют в виду демографы, работающие с данными для США. Страна с большим неоднородным населением демонстрирует наличие двух способов воспроизводства населения, и потому как правило все демографические параметры исследуются отдельно для белого и черного (небелого) населения. Данные нам тоже позволяют это сделать.

Напомним, что мы имеем очень длинный период наблюдений, присутствуют данные для когорт, начиная с 1830-х и заканчивая 1970-ми годами рождения (с 25-летним перерывом в наблюдениях, связанным с отсутствием переписей в период двух мировых войн).

Сначала охарактеризуем протекание порядкового перехода в США в целом для всего населения. Максимальный уровень неоднородности пришелся на поколение женщин, родившихся на рубеже веков. В более ранний период, для женщин, родившихся во второй половине XIX века, отмечается длительный рост неоднородности рождаемости, происходящий на фоне снижения итоговой рождаемости с примерно пяти до двух с половиной рождений на женщину.

Рост неоднородности происходил одновременно с началом снижения многодетности в более ранних поколениях второй половины XIX века (первый этап порядкового перехода). Далее снижение неоднородности происходило за счет завершения падения уровня многодетности и послевоенного снижения уровня бездетности в поколениях начала XX века (второй этап порядкового перехода).

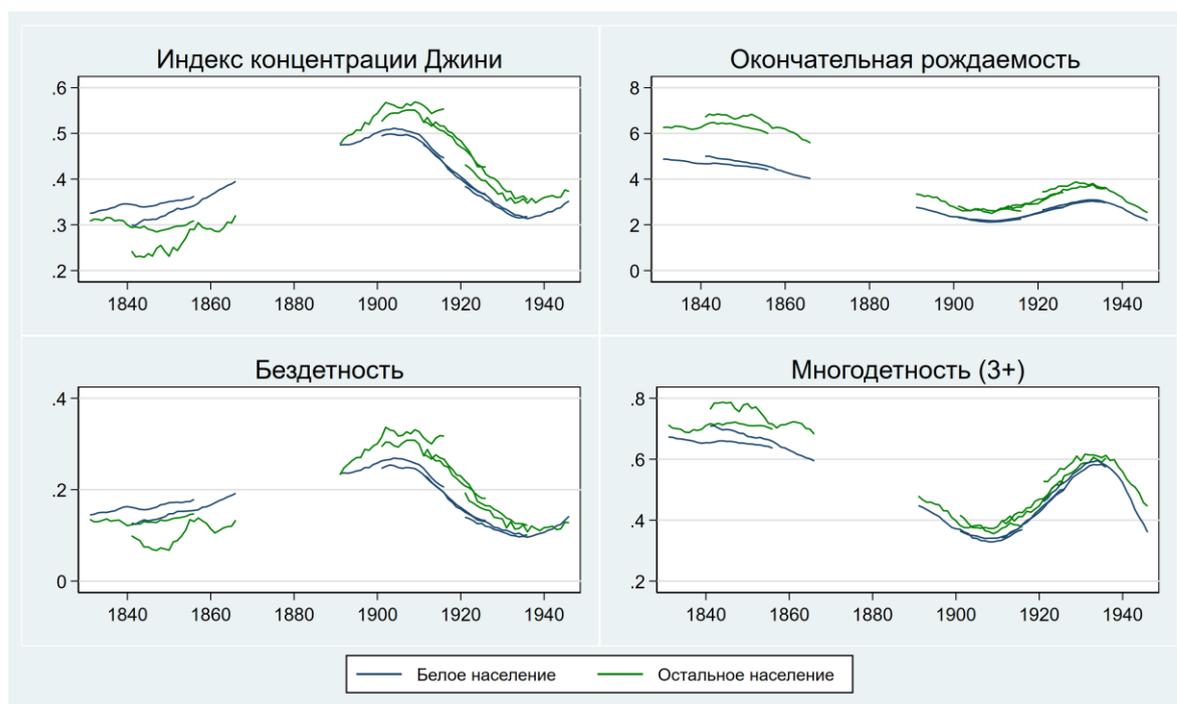
Надо отметить, что на втором этапе порядкового перехода снижение неоднородности в США было не таким глубоким, как, например, в Венгрии и других социалистических странах. Мы можем видеть так называемый ренессанс многодетности в конце второго этапа порядкового перехода в поколениях 1920-1930-х годов рождения. Такие отклонения от общей схемы порядкового перехода могут быть связаны с типом государственных гарантий в отношении поддержки женщин и детей. В социалистических странах все женщины могли себе позволить одного ребенка в условиях мощной системы общественного воспитания детей, но рожать много детей было затруднительно по причине контроля государства за обязательной трудовой деятельностью в том числе и женщин с детьми. Так называемый институциональный контракт женщины и государства «работающая мать» (Rotkirch, Temkina 1997) определял демографическое поведение. В западных странах сформировался свой тип репродуктивного поведения в этих

поколениях на фоне жесткой специализации в браке – замужняя женщина выбирала материнство, часто многодетное. Но, как мы уже неоднократно подчеркивали, детерминанты смены стадий порядкового перехода и его отклонений – тема отдельного исследования.

Поколения после 1940-х годов рождения входят в новый этап порядкового перехода: рост неоднородности за счет роста бездетности, постепенно формируется дуализм репродуктивного поведения – двухдетность и многодетность, с одной стороны, и бездетность, с другой стороны.

Далее определим, есть ли различия в порядковом переходе белого и остального населения США (рисунок 15). Сопоставление динамики порядкового перехода и всех изучаемых показателей рождаемости для белого и остального населения в целом свидетельствует об отсутствии кардинальных различий. У белых и у остальных воспроизводится N-образная схема порядкового перехода, хорошо различимы первый этап роста неоднородности за счет быстрого старта снижения многодетности, второй этап снижения неоднородности за счет завершения снижения многодетности и падения уровня бездетности (с ренессансом многодетности в конце этапа в обеих группах), а также третий этап увеличения неоднородности за счет роста уровня бездетности.

Рисунок 15. Порядковый переход у белого и остального населения США

Источник: Расчеты авторов на данных IPUMSI.

Примечание: 1) К данным применяли процедуру сглаживания (скользящее среднее по пяти точкам).
2) Данные HFD о рождаемости по этническим группам населения отсутствуют, в связи с чем нет возможности представить более молодые когорты (начиная со второй половины 1940-х годов рождения).

В то же время наблюдаются и определенные различия. На исторических данных отчетливо видно, что первичный рост неоднородности был выше среди белого населения для женщин, родившихся во второй половине XIX века. Затем остальное население (преимущественное черное) «обгоняет» белых американцев, достигая самого высокого

уровня неоднородности рождений по порядкам. В частности, бездетность населения неевропейского происхождения, стартовав от более низких значений для поколений, родившихся в середине XIX века, достигла максимума для поколений 1900-х и 1910-х годов рождения, заметно превышая бездетность среди белых и в отдельных когортах достигая 30%-го уровня. Уровень итоговой рождаемости и многодетности в течение всего периода наблюдений был выше у черного населения.

Таким образом, вклад различных типов воспроизводства у белого и остального населения США в порядковый переход рождаемости не был существенным.

6 Краткие выводы и перспективы исследования

В ходе проведенного анализа исторических данных по порядковому переходу в рождаемости мы приходим к следующим выводам.

Мы подтвердили, что порядковый переход существует, он сильнее растянут во времени, чем первый и второй демографические переходы. Более того, он их объединяет, включая в себя и снижение многодетности на фоне первичного снижения итоговой рождаемости, и окончательный переход к малодетной семье в условиях низкой и очень низкой рождаемости, и рост бездетности в условиях второго демографического перехода.

Историческая перспектива помогает нам подтверждать существование порядкового перехода и выявить три этапа его прохождения. Мы пока не доказали универсальность порядкового перехода, для этого нужны дополнительные исследования по большому числу стран с использованием исторических данных.

Существует определенное сходство процессов изменения распределения женщин по числу рожденных детей в разных странах мира (исходно неоднородность распределения является низкой, затем следуют периоды):

- 1 этап – начальный рост неоднородности за счет активного и устойчивого снижения многодетности;
- 2 этап – спад неоднородности, часто за счет снижения вынужденной бездетности и завершения процесса снижения многодетности;
- 3 этап – финальный рост неоднородности за счет роста бездетности на фоне второго демографического перехода.

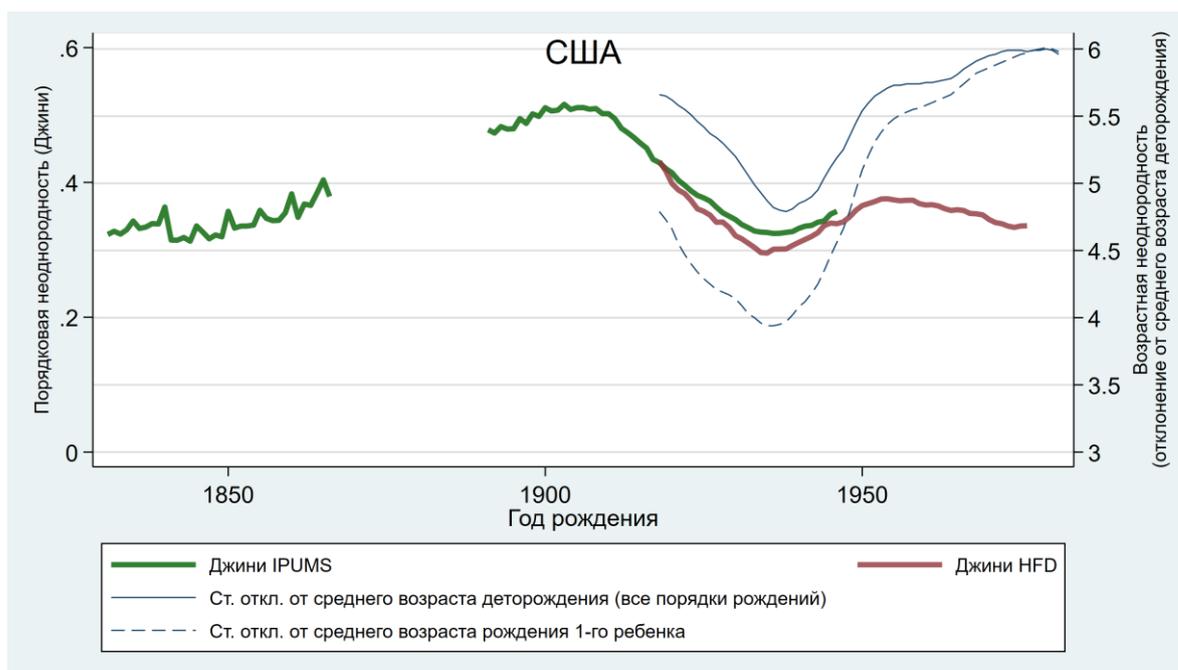
Дж. Колдуэлл в своей работе (Caldwell 2008), размышляя о демографических изменениях в развитых западных странах, расширяет горизонт исследования до полутора веков от середины XIX и до конца XX века. Изучая динамику уровня рождаемости, он приходит к выводу о последовательно сменявших друг друга трех равновесиях или относительно стабильных состояниях (компромиссах) и разделяющих их двух демографических переходах.

В своем исследовании мы тоже постарались максимально расширить исторические рамки анализа динамики неоднородности рождаемости. Концепция порядкового перехода позволяет описать этапы смены уровней неоднородности на протяжении первого и второго демографических переходов.

Строго говоря, любой переход сопровождается изменением неоднородности целого ряда показателей: сначала неоднородность растет, затем снижается. В частности,

замечено, что второй демографический переход сопровождался ростом неоднородности среднего возраста рождения детей (Philipov 2017). Мы сопоставили данные по неоднородности среднего возраста деторождения и порядковой неоднородности для США. В базе данных HFD представлены данные для поколений 1918-1981 годов рождения. Стандартное отклонение среднего возраста при рождении детей мы объединили с данными для неоднородности по порядкам, измеренной с помощью коэффициента Джини (рисунок 16).

Рисунок 16. Сравнение порядковой и возрастной неоднородности, США

Источник: Расчеты авторов на данных IPUMSI и HFD.

Примечание: В качестве меры возрастной неоднородности рождаемости рассматриваются показатели стандартного отклонения от среднего возраста деторождения (для всех рождений и для первых рождений) к 40 годам ($sdMAB40$ и $sdMAB40_1$; см. (Jasilioniene et al. 2015)).

Для поколений 1918-1981 гг. неоднородность среднего возраста рождения детей (для женщин 40 лет) менялась следующим образом: снижение вплоть до поколений второй половины 1930-х годов, последующий рост вплоть до поколений второй половины 1960-х годов рождения и дальнейшая его стабилизация на достигнутых высоких значениях. Отказ от рождения детей старших порядков приводит к снижению неоднородности показателя среднего возраста матери при рождении всех детей, затем наблюдаем рост неоднородности как следствие старения рождаемости, растущего разнообразия и выбора женщиной возраста деторождения, ростом неоднородности населения по числу рожденных детей.

Неоднородность по числу рожденных детей, как мы представляем, «возмущается» несколько раз в процессе длительного исторического периода, что позволяет увидеть некоторые закономерности порядкового перехода в рамках протекающих исторических демографических процессов.

Перспективы исследования порядкового перехода представляются многообещающими. Конечно, источники, на которые мы опираемся, предоставляют мало

данных о начале порядкового перехода, но со временем страны третьего мира дадут дополнительную пищу для размышления по этому поводу. Данные переписей не всегда содержат информацию о числе рожденных детей. Существуют проблемы с качеством данных ранних переписей и сопоставимостью данных разных источников. Но мы надеемся на то, что применение методических приемов восстановления данных поможет в развитии теории порядкового перехода. В рамках концепции порядкового перехода возникает и множество других вопросов: о длительности демографических переходов и стадиях порядкового перехода, о «глубине» и «длительности» стадий порядкового перехода в разных странах. Перспективы исследования мы видим также в поиске связей между динамикой уровня рождаемости и неоднородности по числу рожденных детей, а также в объяснении детерминант смены этапов порядкового перехода.

Литература

- Вишневский А.Г. (Ред.) (2006). *Демографическая модернизация России, 1900–2000*. М.: Новое изд-во.
- Калабихина И.Е., Кузнецова П.О. (2023). Неоднородность населения по числу рожденных детей: существует ли «порядковый переход»? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2 (174), 57-81.
<https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2362>
- Avdeev A. (2003). On the way to one-child family: Are we beyond the point of no return? Some considerations concerning the fertility decrease in Russia. In *Population of Central and Eastern Europe: Challenges and Opportunities, European Population Conference, Warsaw*, 26-30. https://dmo.econ.msu.ru/Biblio/Docs/2003_Warsaw_Avdeev.pdf
- Barakat B. (2014). Revisiting the history of fertility concentration and its measurement. *Vienna Institute of Demography Working Papers*, 1.
<https://www.econstor.eu/bitstream/10419/97017/1/784170290.pdf>
- Barkalov N.B. (1999). The fertility decline in Russia, 1989-1996: a view with period parity-progression ratios. *Genus*, 11-60. <https://www.jstor.org/stable/29788609>
- Barkalov N.B. (2005). Changes in the quantum of Russian fertility during the 1980s and early 1990s. *Population and Development Review*, 31(3), 545-556.
<https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2005.00084.x>
- Breton D., Prioux F. (2009). The one-child family: France in the European context. *Demographic research*, 20, 657-692. <https://www.jstor.org/stable/26349331>
- Caldwell J.C. (2008). Three fertility compromises and two transitions. *Population research and policy review*, 27, 427-446. <https://doi.org/10.1007/s11113-008-9071-z>
- CFE (2024). Cohort Fertility and Education Database.
<https://www.eurrep.org/database/database/> (данные загружены 02.04.2024).
- Devolder D., Reeve P. (2018). Relationships between total and birth order-specific fertility indicators: Application to Spain for the 1898-1970 cohorts. *Population*, 73(1), 61-88.
<https://doi.org/10.3917/popu.1801.0063>
- Hellstrand J., Nisén J., Myrskylä M. (2020). All-time low period fertility in Finland: Demographic drivers, tempo effects, and cohort implications. *Population Studies*, 74(3), 315-329.
<https://doi.org/10.1080/00324728.2020.1750677>

- HFD (2024). Human Fertility Database. <https://www.humanfertility.org/> (данные загружены 01.03.2024).
- Hwang J. (2023). Later, fewer, none? Recent trends in cohort fertility in South Korea. *Demography*, 60(2), 563-582. <https://doi.org/10.1215/00703370-10585316>
- IPUMSI (2024). Integrated Public Use Microseries International. <https://international.ipums.org/international/> (данные загружены 15.04.2024).
- Jasilioniene A., Jdanov D.A., Sobotka T., Andreev E.M., Zeman K., Shkolnikov V.M., Goldstein J.R., Philipov D., Rodriguez G. (2015). *Methods protocol for the human fertility database*. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research.
- Kreyenfeld M., Konietzka D. (2017). Childlessness in Europe: Contexts, causes, and consequences. *Springer Nature*, 367. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-44667-7>
- Landry A. (1987). Adolphe Landry on the demographic revolution. *Population and Development Review*, 13(4), 731-740. <https://doi.org/10.2307/1973031>
- Lesthaeghe R. (1995). The second demographic transition in Western countries: An interpretation. <https://scholar.google.com/scholar?oi=bibs&cluster=17875356408399137122&btnI=1&hl=en>
- Lesthaeghe R. (2010). The unfolding story of the second demographic transition. *Population and development review*, 36(2), 211-251. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x>
- Lesthaeghe R., Van de Kaa D.J. (1986). Twee demografische transitie. *Bevolking: groei en krimp*, 9-24.
- Lichter D.T., Wooton J. (2005). The concentration of reproduction in low-fertility societies: The case of the United States. In *The New Population Problem* (pp. 225-236). Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9781410612854>
- Notestein F.W. (1945). Population: The long view. In: T. Schultz (Ed.), *Food for the World*, 36-57.
- Philipov D. (2017). Rising Dispersion in Age at First Birth in Europe: Is it Related to Fertility Postponement? *Vienna Institute of Demography, Austrian Academy of Sciences VID Working Paper*, 11/2017, 1-28. <https://doi.org/10.1553/0x003ccff6>
- Rotkirch A., Temkina A. (1997). Soviet Gender Contracts and Their Shifts in Contemporary Russia *Idantutkimus*, 4, 6-24.
- Rowland D.T. (2007). Historical trends in childlessness. *Journal of family Issues*, 28(10), 1311-1337. <https://doi.org/10.1177/0192513X07303823>
- Shkolnikov V.M., Andreev E.M., Houle R., Vaupel J.W. (2007). The concentration of reproduction in cohorts of women in Europe and the United States. *Population and Development Review*, 33(1), 67-99. <https://www.jstor.org/stable/25434585>
- Yoo S.H. (2015). Convergence towards diversity?: cohort analysis of fertility and family formation in South Korea. Arizona State University. https://keep.lib.asu.edu/system/files/c7/131900/Yoo_asu_0010E_14988.pdf

- Zeman K., Beaujouan É., Brzozowska Z., Sobotka T. (2018). Cohort fertility decline in low fertility countries: Decomposition using parity progression ratios. *Demographic research*, 38, 651-690. <https://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2018.38.25>
- Zeman K., Brzozowska Z., Sobotka T., Beaujouan É., Matysiak A. (2014). Cohort fertility and education database. Methods protocol. https://www.eurrep.org/wp-content/uploads/CFE_Database_Methods_Protocol_2017-09-20.pdf

Семья с детьми в течение первых двух лет их жизни: разнообразие ситуаций и изменение семейных конфигураций во Франции по данным лонгитюдного наблюдения когорты родившихся в 2011 году¹

Ксавье Тьерри

(thierry@ined.fr), Национальный институт демографических исследований, Франция.

Селин Мониколь

(celine.monicolle@unistra.fr), Страсбургский университет, Франция.

Дидье Бретон

(dbreton@unistra.fr), Страсбургский университет, Франция.

Families with children during the first two years of life: diversity of situations and changing family configurations in France from a longitudinal follow-up study of the 2011 birth cohort

Xavier Thierry

(thierry@ined.fr), French Institute for demographic studies (INED), France.

Céline Monicolle

(celine.monicolle@unistra.fr), University of Strasbourg, France.

Didier Breton

(dbreton@unistra.fr), University of Strasbourg, France.

Резюме: В статье представлены результаты изучения изменений в семейных ситуациях, жилищных условиях, отношениях между родителями в течение первых двух лет жизни ребенка в современной Франции. Анализ базируется на данных уникального во Франции панельного исследования когорты детей, родившихся в 2011 г. – продолжающегося французского лонгитюдного исследования ELFE (Étude Longitudinale Française depuis l'Enfance), которое в режиме мониторинга отслеживает многообразие и динамику семейных конфигураций и условий проживания 18 тыс. детей с момента их рождения. Изменения в семейном окружении, мобильности семей были прослежены на результатах ответов матерей из подвыборки для «лояльных» семей, участвовавших в четырех волнах опросов: в родильном доме, в возрасте ребенка 2 месяца, 1 год и 2 года. В зависимости от семейных конфигураций были выделены традиционные семьи, в которых имеется супружеская пара с родными для обоих партнеров детьми, реструктурированные семьи, в которых возможны сложные семейные конструкции с присутствием отчимов, сводных братьев и сестер, и монородительские семьи, в которых, как правило, мать воспитывает детей в отсутствие отцов или отчимов в домохозяйстве.

По результатам исследования установлено, что каждый пятый ребенок рождается в реструктурированных или монородительских семьях. Монородительские семьи впоследствии часто трансформируются в реструктурированные семьи, и эпизод «одинокого родителя» является для многих предварительным и временным этапом. Из ELFE-когорты 17,3% имеют хотя бы одного сводного брата/сестру, 6,5% проживают совместно как минимум с одним сводным братом/сестрой, 2,4% проживают и с родными, и со сводными братьями/сестрами, 12,8% имеют братьев или сестер, проживающих отдельно, чаще всего (11,3%) это сводные братья/сестры. У каждого четвертого ребенка иммигрантом является либо мать, либо прародитель по материнской линии. В возрасте ребенка 2 месяца 56,0% родителей живут в неоформленных, консенсуальных союзах (т.е. без заключения брака или PACS). В течение двух лет каждая пятая пара родителей заключила гражданский союз (PACS), 4% пар за то же время расстались. После расставания характер отношений между родителями различен: чаще всего дружеские (45%), напряженные или очень напряженные (29%), равнодушные (16%), полностью отсутствуют (10%). Интенсивность мобильности семей с маленьким ребенком до двух лет высока: 29% детей меняли место проживания, в особенности, если ребенок один. Всего почти половина родителей (44%) переехали до или вскоре после родов.

Ключевые слова: Франция, панельное лонгитюдное исследование когорты детей (ELFE), структура семей, брачно-партнерский статус матерей, родные и сводные братья и сестры, мобильность семей с детьми, вклад мигрантов в рождаемость.

¹ Перевод с французского языка и научная редакция – С.В. Захаров.

Для цитирования: Тьерри К., Мониколь С., & Бретон Д. (2024). Семья с детьми в течение первых двух лет их жизни: разнообразие ситуаций и изменение семейных конфигураций во Франции по данным лонгитюдного наблюдения когорты родившихся в 2011 году. Демографическое обозрение, 11(3), 49-66. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22714>

Abstract: The article presents the results of a study of changes in family situations, living conditions, and relationships between parents during the first two years of a child's life in modern France. The analysis is based on data from a unique ongoing longitudinal panel study of a cohort of children born in 2011 - the ELFE (Étude Longitudinale Française depuis l'Enfance), which monitors the diversity and dynamics of family configurations and living conditions of 18 thousand children from the moment of their birth. Changes in the family environment and family mobility were tracked using the results of responses from mothers from a subsample of "loyal" families who participated in four waves of surveys: in the maternity hospital, at the child's age of 2 months, 1 year and 2 years. Depending on family configurations, traditional families were identified, in which there is a married couple with their common children, restructured families in which complex family structures are possible with the presence of stepfathers, stepbrothers and sisters, and monoparental families, in which, as a rule, the mother raises children in the absence of fathers or stepfathers in the household.

The study found that one in five children is born into restructured or single-parent families. Monoparental families often subsequently transform into restructured families, and the "single parent" episode is a preliminary and temporary stage for many. 17.3% of children from the ELFE cohort have at least one half-brother/sister, 6.5% of children live together with at least one half-brother/sister, 2.4% of children live with both siblings and half-siblings, 12.8% of children have brothers or sisters living separately, most often (11.3%) these are half-brothers/sisters. One in four children has either a mother or maternal grandparents who are immigrants. At the child's age of 2 months 56.0% of parents live in informal, consensual unions (i.e., no registered marriage or PACS). Within two years, one in five parental couples entered into a registered civil union (PACS), and 4% of couples separated during the same time. After separation, the nature of the relationship between parents is different: most often friendly - 45%, tense or very tense - 29%, indifferent - 16%, completely absent - 10%. The intensity of mobility of families with a small child under two years of age is high: 29% of children changed their place of residence, especially if the child is alone. In total, almost half of parents (44%) moved before or shortly after giving birth.

Keywords: France, panel longitudinal cohort study of children (ELFE), family structure, partnership status of mothers, siblings and half-siblings, mobility of families with children, contribution of migrants to fertility.

For citation: Thierry X., Monicolle C., & Breton D. (2024). Families with children during the first two years of life: diversity of situations and changing family configurations in France from a longitudinal follow-up study of the 2011 birth cohort. Demographic Review, 11(3), 49-66. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22714>

Введение

Семейное поведение во Франции существенно трансформировалось за последние десятилетия, изменив семейные ситуации и жизненные траектории членов семей, особенно детей (Toulemon 2012a; Festy 1994). Глубокие изменения претерпели не только структурные характеристики рождаемости, но и институт супружества, лежащий в основе семейных отношений и поведения в отношении деторождения. Действительно, несмотря на повышение возраста, когда сегодня становятся родителями, итоговая рождаемость мужчин и женщин остается на довольно стабильном уровне, близком к двум детям на одну женщину. Число братьев и сестер, имеющих «общую мать», во Франции изменилось очень мало и характеризуется относительно низким распространением единственных детей и относительно большим количеством рождений третьих и последующих детей (Breton, Prioux 2009; Toulemon 2001). С другой стороны, повышение риска расставаний родителей и нестабильности супружеских отношений, рост повторных партнерств изменили число и состав братьев и сестер. Все больше детей имеют хотя бы одного сводного брата или сводную сестру от союза одного из родителей с новым супругом (Algava, Bloch, Valles 2020; Laplante 2013) или живут с квазибратьями или квазисестрами, с которыми у них нет общих родителей (Toulemon 2012b). Разница в возрасте между этими детьми от разных родителей зачастую больше, чем у «гомогенных» братьев и сестер с общими обоими родителями.

Однако трансформация семьи распространялась неодинаково и не имела одинаковых последствий в разных социальных слоях. Распад союзов, продолжительность одинокого родительства, восстановление семьи с двумя супругами, меняющиеся условия проживания детей и супругов после развода и в новых партнерских союзах увеличили нестабильность в первую очередь менее благополучных в экономическом отношении семей, особенно монородительских, возглавляемых матерями, единолично опекающими своих детей, для которых вероятность повторного партнерства наименьшая (Abbas, Garbinti 2019).

Исследование когорты детей, родившихся в 2011 г., проведено на основе базы данных ELFE – французского лонгитюдного исследования, которое в режиме мониторинга отслеживает многообразие и динамику семейных конфигураций, жилищных условий и отношений между родителями в отношении детей, взятых под наблюдение с момента их рождения².

Хотя рождению ребенка предшествуют существенные изменения в семейной организации, особенно во время отпуска по беременности и родам, последующий период также полон изменений, касающихся жилья и отношений между родителями. Когорта ELFE, даже рассмотренная далее в данной статье только за первые два года ее существования, позволяет уловить эти изменения. При этом в программе исследования ELFE удалось сэкономить на части задаваемых ретроспективных вопросов, поскольку в этот период перемежались три исследования, сближенные во времени и в логике одной панели, в

² ELFE (*Étude Longitudinale Française depuis l'Enfance*) - первое в истории Франции когортное исследование детей с момента их рождения охватило 18 329 детей, всех родившихся в течение одной из недель 2011 г. на территории европейской части Франции (метрополии) (т. е. каждый пятидесятый из общего числа новорожденных живыми этого года во Франции). Непрерывное наблюдение рассчитано на двадцатилетний период. Исследование ELFE проводится Национальным институтом демографических исследований (INED) и Национальным институтом здравоохранения и медицинских исследований (INSERM) в партнерстве с другими научными и государственными учреждениями. Подробнее см.: <https://www.elfe-france.fr/>

которых ряд вопросов был одинаковым. Однако, если во многих отношениях период пребывания в родильном доме, как правило, вполне благоприятствует возможности матерей ответить на вопросы анкеты, то затем мобилизовать их регулярно отвечать на вопросы в домашних условиях существенно сложнее. Несмотря на изначально взятое на себя обязательство участвовать в последующих волнах опроса, отток матерей из числа респонденток неизбежен и эта проблема хорошо известна для лонгитюдных социологических исследований. Таким образом, структура исходной выборки респондентов модифицируется, что требует расчета весов, чтобы исправить тот факт, что определенные семейные или социальные категории все меньше и меньше представлены в выборочной совокупности.

В первом разделе будут обсуждены общие методологические вопросы выборочного исследования ELFE, участия в нем различных типов семей и характеристики матерей, ответивших на вопросы, второй раздел посвящен различным семейным ситуациям детей в возрасте двух месяцев (особенности семейных отношений, характеристики родителей), а в третьем рассматривается эволюция семейных ситуаций и мобильности родителей с детьми за период их развития с двух месяцев до двух лет.

1. Общая характеристика опрошенных матерей

Анализ отказов от ответов показывает, что в начальный момент включения в число респонденток женщин, родивших ребенка, а также в ходе последующих опросов социально-демографические переменные оказывают большее влияние на участие матерей в исследовании, чем характеристики здоровья ребенка или его матери (Juillard, Razafindratsima 2015). В родильном отделении мы набрали меньшую долю матерей в возрасте до 25 лет (12,0%), чем среди официально зарегистрировано всех матерей во Франции того же возраста с новорожденными в том же году (14,0%), а также больше матерей с высшим образованием (60,2 %) и работающих отцов (91,5%), чем в национальном перинатальном обследовании (ENP³) на ту же дату (соответственно 52,3 и 87,4%).

С другой стороны, репрезентативность выборки по переменным, касающимся здоровья матери и детей, весьма удовлетворительна. Приведем лишь несколько примеров: в невзвешенной выборке 31,4% детей не находились на грудном вскармливании при рождении, 64,6% женщин имели нормальный индекс массы тела, 9,7% матерей рожали путем кесарева сечения (по сравнению с 30,8; 64,7; 10,9% по данным ENP соответственно). В результате социально-демографические критерии нами были активно использованы для перевзвешивания числа респондентов в каждом опросе.

С первого контакта в родильном отделении родители дали свое согласие, зная, что с ними свяжутся еще несколько раз. Это обязательство широко соблюдалось, поскольку только 7% родителей не участвовали ни в одном из первых трех опросов в возрасте ребенка

³ Enquête Nationale Périnatale (Французское национальное перинатальное исследование) – регулярное выборочное исследование состояния здоровья матери и новорожденных, медицинских практик в период вынашивания беременностей и родов, а также социально-демографических характеристик семей и матерей. Исследование проводится один раз в 5-7 лет с 1995 г. и охватывает 12-15 тыс. случаев рождения детей после не менее 22 недель беременности и/или с массой тела 500 г и более, произошедших в течение одной недели в год обследования во всех родильных домах европейской части Франции (метрополии). Подробнее см.: <https://enp.inserm.fr/>

2 месяца, 1 год и 2 года (таблица 1), а подавляющее большинство родителей (69%) участвовало во всех трех волнах исследования. Таким образом, у нас есть значительная база лояльных родителей. Наконец, почти четверть родителей (23%) участвовали периодически: 12% респонденток участвовали в двух волнах опросов из трех, 11% – только в одной.

Таблица 1. Распределение выборочной совокупности изучаемой ELFE-когорты детей (2011 года рождения) в зависимости от некоторых характеристик их матерей, а также по числу волн опросов, в которых участвовали их родители, %

	Всего*	Число опросов, в которых участвовали матери		
		во всех трех волнах	в одной или двух волнах	ни в одной волне
Все дети**	100 (18329)	69,4	23,4	7,2
Возраст матери, лет				
менее 25	100 (2728)	48,8	39,3	11,9
26-30	100 (6108)	70,5	23,2	6,3
31-35	100 (6069)	76,5	18,3	5,1
36-40	100 (2744)	75,1	19,2	5,6
40 и более	100 (569)	67,7	25,5	6,9
возраст неизвестен	100 (111)	0,0	6,3	93,7
Порядок детей, рожденных у матери				
первые	100 (8249)	70,2	23,3	6,5
вторые	100 (6247)	72,2	21,8	6,1
третьи и следующие	100 (3461)	65,4	26,3	8,4
порядок неизвестен	100 (372)	44,6	24,7	30,6
Место рождения матери				
Франция	100 (15790)	72,5	25,7	1,8
другие страны	100 (2422)	52,6	9,2	38,2
страна происхождения неизвестна	100 (117)	0,0	0,0	100,0
Итого	18329	12729	4281	1319

*Примечание: * – Беременные женщины (еще не родившие ребенка на момент первого опроса) исключены. ** – Числа в данной строке следует читать следующим образом: из общего числа 18 329 детей, попавших в выборочную совокупность (все дети, родившиеся во Франции течение одной недели; см. сноску 2), 69% составляют те, матери которых участвовали во всех трех волнах опросов, 23% – матери участвовали в одной или двух волнах опросов, 7% – не участвовали ни в одном опросе после исходного опроса в родильном доме.*

Источник: Расчеты авторов на основе базы данных исследования ELFE.

Участие семей в трех опросах было относительно однородным независимо от возраста матери и порядка рождения у матери, за заметным исключением молодых матерей или матерей, родившихся за границей. Среди последних доля «лояльных» родителей, т. е. принявших участие во всех трех опросах (точнее четырех с учетом опроса в родильном доме), составляет около 50%. Поэтому для другой половины родителей, которые пропустили все или часть опросов, потенциал получения полезной информации меньше. Среди самых молодых доступная информация часто существует в результате одного или двух опросов после начального опроса в родильном доме (39%), что минимизирует возможности для продольного анализа. С другой стороны, этот анализ сложнее провести для детей иммигрантов, поскольку 38% из них не ответили ни на один из последующих опросов после исходного, проведенного в родильных домах

(обследование в момент обретения материнства). Последующий анализ данных был проведен на подвыборке микроданных для «лояльных» семей.

2. Происхождение и социальный статус родителей

2.1. Каждый пятый ребенок из ELFE-когорты рождается в реструктурированных или монородительских семьях

Информация о семейном положении обследуемых домохозяйств, доступная в результате опроса семей, в которых наблюдаемые дети достигли двухмесячного возраста, гораздо более подробная, чем полученная при изначальном обследовании в родильных домах. Далее последовали опросы родителей, когда ребенок достиг одного года, и затем двух лет. Данные трех волн (в 2 месяца, в 1 год и в 2 года) позволяют подробно описать семейные структуры, в которых проживают дети, в частности их связи с родными и сводными братьями, сестрами и родственниками по восходящей линии, независимо от того, проживают ли они в домашнем хозяйстве или нет. Реконструкция потомков каждого родителя позволяет выделить три типа семей: традиционные/*traditionnelles* (79,7%), реструктурированные/*recomposées*⁴ (14,8%) и монородительские/*monoparentales* (5,5%)⁵ семьи. Всего в нетрадиционной семье родился каждый пятый ребенок (таблица 2).

По определению дети, рожденные в традиционных семьях, не имеют сводных братьев/сестер. Единственными детьми в семье оказались 43,9%, а остальные живут как минимум с одним братом или сестрой. И наоборот, рожденные в реструктурированных семьях систематически имеют одного или нескольких братьев и сестер, но не всегда живут с ними. Лишь немногим более половины (52,1%) живут хотя бы с одним сводным братом/сестрой. Для другой половины ребенок либо является единственным в семье (24,2%), либо он живет как минимум с одним братом или сестрой и имеет одного или нескольких сводных братьев/сестер, с которыми он не живет совместно (23,6%). Наконец, у тех, кто живет в монородительских семьях, часто есть один или несколько сводных братьев/сестер (49,4%). Но только 21,1% последних проживают со сводными братьями и сестрами, остальные – либо единственные дети в семье (54,4%), либо последние по порядку рождения среди братьев и сестер от общих родителей (24,5%). Дети, рожденные в монородительских семьях, несколько реже, чем рожденные в реконструированных семьях (42,0% против 61,8%), имеют других родных или сводных братьев/сестер, не проживающих с ними. С другой стороны, братья и сестры, не проживающие совместно, встречаются достаточно редко в традиционных семьях (1,7%).

⁴ Понятие *familles recomposées* было предложено известной французской исследовательницей семейно-брачных отношений Ирен Тьерри в конце 1980-х годов (Théry 1987) и с тех пор прочно вошло в научный оборот и практику статистического анализа различных типов семей, см. например: (Le Gal, Popper 2013).

⁵ В нашем исследовании *традиционная семья* — это домохозяйство, состоящее из ребенка ELFE-когорты и двух его родителей, дополненных братьями и/или сестрами, но без сводных братьев/сестер, живущих в этом доме или где-либо еще. Ребенок ELFE-когорты принадлежит к *реструктурированной семье*, если он живет с обоими родителями и имеет хотя бы одного сводного брата/сестру (живущую с ним или нет). В *монородительской* семье ребенок ELFE-когорты живет только с одним из родителей, у которого в доме нет супруга. Принятая в данной работе операционализация категории реструктурированных семей несколько отличается от определения Национального института статистики (INSEE), поскольку оно учитывает братьев и сестер вне домохозяйства (Lapinte 2013).

Таблица 2. Характеристики «лояльных» семей с детьми из ELFE- когорты, участвовавших во всех трех волнах опросов (в возрасте ребенка 2 месяца, 1 год и 2 года)*

		Всего	Традиционные семьи	Реструктурированные семьи	Монородительские семьи
		100,0	79,7	14,8	5,5
Наличие родных и сводных братьев/сестер у ребенка из ELFE когорты	Только родные брат(ья)/сестра(ы)	49,6	56,1	23,6	24,5
	Только сводные брат(ья)/сестра(ы)	6,5	0,0	37,2	18,2
	Родные брат(ья)/сестра(ы) и сводные брат(ья)/сестра(ы)ы	2,4	0,0	14,9	2,7
	Нет других детей в семье (помимо ребенка из ELFE когорты)	41,5	43,9	24,2	54,4
Имеется как минимум один ребенок, проживающий вне опрошенной семьи		12,8	1,7	61,8	42,1
Родство сводных братьев/сестер для ребенка из ELFE когорты	Рожденный(ые) от отца и живущие в семье	2,2	0,0	14,6	1,1
	Рожденный(ые) от отца и проживающие вне семьи	9,9	0,0	53,4	40,0
	Рожденный(ые) от матери и проживающие в семье	7,1	0,0	40,8	19,9
	Рожденный(ые) от матери и проживающие вне семьи	2,1	0,0	12,1	7,0
Миграционный статус матери ребенка из ELFE когорты	Рождена во Франции от родителей немигрантов	72,8	74,4	69,8	58,2
	Рождена во Франции, один из родителей иммигрант	6,0	5,9	5,4	8,0
	Рождена во Франции, оба родителя иммигранты	4,1	4,1	3,2	5,4
	Рождена в других странах	17,1	15,5	21,6	28,4
		100,0	100,0	100,0	100,0
Соотношение уровней образования отца и матери ребенка из ELFE когорты	Одинаковый уровень образования	48,0	48,9	43,4	42,2
	Уровень образования отца выше	21,4	20,3	26,1	31,8
	Уровень образования матери выше	30,7	30,8	30,4	26,1
		100,0	100,0	100,0	100,0
Статус экономической активности родителей ребенка их ELFE когорты*	Оба родителя экономически активны	61,5	64,3	56,3	32,8
	Один из родителей экономически активен	32,3	30,5	35,0	53,3
	Ни один из родителей экономически активен	6,2	5,3	8,7	13,9
		100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: В двухмесячном возрасте 79,7% детей жили в традиционной семье, из них 43,9% не имели брата/сестры в семье и 1,7% имели хотя бы одного брата/сестру в другом домохозяйстве. * – Все респонденты на момент опроса, когда детям было 2 месяца.

Источник: Расчеты авторов на основе базы данных исследования ELFE.

Подводя итог, семейно-родственное окружение детей из ELFE-когорты следующее:

- 41,5% – в семье проживают только дети из исследуемой когорты;
- 49,6% – живут хотя бы с одним братом/сестрой;
- 17,3% – имеют хотя бы одного сводного брата/сестру⁶;
- 6,5% – имеют как минимум одного сводного брата/сестру под одной крышей;
- 2,4% – проживают под одной крышей и с родными, и со сводными братьями/сестрами;
- 12,8% – имеют братьев или сестер, проживающих вне домохозяйства, чаще всего (11,3%) это сводные братья/сестры.

Поскольку в случае расставания родителей дети пары чаще всего живут с матерью, то не проживающие под одной крышей сводные братья/сестры чаще являются детьми отца (соответственно 9,9% случаев по сравнению с 2,1% сводных братьев или сестер по линии матери). И наоборот, дети, живущие в домохозяйстве от предыдущего союза, чаще всего происходят от предыдущего союза матери (соответственно 7,1% против 2,2%). В реструктурированных парах вне домохозяйства часто имеется еще один ребенок от одного из супругов: в 12,1% случаев это будет родной брат или сестра по линии матери, в 53,4% случаев – по линии отца.

Среднее число совместно проживающих братьев и сестер, включая ребенка из ELFE-когорты, не одинаково в трех типах семей: в среднем 1,8 ребенка на домохозяйство традиционных и монородительских семей и 2,4 в домохозяйствах реструктурированных семей (из-за наличия сводных братьев и сестер в одном случае из двух). Ребенок из ELFE-когорты как единственный ребенок, проживающий в домохозяйстве, представлен в 54,4% монородительских семей, в 43,9% традиционных семей и в 24,2% реструктурированных семей. Однако средний размер домохозяйства, в которых проживают дети, представляющие ELFE-когорту, довольно однороден и составляет около 4 человек во всех трех типах семей. Более частое присутствие хотя бы одного дедушки и бабушки в домохозяйствах монородительских семей компенсирует тот факт, что здесь только один родитель и меньшее число детей.

2.2. У каждого четвертого ребенка из ELFE-когорты иммигрантами являются либо мать, либо прародители (бабушки, дедушки) по материнской линии

В ходе опроса семей с двухмесячным ребенком из ELFE-когорты была получена информация о стране рождения бабушек и дедушек по материнской и отцовской линии. Таким образом, мы можем идентифицировать детей, у которых оба родителя родились во Франции и у которых есть хотя бы один дедушка и бабушка, рожденные за границей (т.е. изучаемый ребенок представляет «третье поколение» мигрантов)⁷. Мы ограничиваемся здесь потомками по материнской линии. Согласно этому

⁶ Эта ситуация возможна внутри или вне домохозяйства, обе возможности не являются взаимоисключающими, в результате сумма двух процентов не равна общей сумме (17,3%).

⁷ Географическое происхождение бабушек и дедушек по материнской и отцовской линии собирается отдельно в анкете для каждого родителя детей из ELFE-когорты. Таким образом, семейная ветвь родителя, не отвечавшего на вопросы, остается неизвестной, чаще всего для предков отца. Ограничиваясь здесь материнским происхождением, мы можем сказать, что каждый десятый ребенок относится к «третьему поколению» иммигрантов. У половины из них оба дедушки и бабушки по материнской линии являются иммигрантами (невзвешенный результат).

определению, каждый четвертый ребенок (27,2%) имеет миграционное происхождение либо напрямую через мать (17,1%), либо через одного или обоих бабушек и дедушек по материнской линии (10,1%). Матери-иммигрантки или потомки иммигрантов чаще проживают в нетрадиционных семьях, что является следствием более частых распадов союзов: при этом матери-одиночки в два раза чаще оказываются иммигрантками (28,4% по сравнению с 15,5% матерей в традиционных семьях) или дочерьми матерей иностранного происхождения (соответственно 41,8 и 25,6%).

Родители, независимо от того, проживали они вместе или нет на момент опросов, в 52% случаев из всех вместе взятых имеют разный уровень образования (использовали международную классификацию уровней образования, принятую ЮНЕСКО в 2011 г., ограниченную нами шестью градациями, при которой высший уровень соответствует университетскому диплому бакалавра и выше). Эта доля ниже в монородительских и реструктурированных семьях, так как возможности знакомства партнеров менее связаны с контекстом обучения. Женщины чаще имеют более высокий уровень образования, чем мужчины (30,7%), (мужчины – 21,4%).

В отличие от уровня образования, который практически не меняется после рождения ребенка, экономическая активность его родителей может меняться в зависимости от изменений, произошедших в их личной и профессиональной жизни. По окончании материнского отпуска женщины, скорее всего, вернуться к профессиональной деятельности, к должности, которую они занимали во время беременности, или поменяют работу, что характерно для матерей, которые были безработными на момент рождения ребенка (23% их тех, кого опрашивали в родильном доме). К возрасту ребенка один год 30,1% матерей являются безработными, 27,8% работают неполный рабочий день и 42% – полный рабочий день. Однако ко второй годовщине ребенка эти пропорции практически не меняются. Оба родителя работали почти у двух из трех детей в возрасте два месяца (61,8%), что вынуждает их рассмотреть возможность дневного ухода за детьми. Реструктурированные семьи реже формируются двумя работающими родителями (54,9%), чем традиционные семьи (64,8%), причем первые чаще являются многодетными.

3. Семейные траектории детей из ELFE-когорты

За рождением ребенка, особенно если это первенец, часто следуют и другие важные события, меняющие среду обитания и условия жизни детей. За довольно ограниченный промежуток времени нашего наблюдения (два года) мы рассмотрим три типа изменений: заключение брачно-партнерских союзов, распад союзов и миграционные перемещения (подробнее о ситуации с детьми мигрантов из ELFE-когорты см.: (Eremenko et al. 2017)).

3.1. Примерно каждая пятая родительская пара заключила гражданский союз (PACS)⁸ или брак в течение двух лет после рождения ребенка

В течение первых двух лет расставания с партнерами происходят несколько реже, чем заключение брачно-партнерских союзов (для тех, кто к моменту рождения ребенка из ELFE-когорты не состоял в браке или в PACS): доля детей, мать которых не проживает в паре, увеличивается с 5% при рождении ребенка до 6% через два года, но процент тех, чья мать замужем или состоит в PACS, увеличивается относительно быстрее – с 58 до 63% за период от 2 месяцев до 2 лет (рисунок 1)⁹. За указанный период наблюдения среди традиционных семей доля матерей, состоящих в браке или PACS, увеличилась с 65 до 70%, а среди реструктурированных семей доля матерей, зарегистрировавших отношения, хотя и выросла значительно, но остается существенно более низкой, увеличившись с 43 до 49%. У более чем половины двухмесячных детей (56,0%) родители живут в неоформленных, консенсуальных союзах (т. е. без заключения брака или PACS) по сравнению с 35,0% детей из традиционных семей (рисунок 2, верхняя панель).

Некоторые одинокие матери с детьми в возрасте двух месяцев сообщили, что находятся в отношениях с партнером, живущим в другом доме (13%), и чаще всего это отец ребенка из ELFE-когорты (10 из 13%) (рисунок 2, правая панель). Двухмесячные дети, живущие в монородительской семье, испытывают наиболее значительные изменения в семейном окружении – к двум годам 38% матерей заявили, что имеют партнера. Чаще всего это случай, когда изначально несожительствующая родительская пара становится сожительствующей (у 26% двухлетних детей). Например, мать жила со своими родителями в помещении, которое было слишком маленьким или находилось далеко от места жительства отца, или пара решила и/или получила возможность жить отдельно. Меньшая часть из них заключает брак или PACS (3%). В других, более сложных случаях (разрыв родителей во время беременности, кратковременное совместное проживание родителей после рождения, неизвестный отец и так далее) дети к двум годам обретают

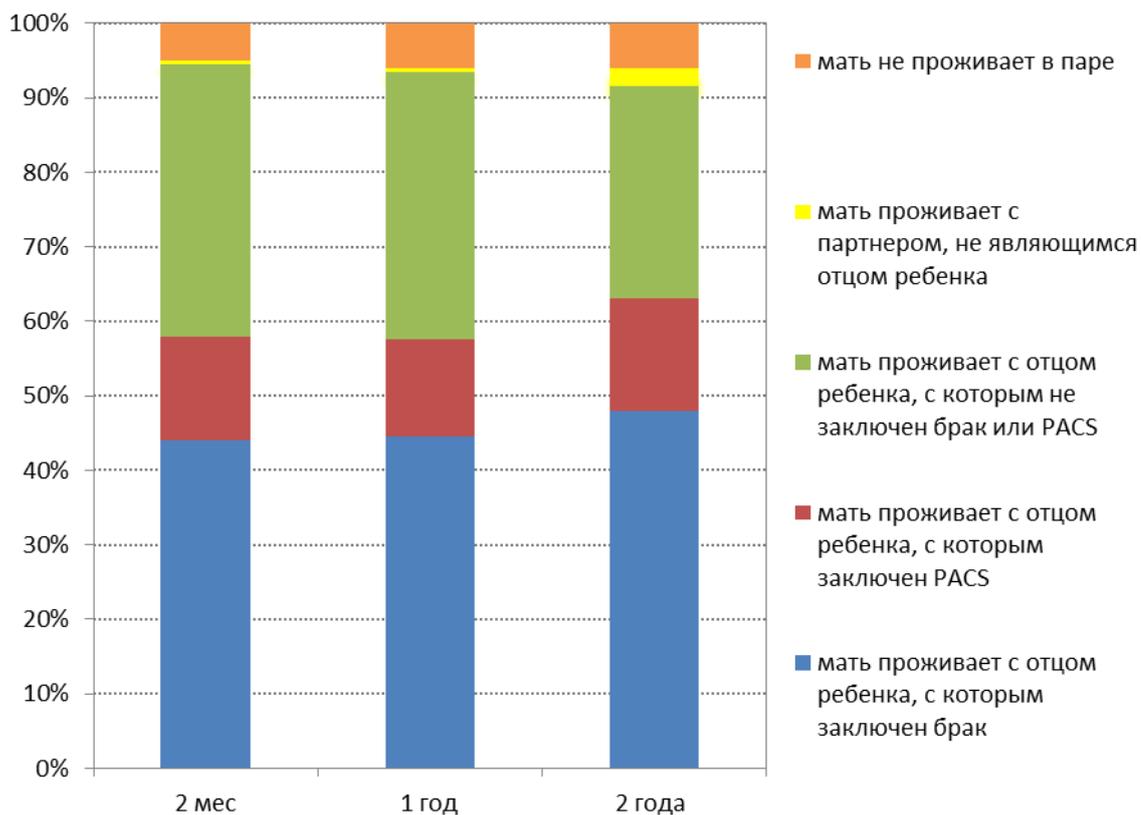
⁸ PACS (Pacte civil de solidarité) – Гражданский договор солидарности, являющийся законодательно принятой контрактной формой партнерских отношений во Франции (с 1999 г.), которая создает правовое поле для двух физических лиц (любого пола), решивших организовать совместную жизнь, но по каким-то причинам не желающих юридически оформлять свой союз в традиционной форме брака. Лица, заключающие PACS, должны быть совершеннолетними и не состоящими в браке, не являться близкими родственниками, а также проживать совместно (даже если каждый из них располагает отдельным жилищем).

Для иностранных партнеров, заключивших PACS с гражданином Франции, накладывается ограничение проживать совместно с партнером не менее одного года для получения вида на жительство. Партнеры, заключившие PACS, являются объектом социальной и семейной политики практически наравне с лицами, состоящими в официальном браке. Главное отличие PACS от брака в более легкой процедуре расторжения контракта – его прекращение происходит автоматически по заявлению одного из партнера, в то время как для расторжения брака необходимо специальное судебное рассмотрение каждого случая, вне зависимости от наличия или отсутствия совместных детей, споров по разделу имущества и т.д. В 2022 г. во Франции было заключено 241,7 тыс. браков (из них 2,8% союзов с партнерами одного пола), 209,8 тыс. PACS (из них 4,7% с партнерами одного пола). В итоге в указанном году было официально зарегистрировано 451,5 тыс. брачно-партнерских союзов обоого типа, из них PACS составили 46,5%, союзы с партнерами одного пола – 3,8%. (Источник: Национальный институт демографических исследований. См.: <https://www.ined.fr>)

⁹ В нашей выборке доля матерей, не состоявших в браке при родах (52%), очень близка к частоте рождений вне брака во Франции в 2011 г. (55%). Но семейное положение родителей у детей из ELFE-когорты явно отличается по структуре от зарегистрированных новых союзов, вне зависимости от того, будут ли они иметь потомство или нет, поскольку в нашей ELFE выборке родителей, состоящих в браке, в три раза больше, чем пар с оформленным PACS.

отчима (12% детей в возрасте два месяца из числа монородительских семей). 2% детей, проживавших с обоими родителями в возрасте двух месяцев, к двум годам проживают с отчимом.

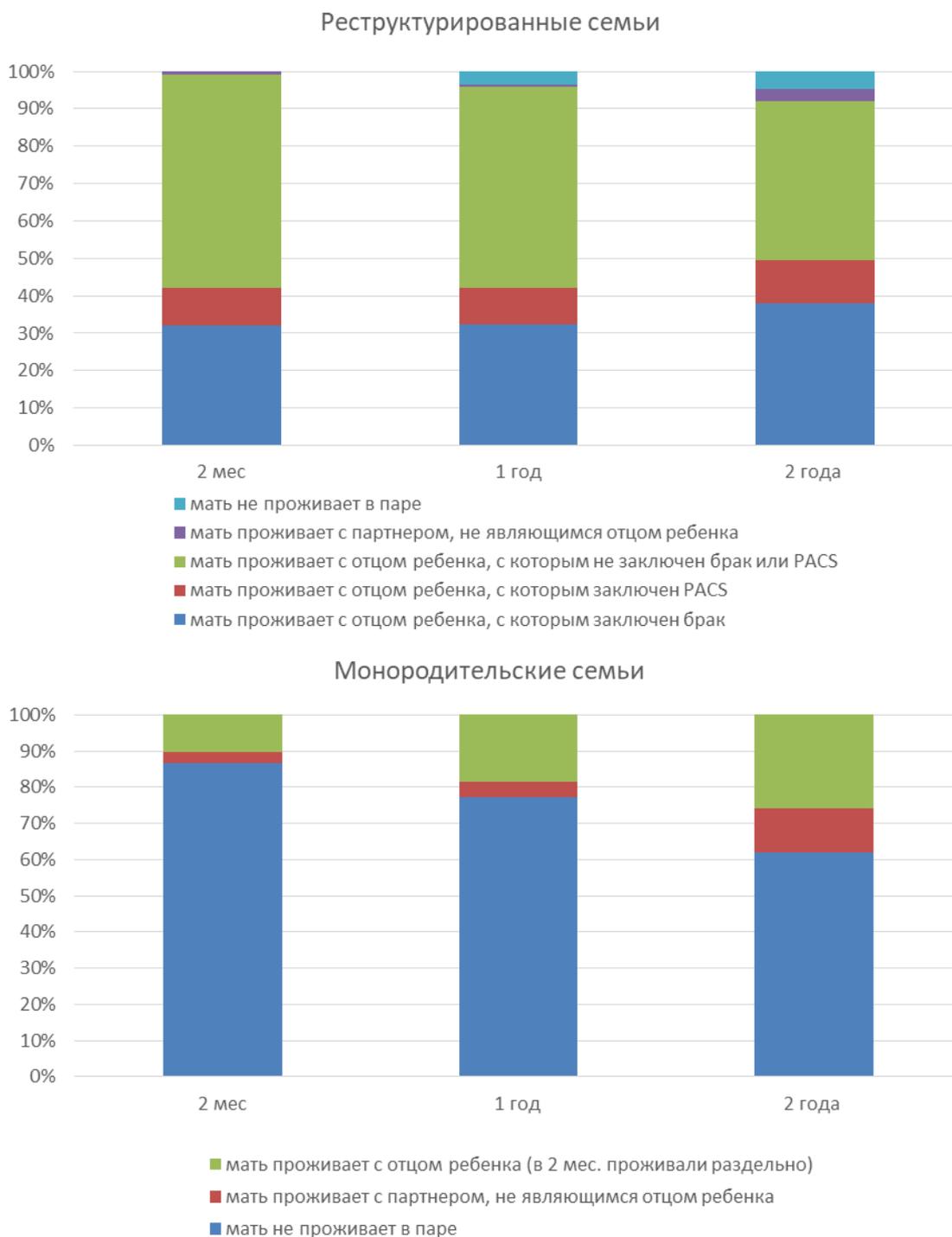
Рисунок 1. Брачно-партнерского статус матерей ребенка из ELFE-когорты на момент опросов в возрасте ребенка 2 месяца, 1 и 2 года, %

Источник: Расчеты авторов на основе базы данных исследования ELFE.

Примечание: Использована подвыборка семей, участвовавших во всех трех волнах опросов в возрасте ребенка 2 месяца, 1 и 2 года.

Рисунок 2. Изменение брачно-партнерского статуса матерей ребенка из ELFE-когорты, зафиксированного при опросе в возрасте ребенка 2 месяца: реструктурированные (верхняя панель) и монородительские (нижняя панель) семьи, %

Источник: Расчеты авторов на основе базы данных исследования ELFE.

Примечание: Использована подвыборка семей, участвовавших во всех трех волнах опросов в возрасте ребенка 2 месяца, 1 и 2 года.

3.2 Традиционные семьи реже расстаются и имеют лучшие отношения после брака

К двухлетнему возрасту 4% детей пережили расставание родителей. Большая нестабильность реструктурированных пар (7,5% их них расстались), вероятно, отражает сложность семейных отношений в этой конфигурации, поскольку внешние причины могут играть роль в формировании риска распада (эффект отбора). Немного большее количество расставаний среди пар, у которых это первый ребенок (3,5%), по сравнению с традиционными семьями с несколькими детьми (3%) подчеркивает проблему, с которой сталкиваются новые родители. Мы также наблюдаем более высокую долю распада союзов, имеющих более четырех детей.

Помимо этих семейных характеристик, логистическая регрессия показывает, что при прочих равных условиях матери в возрасте до 25 лет расходятся с партнерами чаще, чем матери старше (относительный риск – 0,5; таблица 3). Вероятность распада отношений также увеличивается по мере снижения дохода: семьи из 20%-го квантиля с самым низким доходом по сравнению с семьями со средним уровнем жизни (относительный риск равен 0,2). Неудивительно, что вероятность расставания очень чувствительна к супружеским конфликтам, поскольку расстались 14% пар, которые часто ссорились во время беременности (по словам матери), по сравнению с 3% тех, кто ссорился реже¹⁰.

Таблица 3. Вероятность расстаться для родителей к возрасту ребенка 2 года из тех, кто имел партнера в возрасте ребенка 2 месяца (родители, участвовавшие во всех трех опросах: в возрасте ребенка 2 месяца, 1 и 2 года)

	Оцениваемая группа	Референтная группа	Odd ratio
Возраст матери	25-29	18-24	0,4
	30-34		0,5
	35-39		0,4
	40 лет и старше		0,3
Тип семьи	Первый ребенок у родителей	Традиционная семья	1,3
	Реструктурированная семья		2,1
Квантиль доходной группы	Второй	Первый квантиль	0,3
	Третий		0,2
	Четвертый		0,2
	Пятый		0,1
Ссоры между супругами до беременности	Никогда	Часто	0,3
	Редко		0,4
	Время от времени		0,4
Оскорбления со стороны партнера до беременности	Никогда	Часто	0,3
	Редко		0,5
	Время от времени		0,7

Источник: Расчеты авторов на основе базы данных исследования ELFE.

Еще большее ухудшение отношений между родителями мы наблюдаем после расставания, поскольку ссоры и раньше были частыми. Однако эта связь оказывает

¹⁰ Матери сообщают о супружеских конфликтах чаще, чем отцы, и их показания имеют решающее значение для прогнозирования будущего совместной жизни. Так, доля пар, фактически расставшихся через 2 года, среди тех, в которых хотя бы один из супругов заявил, что раньше часто ссорился, выше, когда показания давала мать (9,5%), чем если свидетельствовал отец (4%).

ограниченное влияние на общий уровень разногласий среди расставшихся родителей, поскольку тех, кто до расставания ссорился «часто», значительно меньше (12%), чем тех, кто ссорится редко или никогда (44%) или только иногда (44%) (см. также: (Cauchi-Duval, Breton 2016)).

После расставания характер отношений между родителями различен: чаще всего дружеские (45%), иногда равнодушные (16%), напряженные или очень напряженные (29%), а то и вовсе отношения отсутствуют (10%) (таблица 4). Почти в половине случаев (47%) родители в реструктурированных семьях сообщают о напряженности или прекращении контактов. Что касается традиционных семей, то у разошедшихся родителей существенно чаще складываются дружеские отношения (47%), чем в реструктурированных семьях (38%). Напомним, что тип семьи определялся при опросе, когда ребенку было два месяца.

Таблица 4. Характер отношений между супругами после расставания в зависимости от типа семьи (родители, участвовавшие во всех трех опросах: в возрасте ребенка 2 месяца, 1 год и 2 года)

	Традиционные семьи	Реструктурированные семьи	Оба типа семьи совместно
Дружеские	47	38	45
Индиферентные	17	15	16
Напряженные и очень напряженные	27	33	29
Отношения отсутствуют	9	14	10
Все	100	100	100

Источник: Расчеты авторов на основе базы данных исследования ELFE.

Мы можем предположить, что в реструктурированных семьях (имеющих одного или нескольких детей от предыдущего партнера) в случае серии последующих союзов предпочтение в сохранении отношений будет в пользу не последнего экс-партнера, сыгравшего роль отчима, а в пользу отца детей. Разногласия, которые могут сохраняться после решения судьи по семейным делам между этими двумя типами пар, весьма различны. Место проживания ребенка кристаллизует разногласия в реструктурированных семьях в три раза чаще, чем в традиционных семьях, которыми они были при его рождении (82% против 23%). С другой стороны, тема разногласий по вопросу алиментов характерна для традиционных семей в большей степени, чем для реструктурированных (41% против 26%). В подавляющем большинстве случаев распавшихся союзов дети остаются жить с матерью, поэтому вполне вероятно, что, когда имеются дети из нескольких «постелей», то матери не хотят разлучать братьев и сестер. Столкнувшись с отцом, претендующим на опеку над ребенком, мать, возможно, будет выступать против этого чаще, чем в случае, когда у пары был только один ребенок, для которого, вероятно, будет проще найти альтернативное место жительства.

3.3. Почти половина семей переехала до или после рождения ребенка

В соответствии с расположением родильных домов во Франции распределение семей в выборочной совокупности оказалось следующим: сельские жители – 22%, жители городских поселений – 60% (в том числе 26% в крупнейших городах с численностью жителей от 200 тыс. до 2 млн), 19% проживали в столичном регионе Парижа (таблица 5). Судя по всему, традиционные и реструктурированные семьи распределяются в целом одинаково, хотя последние проживают в несколько меньших по размеру муниципалитетах. Семьи с одним родителем демонстрируют наиболее заметную разницу с большей

поляризацией в густонаселенных городских районах: 58% – в поселениях с населением более 200 000 жителей по сравнению с 41% реструктурированных семей. Монородительские семьи впоследствии, вероятно, трансформируются в реструктурированные семьи, причем эпизод «одинокого родителя» является предварительным и временным этапом. Таким образом, указанное различие отражает тот факт, что рекомпозиция семейного состава требует более просторного жилья для семей большего размера, что приводит к переезду в менее густонаселенные районы, где стоимость недвижимости ниже.

Таблица 5. Распределение семей с ребенком в возрасте двух месяцев из ELFE-когорты по типу и размеру поселений (родители, участвовавшие во всех трех опросах: в возрасте ребенка 2 месяца, 1 и 2 года), %

Тип семьи	Сельские поселения	Городские поселения с численностью жителей, чел.			Парижская агломерация	Итого
		2000 - 50000	50000 - 200000	200000 – 2000000		
Традиционные семьи	23	21	11	26	19	100
Реструктурированные семьи	23	25	12	24	16	100
Монородительские семьи	8	18	16	31	27	100
Все типы семей	22	22	12	26	19	100

Источник: Расчеты авторов на основе базы данных исследования ELFE.

Изменение места жительства, безусловно, является наиболее частым событием в начале жизни детей из ELFE-когорты или даже до их рождения. Более чем одна из пяти матерей (22%) заявила о переезде перед родами в ожидании рождения ребенка. Интенсивность мобильности остается высокой после рождения: 29% детей меняли место проживания в течение первых двух лет жизни. Всего почти половина родителей (44%) переехали до или вскоре после родов. Семьи с одним родителем являются наиболее мобильными, что, вероятно, как раз связано с менее стабильными семейными траекториями.

За этот период почти в трети случаев родители приобрели недвижимость. Почти четверть (23%) уже были владельцами, когда ребенку было два месяца, а к возрасту два года – более половины (55%). В отдельном жилище живет 65% родителей к возрасту ребенка два года, а в возрасте два месяца – почти в два раза меньше (39%). Почти каждая вторая семья арендовала жилище в начале жизни ребенка (49%), а к возрасту два года таковых было 20%. Изменения в жилищных условиях зачастую сопровождаются коренными изменениями в типе и статусе занятий родителей.

Заключение

Дети из ELFE-когорты отлично иллюстрируют современную меняющуюся семейную ситуацию детей во Франции. Данное наблюдение за первыми двумя годами жизни детей показывает, насколько значимыми могут быть изменения в семейном положении и географической мобильности родителей. Поскольку половина детей в нашей выборке являются первенцами опрошенных родителей, многие потрясения, скорее всего, произойдут после первых двух лет их жизни, особенно в связи с рождением их братьев, сестер, сводных братьев или сводных сестер. Но в более широком смысле ускорение темпа

жизни во второй половине 2010-х годов и проникновение информационных и коммуникационных технологий в повседневный образ жизни не смогут не повлиять на расширение множественности моделей организации семьи.

Эти социальные изменения будут иметь последствия для окружающей среды ребенка как расширение неопределенности для той «неопределенной семьи», складывающейся в современных обществах в результате деинституализации, которую исследовал Луи Руссель в своей работе «*La famille incertaine*» («Неопределенная семья»), опубликованной в 1989 г. (Roussel 1989). Он писал, что в зависимости от принципа организации семейных отношений и степени сплоченности между членами семьи можно выделить несколько типов семей в современном обществе. На место уходящего типа «исторической семьи» (традиционной и построенной на иерархии подчинения с минимальным удовлетворением индивидуальных интересов) пришла современная нуклеарная «семья-партнерство» («*famille-alliance*»), которая базируется на системе взаимных договоренностей и уважении к самому институту семьи, который указывает верный путь для индивида и гарантирует достижение личного счастья. Наряду с этим наиболее массовым типом партнерской семьи имеет распространение также «неразлучная семья» («*famille fusionnelle*»), в которой наиболее задействована романтическая основа отношений и взаимная привязанность между членами семьи на основе любви, вследствие чего разрывы в этой семье переживаются крайне болезненно с наиболее серьезными последствиями и для пары, находящейся в центре отношений, и для детей – плодов любви. Ребенок, поскольку он находится в центре эмоциональной жизни супругов, является королем в семье, основанной на партнерстве¹¹, и, в меньшей степени, в «неразлучных семьях», в которых супруги сконцентрированы скорее на самих себя. Однако Руссель упоминает еще и о третьем типе современных семей – «семье-ассоциации» («*famille associative*»), имеющей все большую распространенность в современных обществах. В ассоциативной (или «клубной») семье стремление к автономии приводит к постоянным переговорам, в которых чувство идет на компромисс с рациональной заботой об учете затрат и выгод. Индивид является единицей отсчета, преследует ли он или она, в зависимости от случая и обстоятельств, наибольшую выгоду или наименьший риск. В своей рецензии на книгу Л. Русселя, вызвавшей обширные дебаты, Ж. Дешо заметил: «В ассоциативной семье ребенок теряет свой суверенитет: он желанный, имеет с самого начала право на уважение, но является лишь одним членом среди других, по отношению к которому родители хотят сохранить определенную независимость» (Dechaux 1990: 590). Это изменение в функционировании семьи отчасти объясняет падение рождаемости. По мнению Л. Русселя, «сама современность стоит на принципе мальтузианства» (Roussel 1989: 162) и возвещает «конец царствования ребенка» (Roussel 1989: 155). В свою очередь П. Фести и Б. Рианде в своей рецензии на ту же книгу указывали на недостаточное внимание автора эволюционной теории семьи к социально-экономической неоднородности современных обществ, в рамках которых «семьи-клубы» имеют ограничения с точки зрения перспектив развития, а более традиционные формы сохраняют значительное распространение (Festy, Riandey 1991).

Со времен тех жарких дискуссий о путях развития семьи прошло уже четверть века, трансформация семейных структур и семейного окружения для ребенка продолжает

¹¹ С.И. Голод применительно к этой ситуации говорил о «детоцентристской» семье, и его категоризация, по сути, имеет то же гносеологическое значение. См.: (Голод 1984, 1996). (*Примечание ред.*).

меняться и, вероятно, даже еще быстрее, чем предполагалось когда-то. И современная семья продолжает оставаться столь же многоликой и «неопределенной», хотя Л. Руссель, видимо, правильно предвидел некоторые направления, в котором развивается сложный космос семейных отношений. Семья еще не сказала своего последнего слова, как и наблюдаемые дети из ELFE-когорты, рожденные во Франции в 2011 г. Им еще предоставят слово в других исследованиях, когда они повзрослеют.

Литература

- Голод С.И. (1984). *Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты*. Ленинград: Наука (Ленинградское отд.).
- Голод С. И. (1996). Современная семья: плюрализм моделей. *Социологический журнал*, 3-4, 99-108. https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=29
- Abbas H., Garbinti B. (2019). De la rupture conjugale à une éventuelle remise en couple : l'évolution des niveaux de vie des familles monoparentales entre 2010 et 2015. *Portrait Social France, édition 2019*. Paris: INSEE, 99-113.
- Algava E., Bloch K., Valles V. (2020). En 2018, 4 millions d'enfants mineurs vivent avec un seul de leurs parents au domicile. *INSEE première*, 1788.
- Breton D., Prioux F. (2009). The one-child family: France in the European context. *Demographic Research*, 20 (Article 27), 657–692. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2009.20.27>
- Cauchi-Duval N., Breton D. (2016). Modification d'une fratrie et climat conjugal. Une analyse du point de vue des enfants. In A. Régnier-Loilier Arnaud (Ed.) *Parcours de familles. L'enquête Étude des relations familiales et intergénérationnelles* (pp. 121-144). Paris: INED.
- Dechaux J.H. (1990). La famille incertaine: compte-rendu de l'ouvrage de Louis Roussel (1989). *Sociologie du travail*, 32 (4), 588-592.
- Eremenko T., Thierry X., Moguérou L., Prigent R. (2017). Organiser la garde des enfants quand on est mère seule : une spécificité des mères immigrées? *Revue française des affaires sociales*, 2, 207-228. <https://doi.org/10.3917/rfas.172.0207>
- Festy P., Riandey B. (1991). Louis Roussel —La famille incertaine. *Population*, 46(1), 171-173.
- Festy P. (1994). L'enfant dans la famille. Vingt ans de changement dans l'environnement familial des enfants. *Population*, 49(6), 1245-1296.
- Le Gal D., Popper H. (2013). Éditorial. Les familles recomposées à l'heure des parentés plurielles. *Dialogue*, 201, 7-14.
- Juillard H., Razafindratsima B.L. (2015). Pondération de l'enquête ELFE en maternité. Document de travail. Paris: INSERM. <https://pandora.vjf.inserm.fr/public>
- Laplante A. (2013). Un enfant sur dix vit dans une famille recomposée. *INSEE première*, 1470.
- Roussel L. (1989). *La famille incertaine*. Paris: Editions Odile Jacob.
- Théry I. (1987). Introduction. *Dialogue*, 97, 3-6. (Numéro special: "Les beaux-enfants. Remariages et recompositions familiales").
- Toulemon L. (2001). How many children and how many siblings in France in the last century? *Population et Sociétés*, 374(11), 1-4. <https://doi.org/10.3917/popsoc.374.0001>

- Toulemon L. (2012a). Changes in Family Situations as Reflected in the French Censuses, 1962-2009. *Population*, 67(4), 551-572. <https://doi.org/10.3917/popu.1204.0657>
- Toulemon L. (2012b). Évolution des fratries : les enseignements de la démographie. *Informations sociales*, 5(173), 24-31. <https://doi.org/10.3917/inso.173.0024>

Региональные особенности контроля рождаемости в России в 2018–2022 гг.

Виктория Ивановна Сакевич
(vsakevich@hse.ru), Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Россия.

Борис Петрович Денисов
(denisov@demography.ru), Московский
Государственный Университет
имени М.В. Ломоносова, Россия.

Regional characteristics of birth control in Russia In 2018-2022

Victoria Sakevich
(vsakevich@hse.ru),
HSE University, Russia.

Boris Denisov
(denisov@demography.ru),
Lomonosov Moscow State University,
Russia.

Резюме: Статья посвящена территориальному анализу показателей аборт в России. Основным источником данных послужила официальная статистика прерываний беременности, методология которой начиная с 2018 г. позволяет получить информацию, не доступную в предыдущие годы. Рассматриваются различия между регионами по уровню искусственных и самопроизвольных аборт, по доле аборт, выполненных в негосударственном секторе здравоохранения, по частоте использования медикаментозного метода прерывания беременности. Показано, что при общей тенденции снижения уровня аборт в России сохраняются значительные межрегиональные различия. В целом отмечается увеличение уровня аборт с запада на восток и с юга на север. Около 2/3 россиянок репродуктивного возраста проживают в регионах с низким и очень низким уровнем искусственных аборт, тогда как 16% – в регионах с относительно высоким уровнем искусственных аборт, и ожидаемого уменьшения дисперсии за изучаемый период не произошло. Авторы делают вывод, что сравнивать регионы страны по общему числу аборт не имеет большого смысла, поскольку соотношение искусственных и самопроизвольных аборт среди беременностей с абортивным исходом сильно различается между регионами. Также в статье показано, что происходит перераспределение искусственных аборт в сторону частного сектора здравоохранения, что актуализирует проблему ограниченной доступности медицинской помощи в рамках ОМС. В ряде регионов на негосударственный сектор здравоохранения приходится более половины искусственных аборт. Женщины ищут качественные услуги, отдавая предпочтение более безопасному медикаментозному методу прерывания беременности, который намного чаще практикуется в частных клиниках, чем в государственных.

Ключевые слова: Россия, искусственные аборт, самопроизвольные аборт, контроль рождаемости, контрацепция, планирование семьи, региональные различия.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Сакевич В.И., & Денисов Б.П. (2024). Региональные особенности контроля рождаемости в России в 2018–2022 гг. Демографическое обозрение, 11(3), 67-87. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22715>

Abstract: The article is devoted to a spatial analysis of abortion rates in Russia. The main source of data is official statistics on abortions, the methodology of which, starting from 2018, makes it possible to obtain information not available in previous years. Differences between regions are examined in terms of the level of induced and spontaneous abortions, the share of abortions performed in the non-state health sector, and the frequency of use of medical methods of abortion. It is shown that, despite the general trend of declining abortion rates in Russia, significant interregional differences remain. In general, there is an increase in relative abortion rates from west to east and from south to north. About 2/3 of Russian women of reproductive age live in regions with low and very low levels of induced abortions, while 16% live in regions with a relatively high level of induced abortions, and the expected decrease in dispersion did not occur during the period under study. The authors conclude that comparing regions of the country in terms of the total number of abortions does not make much sense, since the ratio of induced and spontaneous abortions among pregnancies with abortive outcomes varies greatly between regions. The article also shows that there is a redistribution of induced abortions towards the private healthcare sector, which highlights

the problem of limited availability of medical care within the framework of compulsory medical insurance. In several regions, the non-state health sector accounts for more than half of induced abortions. Women are looking for better quality services, preferring a safer medical method of abortion, which is much more often practiced in private clinics than in public ones.

Keywords: *Russia, induced abortion, spontaneous abortion, birth control, contraception, family planning, regional differences.*

Funding: *This article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the HSE University.*

For citation: *Sakevich V., & Denisov B. (2024). Regional characteristics of birth control in Russia In 2018-2022. Demographic Review, 11(3), 67-87. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22715>*

Введение

Прошедшие после распада СССР годы стали успешными с точки зрения уменьшения роли аборта как способа внутрисемейного регулирования рождаемости. Если в 1990 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 4,1 млн прерываний беременностей (включая выкидыши), то в 2022 г. – 0,5 млн. Относительный показатель на 1000 женщин в возрасте от 15 до 49 лет снизился за этот период почти в восемь раз: с 113,9 до 14,6. Снижение было неуклонным, благоприятная тенденция ни разу не прерывалась, в отличие от динамики других демографических показателей.

Соотношение аборты/рождения, которое показывает, какая приблизительно доля беременностей не заканчивается родами, тоже изменилось в лучшую сторону. В 2022 г. менее 1/3 зачатий завершились прерыванием, тогда как в 1990 г. – более 2/3. То есть произошло сближение числа беременностей и числа родов, а это значит, что репродуктивных потерь стало меньше, а контроль рождаемости стал более эффективным.

Современный российский показатель абортов - низкий по мировым меркам и мало отличается от среднего показателя для стран с высоким уровнем дохода, который оценивается в 15 искусственных абортов на 1000 женщин в возрасте от 15 до 49 лет в 2015-2019 гг. Соответствующий показатель для стран с низким доходом, по оценкам, в 2,5 раза выше (38 на 1000 женщин 15-49 лет) (Bearak et. al 2020). В некоторых развитых странах согласно национальным статистическим ведомствам коэффициент искусственных абортов сегодня значительно выше, чем в России; например, на 1000 женщин в возрасте 15-44 года в Швеции он составляет 18,4 (2023 г.) (Socialstyrelsen 2024), в Англии и Уэльсе – 21,5 (2022 г.) (GOV.UK 2024), в США – 14,4 (2020 г.) (Jones, Kirstein, Philbin 2022), тогда как в России, по данным Росстата, – 10,3 (2022 г.).

Среднероссийские показатели абортов, однако, нивелируют довольно существенные территориальные различия, и этот вопрос редко поднимается в отечественной научной литературе. За последнее десятилетие можно отметить всего несколько работ, затрагивающих региональные аспекты контроля рождаемости.

В.А. Козлов на основе данных официальной статистики за 2005, 2010 и 2014 гг. показал рост расслоения регионов по распространенности абортов в течение рассматриваемого периода, при этом уровень абортов везде снижался и аборты, по выражению автора, стали маргинальным явлением (Козлов 2016). Автор оценивает корреляцию уровня абортов с характеристиками социально-экономического развития регионов и приходит к выводу, что из многих социально-экономических факторов на частоту абортов влияет лишь уровень образования населения (доля лиц с высшим образованием в регионе снижает распространенность абортов), а в 2010 и 2014 г. – еще и объем продаж водки (чем больше продаж, тем выше уровень абортов). Различия между регионами, по мнению В.А. Козлова, носят «культурный характер» и в меньшей степени связаны с социально-экономическим положением.

По состоянию на 2015 г. В. Козлов и А. Ракша выделили несколько региональных кластеров в зависимости от уровня «добровольных абортов», т. е. искусственных абортов

по желанию женщины¹ (Козлов, Ракша 2017). В группу с наименьшим числом добровольных абортов вошли республики Северного Кавказа (кроме Адыгеи, но с Калмыкией), Москва и Санкт-Петербург. Среди регионов с наибольшей распространенностью добровольных абортов в 2015 г. – Еврейская автономная область, Псковская, Оренбургская и Магаданская области и Чукотский автономный округ. В нескольких регионах общее число прерываний беременности за 2000-2015 гг. снизилось более чем на 80%. Авторы высказали гипотезу, что по мере приближения уровня абортов в России к среднему по развитым странам положительная динамика будет затухать.

В статье «Аборты и абортное поведение в контексте поиска резервов демографического развития в России» С.В. Рязанцев с коллегами также указали на значительную вариативность региональных показателей абортов, опираясь при этом на статистику общего числа прерываний беременности, т. е. не разделяя искусственные и спонтанные аборты (Рязанцев и др. 2019). Авторы предположили, что факторами региональной дифференциации относительных показателей абортов являются социально-экономические условия и социально-психологический климат в регионах, а также внимание региональных властей к данной проблеме и разная эффективность мер профилактической работы.

Используя данные за 2020 г., П.Н. Анохина и Л.А. Давлетшина провели классификацию регионов России на основе нескольких показателей репродуктивного здоровья, включая число прерываний беременности (Анохина, Давлетшина 2022). Самый крупный из трех выделенных авторами кластеров, включающий 37 регионов, характеризуется низкими значениями абортов и материнской смертности; примечательно, что суммарный коэффициент рождаемости в этих регионах тоже находится на низком уровне, что в очередной раз подтверждает слабую связь между абортами и рождаемостью. Отличительные черты второго кластера (20 регионов) – высокие, относительно среднероссийских, уровни рождаемости и абортов; для третьего кластера (23 региона) характерны высокая материнская и младенческая смертность, а также более высокие, чем в первом кластере, уровни рождаемости и абортов. Из рассмотрения были исключены пять регионов как «нетипичные», это: Республика Тыва, Чеченская Республика, Чукотский автономный округ, Псковская и Магаданская области.

В целом все исследователи отмечают большую неоднородность регионов России по уровню абортов, которая трудно поддается объяснению.

Целью данной статьи является анализ территориальных различий по уровню абортов за последние пять лет: с 2018 по 2022 г. Период выбран неслучайно – начиная с 2018 г. изменения статистического учета в России позволяют впервые рассмотреть отдельно искусственные и самопроизвольные аборты (выкидыши) по всем организациям, оказывающим медицинскую помощь при прерывании беременности, независимо от формы собственности. Также с 2018 г. появилась возможность оценить долю искусственных абортов, приходящихся на негосударственный сектор здравоохранения, к которому в настоящее время приковано внимание российских политиков.

¹ Мы предполагаем, что анализировались только аборты, произведенные в учреждениях Минздрава России.

Что касается изучения причин территориальных различий, то на данном этапе мы не ставили себе такую задачу. Это отдельная тема, требующая других данных на макро- и микроуровне, которых ни официальная статистика, ни результаты выборочных обследований, находящиеся в нашем распоряжении, не предоставляют. Задача установления причин различий между регионами представляется особенно сложной, если исходить из того, что корень этих различий носит «культурный» или «социально-психологический» характер, как пишут многие авторы.

Непосредственными или промежуточными (intermediate) факторами, влияющими на уровень искусственных аборт в постпереходных странах, являются частота незапланированных беременностей и готовность женщин прервать такую беременность, если предотвратить ее не удалось (Bearak et al. 2020; Guillaume, Rossier 2018; Bongaarts, Westoff 2000; Bongaarts 1978). В свою очередь частота незапланированных беременностей, согласно классической модели промежуточных детерминант рождаемости, является функцией числа сексуально активных женщин, потерпевших контрацептивную неудачу или имеющих неудовлетворенную потребность в контрацепции. Про использование контрацепции россиянками многое известно (Вишневский, Денисов, Сакевич 2017; Дикке, Ерофеева 2014), правда, на страновом уровне либо на уровне отдельного региона, тогда как второй фактор – готовность прервать наступившую беременность – исследован в гораздо меньшей степени. В ходе выборочных обследований в российских регионах в 1980-1990-х годах подавляющее большинство женщин отвечали, что в случае наступления незапланированной беременности сделают аборт (Харькова 1994; Голдберг, Бодрова 2001). В настоящее время, когда практика аборта становится все более стигматизированной, это, вероятно, уже не так, но проверить эту гипотезу мы не можем. В статье делается попытка связать уровень аборт в регионах России с использованием контрацепции, основываясь на данных официальной статистики Министерства здравоохранения Российской Федерации, которая, однако, имеет недостатки.

Данные и методы

Статья основана на материалах Федеральной службы государственной статистики.

Официальная статистика прерываний беременности², которую разрабатывает Росстат, формируется из трех источников. Главный источник – Министерство здравоохранения РФ, которое учитывает прерванные беременности в подведомственных ему организациях. Существенно меньший вклад вносит негосударственный сектор здравоохранения, однако его доля быстро растет. Доля аборт, выполненных в организациях, принадлежащих другим ведомствам, кроме Минздрава, незначительна (менее 1%). Росстат суммирует сведения из всех источников согласно форме статистического наблюдения №1-здрав и публикует объединенные данные о прерванных беременностях в стране в целом и в субъектах федерации.

Еще с советских времен учет прерываний беременностей в России включает как искусственные, так и самопроизвольные аборт, хотя они имеют совсем разные обоснования и причины. И если в статистических отчетах Минздрава можно было их разделить, то в отчетах других организаций присутствовало лишь общее число аборт.

² «Прерывания беременности», «беременности с абортивным исходом» и «аборт» мы используем как синонимы.

Однако начиная с 2018 г. учет прерываний беременности вне Минздрава впервые стал таким же подробным, как и учет Минздрава, т. е. с выделением рубрик согласно МКБ (Сакевич, Денисов, Никитина 2021).

Статистика Росстата о беременностях с абортным исходом является в достаточной степени достоверной, вероятно, за исключением некоторых регионов (Денисов, Сакевич 2014). Среди недостатков официальной статистики стоит упомянуть отсутствие разделения на городское и сельское население, а также укрупненную возрастную группировку. С 2016 г. пятилетняя возрастная группировка ликвидирована и возрастное распределение женщин, сделавших аборт, имеет вид: до 14 лет, 15-17, 18-44, 45-49, 50 лет и старше. Теперь на одну возрастную группу (18-44) приходится 98% всех абортов. Не разрабатывается информация о брачном статусе женщин, прерывающих беременность.

Основным показателем, на который мы опирались при анализе, стал коэффициент абортов (всех абортов, искусственных и самопроизвольных) на 1000 женщин репродуктивного возраста (15-49 лет). Этот показатель не является оптимальным для межрегиональных сравнений, поскольку он зависит от соотношения отдельных возрастных групп женщин внутри репродуктивного интервала. Однако другой часто используемый в литературе показатель - соотношения абортов и родов, на наш взгляд, подходит еще меньше, так как зависит от различий между регионами и по частоте абортов, и по частоте родов. К сожалению, после 2015 г. рассчитать наиболее точный измеритель уровня абортов – суммарный коэффициент – нет возможности. При расчетах мы использовали данные о численности женщин, пересчитанные после проведения Всероссийской переписи населения 2020 (2021).

Главным источником информации о контрацептивном поведении служат выборочные опросы населения, которые редко бывают репрезентативными на уровне регионов. Поэтому для изучения такой непосредственной детерминанты уровня абортов, как применение контрацепции, мы использовали статистику Министерства здравоохранения РФ, которая имеет ряд ограничений. Во-первых, она охватывает только два метода контрацепции (внутриматочную и гормональную), а это не самые популярные противозачаточные методы в стране. Согласно результатам выборочных обследований самый распространенный противозачаточный метод в России – презерватив (UN Department of Economic... 2024). И во-вторых, статистика Минздрава учитывает женщин, обратившихся в клинику, подведомственную министерству, в данном году. Удельный вес женщин, применяющих эти два метода контрацепции, рассчитывается на всех женщин репродуктивного возраста, независимо от брачного состояния и сексуальной активности. Тем не менее другой статистики применения контрацепции в разрезе регионов не существует.

При анализе мы использовали традиционные методы: дескриптивную статистику и корреляционный анализ, в частности коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

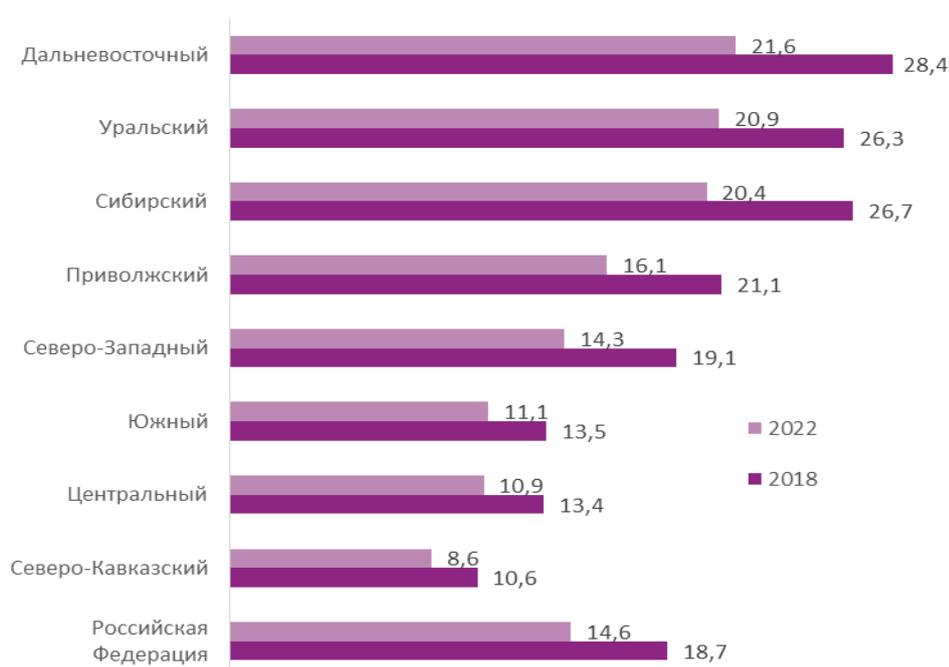
Результаты

Беременности с абортным исходом

На уровне крупных территориальных единиц – федеральных округов (ФО) – прослеживается тенденция увеличения уровня абортов с запада на восток и с юга на север.

Как уже отмечали другие авторы, меньше всего прерываний беременности регистрируется в Северо-Кавказском ФО (рисунок 1). Центральный и Южный округа также характеризуются более низкими показателями, чем Россия в целом. Северо-Западный и Приволжский ФО занимают среднюю позицию, а Уральский, Сибирский и Дальневосточный ФО образуют группу регионов с относительно высоким уровнем абортов, в 1,4-1,5 раза превышающим средний по стране. Разрыв между Северо-Кавказским и Дальневосточным ФО в 2022 г. составил 2,5 раза. Расположение округов в ранжированном ряду в зависимости от частоты прерываний беременности почти не меняется во времени (Вишневский и др. 2015).

Рисунок 1. Беременности с абортным исходом, на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет, Федеральные округа России, 2018 и 2022 г.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

На уровне отдельных регионов разница между минимальным и максимальным показателями в 2022 г. (в Кабардино-Балкарской Республике и в Республике Тыва) составила почти 6 раз. Значение коэффициента вариации, рассчитанного на основе числа беременностей с абортным исходом на 1000 женщин репродуктивного возраста, свидетельствует о территориальной неоднородности (таблица 1).

Таблица 1. Территориальная вариация числа беременностей с абортным исходом, на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет, 2018-2022

	2018	2019	2020	2021	2022
Россия (Росстат)	18,7	17,7	15,8	14,9	14,6
Минимум	6,4	6,3	5,3	4,7	5,6
Максимум	37,6	37,0	31,4	31,1	32,1
Среднее значение *	21,4	20,2	18,0	16,8	16,3
Коэффициент вариации **, %	35,5	35,8	36,5	35,9	36,1

Примечание: * – Средняя арифметическая невзвешенная.

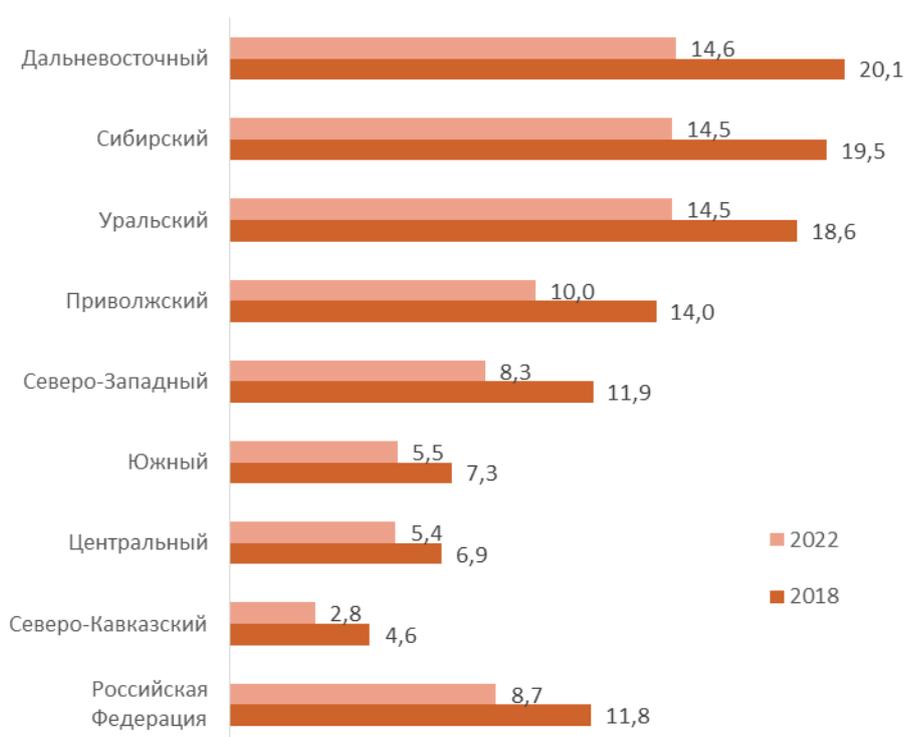
** – Отношение стандартного отклонения к средней арифметической.

Число искусственных аборт в стране на протяжении всего постсоветского периода быстро снижалось, в результате соотношение искусственных и самопроизвольных аборт среди беременностей с абортным исходом менялось в сторону увеличения доли последних и в 2022 г. выкидыши составили 40% общего числа прерываний беременности. Доля выкидышей среди беременностей с абортным исходом, однако, сильно варьируется между регионами (разброс от 21 до 98% в 2022 г.; см. таблицу П Приложения), из чего следует, что сравнение регионов по уровню общего числа аборт сегодня не имеет большого смысла: в случае одних регионов общее число аборт содержит, к примеру, более 70% выкидышей, а в случае других – более 70% искусственных аборт.

Искусственные аборт

Если рассматривать только искусственные³ аборт (ИА), без выкидышей, то территориальная неоднородность еще более усилится.

Рисунок 2. Искусственные аборт, на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет, Федеральные округа России, 2018 и 2022 г.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Уровень ИА в Северо-Кавказском федеральном округе втрое более низкий, чем в среднем по стране (рисунок 2), тогда как коэффициент искусственных аборт в Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах в 1,7 раза превышает среднероссийский. На долю трех последних округов приходится более 40% всех искусственных аборт в стране, хотя в них проживает всего четверть россиянок репродуктивного возраста. Разрыв между Северо-Кавказским и Дальневосточным ФО

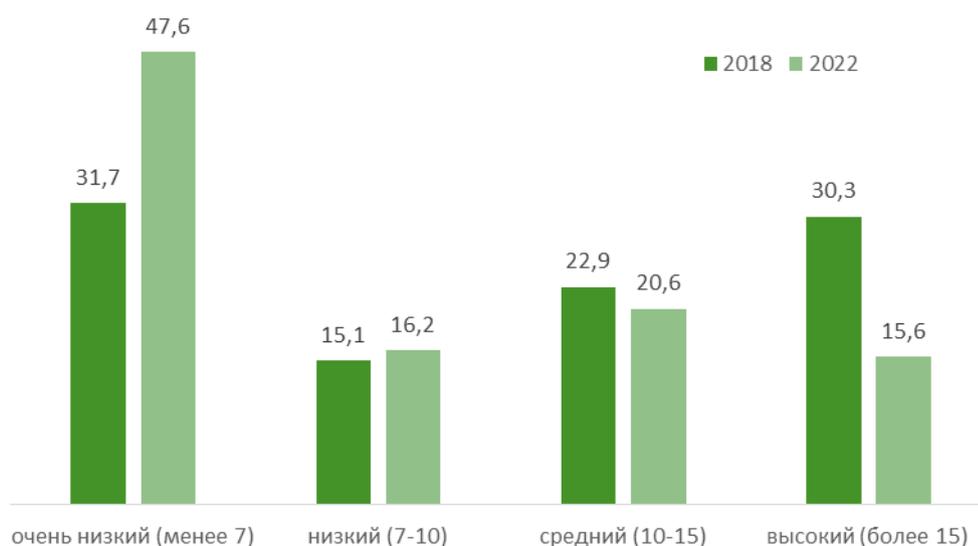
³ Здесь и далее число искусственных аборт получено путем вычитания числа самопроизвольных аборт (включая аномальные продукты зачатия) из общего числа прерываний беременности.

составляет более 5 раз, причем темп снижения коэффициента ИА за пять лет в Северо-Кавказском ФО был наибольшим среди всех округов.

В Республике Ингушетия в 2022 г. было зарегистрировано всего 15 искусственных аборт или в расчете на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет 0,1 (минимум), а в Республике Тыва – «лидере» 2022 г. – 23,9.

По состоянию на 2022 г. почти 2/3 россиянок проживали в регионах с очень низким и низким уровнем искусственных аборт (соответственно, менее 7 и 7-10 в расчете на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет)⁴ (рисунок 3). Тем не менее в части регионов, расположенных в основном на севере и востоке страны, коэффициент ИА примерно вдвое превышает среднероссийский уровень: более 15 на 1000 женщин 15-49 лет, в том числе в трех регионах более 20 на 1000; в этих регионах проживает 5,4 млн (или около 16%) россиянок репродуктивного возраста. Правда, в мировом масштабе и последняя группа регионов не вошла бы в число лидеров по уровню аборт; среднемировой показатель ИА в 2015-2019 гг. оценивается в 39 на 1000 женщин в возрасте от 15 до 49 лет, а показатель для региона Западная Азия и Северная Африка – 53 на 1000 (максимум) (Bearak et al. 2020). По сравнению с 2018 г. ситуация улучшилась – тогда в регионах с относительно высоким уровнем ИА проживало 30% (или около 11 млн) российских женщин.

Рисунок 3. Доля женщин репродуктивного возраста, проживающих в группах регионов в зависимости от уровня искусственных аборт (в расчете на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет), 2018 и 2022 г., %

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Коэффициент вариации, рассчитанный на основе числа искусственных аборт на 1000 женщин репродуктивного возраста, превышает 40%, что подтверждает большую территориальную неоднородность (таблица 2). По уровню рождаемости Россия является более однородной, чем по уровню ИА (Захаров 2014; Родина 2023). Стоит оговориться, что в ряде регионов либо абсолютное, либо относительное число зарегистрированных

⁴ При определении низкого уровня аборт мы ориентировались на страны с самыми низкими показателями аборт в Европе, например, Швейцарию (5,8 на 1000 женщин 15-49 лет в 2022 г.), Германию (5,9 на 1000 в 2020 г.), Чехию (7,0 на 1000 в 2022 г.).

искусственных абортов настолько мало, что эти регионы были исключены из расчетов показателей вариации. Но даже без этих регионов разброс уровня ИА велик, и региональная дисперсия не уменьшается со временем, напротив, в 2022 г. она была максимальной за рассматриваемый период.

Таблица 2. Территориальная вариация коэффициента искусственных абортов, на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет, 2018-2022

	2018	2019	2020	2021	2022
Россия (Росстат)	11,8	11,1	9,7	9,0	8,7
Минимум	4,3	4,3	4,1	3,8	3,9
Максимум	30,4	30,0	23,6	22,1	23,9
Среднее значение *	15,1	14,2	12,3	11,3	10,9
Коэффициент вариации **, %	41,6	42,2	42,5	42,0	43,5

*Примечание: * – Средняя арифметическая невзвешенная.*

*** – Отношение стандартного отклонения к средней арифметической.*

Исключены регионы с крайне низким абсолютным или относительным числом абортов:

Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Кабардино-Балкарская Республика,

Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Ненецкий автономный округ, Москва.

Кроме республик Северного Кавказа, где искусственных абортов всегда регистрировалось очень мало, стабильно низкими показателями на протяжении последних пяти лет характеризовались Белгородская, Московская, Ростовская области, Санкт-Петербург и Краснодарский край. Очень низкий коэффициент ИА фиксируется также в Москве, но в этом случае есть сомнения в качестве учета как абортов, так и численности женщин. Стабильно высокими показателями (вдвое и больше превышающими среднероссийский) на протяжении последних пяти лет характеризовались Республики Тыва, Саха (Якутия), Алтай, Свердловская, Псковская, Сахалинская, Курганская области и Еврейская автономная область.

Во всех регионах относительное число искусственных абортов по сравнению с 2018 г. снизилось, за исключением Москвы и Республики Тыва. При этом в нескольких регионах коэффициент ИА за пять лет сократился вдвое. Статистической связи между уровнем искусственных абортов в начале периода и темпами изменения за рассматриваемый период мы не обнаружили.

Чтобы нивелировать годовые колебания числа абортов в регионах с небольшой численностью населения, мы рассчитали коэффициент искусственных абортов суммарно за пять лет. В целом по России коэффициент ИА в среднем за период с 2018 по 2022 г. составил 10,1 в расчете на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет. При этом регионы разделились на неравные группы. Самую большую группу (34 региона) составили субъекты федерации с низким и очень низким уровнем искусственных абортов (менее 10 на 1000 женщин), тогда как 27 регионов образовали группу с относительно высоким показателем ИА (более 15 на 1000 женщин); среднюю позицию заняли 24 региона (таблица 3).

Таблица 3. Распределение регионов РФ по уровню искусственных аборт в среднем за период 2018-2022

Коэффициент искусственных абортов на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет	Регионы
Низкий и очень низкий (менее 10 на 1000)	Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан, Москва, Республика Калмыкия, Московская область, Ростовская область, Карачаево-Черкесская Республика, Белгородская область, Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Республика Северная Осетия-Алания, Краснодарский край, Волгоградская область, Воронежская область, Самарская область, Тульская область, Рязанская область, Севастополь, Ставропольский край, Липецкая область, Калужская область, Ивановская область, Астраханская область, Ленинградская область, Республика Мордовия, Ульяновская область, Республика Башкортостан, Ярославская область, Республика Крым, Тверская область, Пензенская область, Саратовская область
Средний (10–15 на 1000)	Омская область, Тамбовская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Курская область, Нижегородская область, Республика Татарстан, Калининградская область, Владимирская область, Алтайский край, Приморский край, Новгородская область, Смоленская область, Орловская область, Республика Хакасия, Мурманская область, Республика Карелия, Челябинская область, Брянская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Костромская область, Камчатский край, Удмуртская Республика, Амурская область, Чувашская Республика
Высокий (более 15 на 1000)	Хабаровский край, Кировская область, Вологодская область, Чукотский автономный округ, Магаданская область, Томская область, Тюменская область, Иркутская область, Республика Бурятия, Республика Коми, Архангельская область, Забайкальский край, Пермский край, Республика Марий Эл, Кемеровская область, Красноярский край, Новосибирская область, Ненецкий автономный округ, Свердловская область, Курганская область, Оренбургская область, Псковская область, Сахалинская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Саха (Якутия), Еврейская автономная область

Примечание: Регионы расположены в порядке возрастания показателя.

Самопроизвольные аборты

Анализ частоты самопроизвольных абортов, которые также включаются в российскую статистику беременностей с абортивным исходом, показал, что региональные различия здесь намного меньше, чем в случае искусственных абортов: коэффициент вариации в 2022 г. составил менее 24% (таблица 4). В расчете на 1000 женщин репродуктивного возраста число выкидышей в течение пяти лет с 2018 по 2022 г. колебалось с 2,8 (Тульская область, 2021 г.) до 11,0 (Магаданская область, 2018 г.). Общероссийский показатель снизился с 6,9 на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет в 2018 г. до 5,9 на 1000 в 2022 г.

Регионы с самым высоким и самым низким уровнем самопроизвольных абортов за период с 2018 по 2022 г. показаны в таблице 5. Четыре из восьми регионов-лидеров расположены на Дальнем Востоке, еще два – в Восточной Сибири. Среднее за пять лет значение показателя для Российской Федерации в целом составило 6,3 на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет.

Таблица 4. Территориальная вариация коэффициента самопроизвольных аборт^{*}, на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет, 2018-2022

	2018	2019	2020	2021	2022
Россия (Росстат)	6,9	6,6	6,2	5,9	5,9
Минимум	3,8	3,7	3,5	2,8	3,3
Максимум	11,0	10,1	10,1	10,8	10,7
Среднее значение **	7,1	6,8	6,3	6,0	6,0
Коэффициент вариации ***, %	21,3	22,0	23,7	25,6	23,7

Примечание: * – Коды O02-O03 согласно МКБ-10.

** – Средняя арифметическая невзвешенная.

*** – Отношение стандартного отклонения к средней арифметической.

Таблица 5. Регионы с самым низким и самым высоким уровнем самопроизвольных * аборт^{*}, в среднем за период 2018-2022

Регионы с самыми низкими показателями	Число самопроизвольных аборт [*] на 1000 женщин 15-49 лет	Регионы с самыми высокими показателями	Число самопроизвольных аборт [*] на 1000 женщин 15-49 лет
Тамбовская область	3,8	Магаданская область	10,4
Тульская область	4,2	Иркутская область	9,3
Республика Мордовия, Белгородская область	4,3	Республика Тыва, Чеченская Республика, Камчатский край	9,2
Республика Адыгея, Воронежская область, Республика Дагестан	4,4	Амурская область, Хабаровский край	8,7
Ленинградская область	4,5	Ульяновская область	8,6

Примечание: * – Коды O02-O03 согласно МКБ-10.

Динамика самопроизвольных аборт^{*} во многом повторяет динамику рождаемости. Когда рождаемость в России росла (с 2006 по 2015 г.), число выкидышей, фиксируемое Минздравом (и абсолютное, и в расчете на 1000 женщин), тоже имело тенденцию к росту; в последние пять лет и рождаемость, и выкидыши снижаются. Значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена ($r=0,50$) свидетельствует о наличии связи между относительным числом самопроизвольных аборт^{*} и специальным коэффициентом рождаемости в регионе в среднем за 2018-2022 гг. И это объяснимо, поскольку самопроизвольные аборт^{*} представляют собой в основном потери желанных беременностей. К слову, значение коэффициента ранговой корреляции между средними за пять лет коэффициентами искусственных аборт^{*} и рождаемости (на 1000 женщин репродуктивного возраста) намного ниже (0,34) и говорит о слабой связи ИА и рождаемости, причем эта связь, как и в случае выкидышей, со знаком «плюс». Наш результат не противоречит результатам упомянутого кластерного анализа 2020 г., объединившего в один большой кластер регионы с низким уровнем аборт^{*} и одновременно с низким уровнем рождаемости (Анохина, Давлетшина 2022).

По оценкам, выкидышем заканчивается до 20% клинических беременностей (Министерство здравоохранения... 2021)⁵. Ни один российский регион не выходит за рамки

⁵ В других источниках говорится о 10-15%,

см.: <https://www.who.int/news-room/spotlight/why-we-need-to-talk-about-losing-a-baby>

этой границы; повышенными значениями показателя выделяются три региона: Магаданская (18% выкидышей среди беременностей ⁶), Рязанская (17%) и Самарская (16%; 2022 г.) области.

При этом в 23 регионах доля выкидышей среди беременностей не дотягивает до 10% при средней по России 11%. То есть серьезных аномалий в доле самопроизвольных абортов среди беременностей мы не наблюдаем, следовательно, нет веских оснований предполагать, что существенную часть искусственных абортов в стране врачи маскируют под выкидыши.

Причины территориальной дифференциации по уровню самопроизвольных абортов требуют отдельного исследования. Помимо различий в рождаемости, о чем уже говорилось, важными, если не главными, факторами частоты выкидышей являются состояние здоровья женщин и качество медицинской помощи. Определенную роль, возможно, играют особенности регистрации прерываний беременности в некоторых регионах.

Роль негосударственного сектора здравоохранения

Хотя большинство зарегистрированных прерываний беременности приходится на организации, входящие в систему Минздрава России, роль негосударственного сектора в предоставлении медицинской помощи при аборте растет. В целом по стране доля учреждений Минздрава в общем числе прерываний беременности снизилась с 95% в 1992 г. до 79% в 2022 г., тогда как доля негосударственных организаций приблизилась к 1/5. В нескольких областях (Нижегородской, Брянской, Ярославской) доля негосударственных клиник в структуре зарегистрированных прерываний беременности приблизилась к 40%, а в Мордовии и Бурятии превысила 40% (2022 г.).

Вклад частного сектора в оказание медицинской помощи при искусственном аборте в 2022 г. в целом по России превысил 30%. Причем в 11 регионах ⁷ на негосударственный сектор приходится более половины искусственных абортов (2022 г.), в том числе в Мордовии – более 70%. Еще в 26 регионах доля негосударственного сектора составляет от 30 до 50% (таблица П Приложения). Таким образом, почти в половине российских регионов роль частных клиник в оказании помощи при ИА очень велика. В то же время в 7 регионах частные услуги, по всей видимости, отсутствуют, среди них Республика Тыва – «лидер» 2022 г. по уровню абортов.

Связана ли эта неоднородность с разной степенью охвата «негосударственных» абортов системой учета или она является следствием различий в развитии частного сектора здравоохранения, мы определенно ответить не можем, но склоняемся к версии различий в развитости коммерческих услуг и уровне жизни населения.

В частных медицинских организациях гораздо чаще применяется наиболее безопасный для женского здоровья метод прерывания беременности – медикаментозный. В 2022 г. в целом по России в негосударственных клиниках около 76% медицинских (искусственных) абортов в сроки до 12 недель беременности были сделаны с

⁶ Число беременностей оценивали как сумму числа родов (включая мертворождения) и числа прерываний беременности.

⁷ Это: Республика Мордовия, Ярославская, Московская, Рязанская, Воронежская, Нижегородская, Тульская, Брянская, Волгоградская, Костромская области и Москва.

использованием нехирургического медикаментозного метода, тогда как в клиниках Минздрава – 46%.

Применение медикаментозного метода широко распространено в негосударственных клиниках во всех регионах, где работают такие клиники. Так, в 52 регионах доля медикаментозных аборт в 2022 г. превысила 75% всех искусственных аборт до 12 недель беременности, в том числе в 25 регионах была либо близка, либо равна 100%.

В государственных учреждениях, подчиняющихся Минздраву, картина намного более пестрая: доля медикаментозных аборт среди искусственных аборт до 12 недель беременности варьируется от 0 в Чеченской Республике до 83% в Алтайском крае и 100% в Ингушетии. В Ингушетии, как уже упоминалось, в 2022 г. было зарегистрировано всего 15 искусственных аборт, в том числе 5 - до 12 недель беременности, и эти 5 аборт, согласно отчету, были выполнены медикаментозным методом. Лишь в пяти регионах (включая Ингушетию) доля нехирургического метода в учреждениях Минздрава превысила 75%, в то же время в 19 регионах она была ниже 20%. Любопытно, что в последнюю группу входят Москва и Московская область. Такое разнообразие, вероятно, отражает как различия в позиции местных чиновников по отношению к продвижению современного метода прерывания беременности, так и недостатки статистического учета в отдельных регионах.

В среднем по всем медицинским организациям страны доля искусственных аборт в сроки до 12 недель беременности, сделанных с использованием медикаментозного метода, составила 56% в 2022 г., при этом в разрезе регионов она колебалась от 0 в Чечне до 85% в Мордовии и 100% в Ингушетии. В Чечне коммерческие аборт отсутствуют, тогда как Мордовия лидирует по доле аборт, выполненных в негосударственных клиниках.

Аборт и применение контрацепции

По уровню использования контрацепции современная Россия мало отличается от других стран с постпереходным типом рождаемости. Подавляющее число россиян, состоящих в браке/партнерстве, прибегают к тем или иным методам предохранения от нежелательной беременности. Именно благодаря расширению практики применения современной контрацепции России удалось добиться значительного снижения уровня аборт (Вишневецкий, Денисов, Сакевич 2017).

По отчетам Минздрава, на конец 2022 г. 6,4 млн женщин состояли на учете как применяющие внутриматочную или гормональную контрацепцию, что составляет 18,5% от всех женщин репродуктивного возраста. Среди этих женщин 2,52 млн (7,3% женщин репродуктивного возраста) использовали внутриматочную спираль (ВМС) и 3,84 млн (11,2%) – гормональную контрацепцию (Росстат 2023: 64).

Однако эти показатели сильно колеблются по годам и регионам. В 2022 г. суммарная доля женщин, применяющих ВМС и гормональную контрацепцию, была наименьшей в Чеченской Республике и Москве (1,65 и 1,63%, соответственно), а наибольшей – в Алтайском крае (57,6%). Доля женщин 15-49 лет, использующих гормональную контрацепцию, варьировала от 0,9% в Чечне до 32% в Алтайском крае, а использующих ВМС – от 0,3% в Москве до 26% в Алтайском крае (ФГБУ «ЦНИИОИЗ»... 2023).

Помимо Алтайского края, высокий процент применяющих гормональную контрацепцию регистрируется в Липецкой (29,8%), Новгородской (26,4%) и Тюменской (25,6%) областях, а применяющих ВМС – в Татарстане (23,2%), Ханты-Мансийском АО (22,3%) и Мордовии (21,5%). Место указанных регионов в рейтинге по уровню искусственных аборт можно посмотреть в таблице 3; все они, за исключением Липецкой области и Мордовии, не относятся к регионам с самым низким уровнем аборт.

Вопреки ожиданиям, расчеты показали наличие умеренной положительной связи между данными Минздрава об использовании женщинами гормональной и внутриматочной контрацепции (суммарно) и коэффициентом искусственных аборт в регионе. То есть чем больше согласно отчетам Минздрава распространены эти два вида современной контрацепции, тем больше искусственных аборт. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена составил 0,39 (2022 г.)⁸. Это может свидетельствовать как о недостоверности статистики Минздрава в ряде регионов, так и о том, что население регионов с низким уровнем аборт успешно использует другие способы предотвращения нежелательной беременности. Таким образом, подтвердить гипотезу о сильном влиянии использования контрацепции на уровень аборт на основе статистики Минздрава нам не удалось.

Заключение

За постсоветские годы относительный показатель аборт в России приблизился к среднему для развитых стран уровню (Сакевич, Денисов 2019), и проблема аборт как медико-социальная потеряла остроту. Однако за общероссийским показателем скрываются довольно значительные межрегиональные различия. В целом отмечается тенденция увеличения уровня аборт с запада на восток и с юга на север. Примечательно, что ранее исследователи отмечали северо-восточный градиент в смертности в России (Vallin et al. 2005).

Меньше всего аборт регистрируется в Северо-Кавказском ФО, тогда как Уральский, Сибирский и Дальневосточный ФО образуют группу регионов с относительно высоким уровнем аборт, в 1,4-1,5 раза превышающим средний по стране.

Территориальная неоднородность по уровню искусственных аборт выше, чем по общему числу беременностей с абортивным исходом. Разница между самым высоким и самым низким показателями числа искусственных аборт на 1000 женщин репродуктивного возраста в среднем за 2018-2022 гг. составила почти шесть раз (исключая четыре республики Северного Кавказа, Ненецкий АО, Москву и Калмыкию). По состоянию на 2022 г. 64% женщин репродуктивного возраста (22 млн из 34,5) проживали в регионах с низким и очень низким уровнем искусственных аборт, 21% (7,1 млн) – в регионах со средним уровнем и, наконец, 16% (5,4 млн) – в регионах с относительно высоким уровнем искусственных аборт. Уменьшения дисперсии не происходит, и в последней группе регионов проблема аборт остается актуальной. Причины отставания ряда регионов в снижении распространенности аборт еще ждут своего исследователя. Но глобально даже группа российских территорий «с высоким уровнем аборт» далека от мировых лидеров. В большей части регионов в ближайшие годы можно ожидать замедления

⁸ При расчетах была исключена Республика Дагестан, где в 2022 г. не было зарегистрировано ни одно случая применения ВМС и гормональной контрацепции (ФГБУ «ЦНИИОИЗ»... 2023).

снижения или стабилизации числа искусственных абортсв из-за существенного истощения резервов их снижения.

Попытка связать уровень искусственных абортсв в регионах России с использованием контрацепции, основываясь на данных официальной статистики Минздрава о применении двух методов контрацепции – ВМС и гормональной, не принесла результатов. Причина, на наш взгляд, кроется в недостоверности статистики Минздрава об использовании методов контрацепции в ряде регионов. Кроме того, можно предположить, что население регионов с низким уровнем абортсв успешно использует другие способы предотвращения нежелательной беременности, помимо внутриматочной и гормональной контрацепции.

В России наблюдается тенденция постепенного перераспределения искусственных абортсв в пользу негосударственного сектора здравоохранения. Это говорит, в частности, о снижении доступности медицинской помощи в рамках ОМС и об увеличении барьеров при получении помощи в государственных клиниках⁹. Женщины ищут качественные медицинские услуги (Здравомыслова, Темкина 2012) и в ситуации репродуктивного выбора отдают предпочтение более безопасному медикаментозному методу прерывания беременности, который намного чаще практикуется в частных клиниках, чем в государственных.

В общем числе регистрируемых прерываний беременности растет удельный вес выкидышей; в 2022 г. он превысил 40%. Различия между российскими регионами с точки зрения частоты выкидышей не так велики, как по частоте искусственных абортсв, и серьезных аномалий в доле выкидышей среди беременностей мы не выявили. Тем не менее руководству регионов, в которых относительный показатель самопроизвольных абортсв в 1,5 раза выше среднего по стране, стоило бы обратить внимание на эту проблему. Профилактика и лечение невынашивания беременности – небольшой демографический резерв, не говоря о помощи женщине и паре в тяжелой жизненной ситуации (Стародубов, Суханова 2012).

Анализ показал, что сравнивать регионы России по общему числу абортсв не имеет большого смысла, поскольку соотношение искусственных и самопроизвольных абортсв среди беременностей с абортивным исходом сильно различается между регионами: в одной части регионов большинство абортсв составляют выкидыши, а в другой – искусственные абортсв.

⁹ Сакевич В.И., Денисов Б.П. Контроль рождаемости в России: что показывают государственная статистика и выборочные обследования? *Журнал исследований социальной политики*, в печати.

Литература

- Анохина Л.П., Давлетшина Л.А. (2022). Статистический анализ репродуктивного здоровья женщин в России. Москва: РУСАЙНС.
- Вишневский А.Г., Денисов Б.П., Сакевич В.И. (2017). Контрацептивная революция в России. *Демографическое обозрение*, 4(1), 6-34. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6986>
- Вишневский А.Г., Захаров С.В., Исупова О.Г., Сакевич В.И. (2015). Рождаемость. В С.В. Захаров (Ред.), *Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад* (с. 81-181). М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Голдберг Х., Бодрова В. (2001). Репродуктивное здоровье российских женщин в конце XX столетия. *Мониторинг общественного мнения*, 1(51), 55-59.
- Денисов Б.П., Сакевич В.И. (2014). Аборты в постсоветской России: есть ли основания для оптимизма? *Демографическое обозрение*, 1(1), 144-169 <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.7698>
- Дикке Г.Б., Ерофеева Л.В. (2014). Современные особенности национальной контрацепции: информированность, применение, эффективность. *Вопросы гинекологии, акушерства и перинатологии*, 13(5), 63-71.
- Захаров С.В. (2014). Региональное разнообразие рождаемости после 2006 года возросло. В А.Г. Вишневский (Ред.), *Население России 2012: 20-й ежегодный демографический доклад* (с. 158-173). М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (2012). Доверие и сотрудничество врача-гинеколога и пациентки. В В.Л. Лехциер (Ред.), *Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине* (с. 124-168). Самара: Самарский государственный университет.
- Козлов В. (2016). Распространенность аборт в России: от абортной культуры к маргинальному явлению. *Аист на крыше. Демографический журнал*, 2(2), 32-41.
- Козлов В., Ракша А. (2017). Аборты в современной России. Некоторые особенности. *Аист на крыше. Демографический журнал*, 4(4), 6-15.
- Министерство здравоохранения Российской Федерации (2021). *Выкидыш (самопроизвольный аборт)*. Клинические рекомендации.
- ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России (2023). Основные показатели здоровья матери и ребенка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации: статистические материалы. М.
- Родина О.А. (2023). Региональная вариация рождаемости и её связь с социально-экономическим положением российских регионов. *Демографическое обозрение*, 10(2), 63-103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17766>
- Росстат (2023). *Здравоохранение в России. 2023*: Стат. сб. М. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218>
- Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. (2019). Аборты и абортное поведение в контексте поиска резервов демографического развития в России. *Экология человека*, 7, 17-23. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-7-17-23>

- Сакевич В.И., Денисов Б.П. (2019). Репродуктивное здоровье населения и проблема абортов в России: новейшие тенденции. *Социологические исследования*, 11, 140-151. <https://doi.org/10.31857/S013216250007457-5>
- Сакевич В.И., Денисов Б.П., Никитина С.Ю. (2021). Прерывания беременности в России по данным официальной статистики. *Социологические исследования*, 9, 42-53. <https://doi.org/10.31857/S013216250014958-6>
- Стародубов В.И., Суханова Л.П. (2012). *Репродуктивные проблемы демографического развития России*. М.: ИД «Менеджер здравоохранения».
- Харькова Т.Л. (1994). Проблемы регулирования рождаемости в России. *Здравоохранение Российской Федерации*, 5, 32-35.
- Bearak J., Popinchalk A., Ganatra B., Moller A-B., Tunçalp Ö., Beavin C., Kwok L., Alkema L. (2020). Unintended pregnancy and abortion by income, region, and the legal status of abortion: estimates from a comprehensive model for 1990–2019. *Lancet Global Health*, 8(9), e1152–e1161. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(20\)30315-6](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30315-6)
- Bongaarts J. (1978). A framework for analyzing the proximate determinants of fertility. *Population and Development Review*, 4(1), 105-132.
- Bongaarts, J., Westoff C. F. (2000). The Potential Role of Contraception in Reducing Abortion. *Studies in Family Planning*, 31(3), 193-202. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4465.2000.00193.x>
- GOV.UK (2024). *Abortion statistics for England and Wales: 2022*. Available at: <https://www.gov.uk/government/statistics/abortion-statistics-for-england-and-wales-2022> (accessed 31 August 2024).
- Guillaume A., Rossier C. (2018). Abortion around the world. An overview of legislation, measures, trends, and consequences. *Population (English edition)*, 73(2), 217-306. <https://doi.org/10.3917/pope.1802.0217>
- Jones R.K., Kirstein M., Philbin J. (2022). Abortion incidence and service availability in the United States, 2020. *Perspectives on Sexual and Reproductive Health*, 54(4), 128-141. <https://doi.org/10.1363/psrh.12215>
- Socialstyrelsen (2024). *Statistical Database, Abortion Statistics*. Available at: https://sdb.socialstyrelsen.se/if_abo/val_eng.aspx (accessed 31 August 2024).
- UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2024). *World Contraceptive Use 2024*. Available at <https://www.un.org/development/desa/pd/node/3285> (accessed 31 August 2024).
- Vallin J., Andreev E., Meslé F., Shkolnikov V. (2005). Geographical diversity of cause-of-death patterns and trends in Russia. *Demographic Research*, 12, 323-380. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2005.12.13>

Приложение

Таблица П. Некоторые показатели зарегистрированных аборт в регионах России, 2022

	Общее число абортов, тыс.	Число абортов на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет	Доля самопроизвольных* абортов в общем числе абортов, %	Число искусственных** абортов на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет	Доля искусственных** абортов, выполненных в негосударственных организациях, %
Российская Федерация	503,8	14,6	40,3	8,7	31,0
Белгородская область	2,7	7,7	49,5	3,9	24,3
Брянская область	4,5	17,1	27,9	12,4	51,2
Владимирская область	4,0	13,4	36,8	8,5	44,4
Воронежская область	4,7	9,0	42,7	5,2	57,5
Ивановская область	2,2	10,8	43,2	6,2	16,3
Калужская область	3,0	12,6	48,0	6,6	33,1
Костромская область	2,3	18,5	35,9	11,9	50,6
Курская область	3,3	13,7	39,1	8,4	38,8
Липецкая область	3,0	11,7	48,5	6,1	14,6
Московская область	19,0	9,2	54,4	4,2	59,5
Орловская область	2,5	15,7	25,7	11,7	17,0
Рязанская область	3,5	14,5	50,1	7,2	58,2
Смоленская область	3,0	15,5	28,5	11,1	28,1
Тамбовская область	2,4	11,6	32,4	7,8	47,8
Тверская область	3,2	12,2	42,3	7,0	18,2
Тульская область	3,8	11,4	37,6	7,1	55,2
Ярославская область	3,7	13,6	44,3	7,6	63,9
Москва	30,7	9,9	64,9	3,5	50,4
Республика Карелия	1,8	15,5	41,9	9,0	17,6
Республика Коми	3,9	22,9	31,7	15,7	16,8
Ненецкий автономный округ	0,2	23,9	27,6	17,3	4,5
Архангельская область без Ненецкого автономного округа	4,4	20,5	29,3	14,5	35,5
Вологодская область	4,9	19,2	33,0	12,9	26,0
Калининградская область	3,3	13,7	39,6	8,3	47,3
Ленинградская область	5,1	10,3	46,9	5,4	12,5
Мурманская область	3,0	19,3	39,9	11,6	21,4
Новгородская область	2,0	15,4	33,3	10,3	19,6
Псковская область	3,0	23,2	20,9	18,3	24,2
Санкт-Петербург	15,7	11,3	54,4	5,1	38,7
Республика Адыгея	1,0	8,5	47,3	4,5	7,1
Республика Калмыкия	0,4	7,2	66,2	2,4	0,0
Республика Крым	5,1	11,8	44,6	6,6	8,7
Краснодарский край	14,9	11,1	49,8	5,6	45,0
Астраханская область	2,7	11,8	59,2	4,8	40,4
Волгоградская область	7,8	13,5	46,2	7,2	50,9
Ростовская область	9,6	9,7	55,5	4,3	30,9
Севастополь	1,4	10,3	42,3	5,9	17,2
Республика Дагестан	5,2	6,2	73,0	1,7	4,5

	Общее число аборт тыс.	Число аборт на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет	Доля самопроизвольных* аборт в общем числе аборт, %	Число искусственных** аборт на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет	Доля искусственных** аборт, выполненных в негосударственных организациях, %
Республика Ингушетия	0,8	5,9	98,2	0,1	0,0
Кабардино-Балкарская Республика	1,3	5,6	76,5	1,3	14,9
Карачаево-Черкесская Республика	1,0	8,1	49,7	4,1	5,0
Республика Северная Осетия-Алания	1,7	10,5	48,0	5,5	0,0
Чеченская Республика	4,1	10,5	89,6	1,1	0,0
Ставропольский край	8,3	11,7	55,3	5,2	21,8
Республика Башкортостан	10,7	11,4	47,6	6,0	38,1
Республика Марий Эл	3,4	22,3	29,2	15,8	35,2
Республика Мордовия	2,0	11,8	29,9	8,2	70,4
Республика Татарстан	14,7	15,8	37,9	9,8	37,8
Удмуртская Республика	5,7	17,1	27,5	12,4	35,3
Чувашская Республика	5,1	19,4	34,1	12,8	17,7
Пермский край	12,5	21,4	32,6	14,4	19,2
Кировская область	5,0	20,4	35,8	13,1	27,3
Нижегородская область	11,3	16,1	35,6	10,4	56,9
Оренбургская область	10,0	23,9	28,3	17,1	22,6
Пензенская область	3,7	13,3	36,4	8,5	43,0
Самарская область	9,7	13,3	57,4	5,7	15,8
Саратовская область	8,3	15,0	36,5	9,5	37,0
Ульяновская область	3,5	13,6	52,0	6,5	47,8
Курганская область	4,5	28,8	24,9	21,6	8,2
Свердловская область	24,6	24,9	26,0	18,4	16,7
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	6,9	15,6	38,8	9,5	9,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	2,8	20,1	38,6	12,3	21,8
Тюменская область без автономных округов	8,1	21,0	32,2	14,2	41,7
Челябинская область	14,0	17,5	35,1	11,4	29,0
Республика Алтай	1,2	24,0	28,8	17,1	37,3
Республика Тыва	2,7	32,1	25,7	23,9	0,0
Республика Хакасия	2,0	15,6	33,1	10,5	0,7
Алтайский край	8,0	16,2	34,1	10,7	49,4
Красноярский край	15,9	22,8	30,4	15,9	16,8
Иркутская область	13,5	23,9	36,2	15,3	16,9
Кемеровская область	12,8	20,8	21,9	16,2	17,6
Новосибирская область	14,8	21,8	26,0	16,1	32,3
Омская область	5,4	13,0	25,2	9,7	23,6
Томская область	5,1	19,6	27,4	14,2	12,9
Республика Бурятия	4,5	18,6	30,8	12,9	39,3
Республика Саха (Якутия)	7,1	28,1	23,0	21,6	36,2
Забайкальский край	5,7	22,8	28,1	16,4	38,6
Камчатский край	1,4	20,0	44,0	11,2	26,0
Приморский край	7,1	16,3	37,7	10,1	37,3
Хабаровский край	7,2	23,2	35,5	15,0	33,9

	Общее число аборт тыс.	Число аборт на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет	Доля самопроизвольных* аборт в общем числе аборт, %	Число искусственных** аборт на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет	Доля искусственных** аборт, выполненных в негосударственных организациях, %
Амурская область	4,0	21,6	37,6	13,5	18,1
Магаданская область	0,8	24,4	43,9	13,7	0,0
Сахалинская область	2,9	26,6	33,2	17,8	27,5
Еврейская автономная область	0,9	24,2	24,3	18,3	0,8
Чукотский автономный округ	0,3	23,9	24,7	18,0	0,0

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

*Примечание: * - Коды 002-003 согласно МКБ-10.*

*** - Число искусственных аборт получено путем вычитания числа самопроизвольных аборт (включая аномальные продукты зачатия) из общего числа прерываний беременности.*

Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы

Константин Николаевич Сердюков
(me@serdjukov.ru), Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН; Дальневосточный федеральный университет, Россия.

Crime of foreign migrants in Russia: facts and speculation

Konstantin Serdyukov
(me@serdjukov.ru), Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Far Eastern Federal University, Russia

Резюме: В статье на основе данных официальной статистики представлена разносторонняя характеристика преступности иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – ИГ и ЛБГ) в России. Работа выстроена на противопоставлении количественных/качественных показателей преступности россиян/постоянного населения РФ и международных мигрантов – неграждан РФ. Акцентировано внимание на высокой степени мифологизации рассматриваемой проблематики, склонности принимающего сообщества переоценивать уровень криминальной активности внешних мигрантов, завышать их общественную опасность.

Автором рассматриваются в динамике и сопоставляются коэффициенты преступности, полученные в отношении ИГ и ЛБГ, а также постоянного населения России в целом. Согласно результатам исследования социальные представления о необычайно высокой преступной активности иностранцев на территории нашей страны не находят объективного подтверждения. Криминальная активность международных мигрантов по меньшей мере не превосходит криминальную активность постоянного населения РФ в целом. Отмечается, что преступность иностранцев по сравнению с преступностью россиян отличается повышенной долей особо тяжких преступлений, а также преступлений против порядка управления; пониженным удельным весом преступных деяний, совершенных против жизни и здоровья.

Анализируются территориальные различия преступности иностранных мигрантов. Показано, что ее характерной особенностью является неравномерное распределение в пределах различных административно-территориальных единиц. Выделяются специфические факторы преступности иностранцев. Перечисляются значимые направления предупреждения криминального поведения международных мигрантов в России. По убеждению автора, важнейшей детерминантой, обуславливающей выработку общественно непротиворечивых моделей жизнедеятельности приезжих в целом, является их урегулированный правовой статус.

В заключение подчеркивается, что с учетом специфики рассматриваемого явления официальные статистические данные не являются исчерпывающим источником оценки преступности иностранных мигрантов в РФ, которая отличается высокой степенью латентности, неопределенности, отсутствием полноты информации для ее точной диагностики.

Ключевые слова: миграция населения, преступления, криминальная активность иностранных граждан, коэффициент преступности, международные мигранты, преступность иностранцев.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01113.

Для цитирования: Сердюков К. Н. (2024). Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы. Демографическое обозрение, 11(3), 88-101. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22716>

Abstract: The article, based on official statistics, presents a comprehensive description of the crime of foreign citizens and stateless persons (hereinafter referred to as FC and SP) in Russia. The work is based on the contrast between quantitative/qualitative indicators of crime among Russians/the permanent population of the Russian Federation and international migrants – non-citizens of the Russian Federation. Attention is focused on the high degree of mythologization of the issues under consideration, the tendency of the host community to overestimate the level of criminal activity of external migrants and exaggerate their social danger.

The author examines the dynamics and compares the crime rates of FC and SP, as well as the permanent population of Russia as a whole. According to the results of the study, social ideas about the unusually high criminal activity of foreigners on the territory of our country do not find objective confirmation. The criminal activity of international migrants at least does not exceed the criminal activity of the permanent population of the Russian Federation as a

whole. It is noted that the crime rate of foreigners, compared to that of Russians, is characterized by an increased proportion of especially serious crimes, as well as crimes against law enforcement, and a reduced proportion of criminal acts committed against life and health.

Territorial differences in criminality of foreign migrants are analyzed. It is shown that its characteristic feature is an uneven distribution within various administrative-territorial units. Specific factors of foreign crime are identified. Significant areas for preventing criminal behavior of international migrants in Russia are listed. According to the author, the most important factor that determines the development of socially consistent models of the life activity of migrants in general is their regulated legal status.

In conclusion, it is emphasized that, taking into account the specifics of the phenomenon under consideration, official statistical data are not an exhaustive source for assessing the crime rate of foreign migrants in the Russian Federation, which is characterized by a high degree of latency and uncertainty.

Keywords: *population migration, crimes, criminal activity of foreign citizens, crime rate, international migrants, crime rate of foreigners.*

Funding: *The study was supported by the Russian Science Foundation grant [No. 23-28-01113](#).*

For citation: *Serdyukov K. (2024). Crime of foreign migrants in Russia: facts and speculation. Demographic Review, 11(3), 88-101. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22716>*

Вступление

Миграция населения как глобальный социальный процесс всегда характеризовалась аспектами разнообразных положительных и отрицательных ее воздействий. Безусловно, чем масштабнее данный процесс, тем более выражены и последствия. Как известно, Россия входит в число стран-лидеров по приему иностранных мигрантов (Рязанцев, Письменная 2019). Исходя из данного утверждения, существование преступности иностранцев в РФ является закономерным и неизбежным следствием.

Преступность представляет собой негативный процесс воздействия на социум, выражающийся в определенных деяниях, совершение которых влечёт применение к субъекту преступления мер уголовной ответственности. В случае миграционной преступности таким субъектом выступает мигрант/мигранты.

Э. Дюркгейм полагал, что само существование преступности является неотъемлемой частью нормальной жизни любого общества. Ненормальным можно считать лишь ее чрезмерный уровень (Дюркгейм 1966). Этот тезис справедлив и в отношении такой многочисленной социальной общности, как международные мигранты, пребывающие/проживающие в России.

Нам видится чрезвычайно важным подходить к оценке преступности иностранных мигрантов в РФ объективно, не преувеличивать и не занижать общественную опасность, исходящую от приезжих. Данный авторский акцент на непредвзятом освещении взаимосвязи иностранной миграции и порождаемой ей преступности сделан с учетом высокой степени мифологизации рассматриваемой проблематики.

Считаем, что принимающее сообщество в России в целом склонно переоценивать уровень криминальной активности внешних мигрантов, завышать их общественную опасность. Как в публичном пространстве, так и в повседневной коммуникации нередко звучат резкие и категоричные высказывания, осуждающие массовое присутствие иностранцев на территории РФ. Любой факт их противоправного поведения вызывает куда более широкий общественный резонанс в сравнении с аналогичными деяниями местных жителей. Позитивные же эффекты пребывания мигрантов в России (в отдельных регионах), важная роль иностранных работников в отечественной экономике, примеры межнациональной и межконфессиональной дружбы и согласия и так далее, как правило, не находят заметного отражения в средствах массовой информации и коммуникации. А как известно, то, о чем не пишут, не показывают, что широко не обсуждают – не наличествует и в массовом сознании людей.

Согласно результатам исследования, проведенного Т.Н. Юдиной и Т.М. Бормотовой (2018), местные жители г. Москвы воспринимают иностранных мигрантов преимущественно как грязных и бедных рабочих, которые обычным порядком всячески преступают российские законы. Около половины из всех опрошенных респондентов ассоциируют образ внешнего мигранта с преступником, а также воспринимают представителей рассматриваемой социальной общности как источник реальной опасности. Исходя из полученных данных, сам процесс международной иммиграции в РФ трактуется жителями столицы преимущественно негативно. Вполне ожидаемым стал тот факт, что москвичи довольно слабо различают мигрантов по национальному признаку, скорее отмечается единый стереотипизированный образ. По мнению авторов, все это

демонстрирует выраженное стигматизированное представление местного населения о приезжих (Юдина, Бормотова 2018).

Мы предполагаем, что в России местные жители главным образом отождествляют мигрантов-иностранцев с выходцами из неславянских стран ближнего зарубежья вне зависимости от их фактического гражданства.

Основные показатели, характеризующие преступность иностранных мигрантов в РФ

Объективная оценка преступности внешних мигрантов в стране невозможна без знания количественных характеристик данного явления. Обратимся к статистической информации, представленной МВД России (таблица 1).

Таблица 1. Динамика преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ на территории РФ, 2014-2023

Год	Всего зарегистрировано преступлений	Прирост/снижение (к предыдущему году, %)	Зарегистрировано преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ	Прирост/снижение (к предыдущему году, %)	Удельный вес зарегистрированных преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ, %	Раскрыто преступлений	Удельный вес раскрытых преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ, %
2014	2 190 578	-1,8	45 538	-5,4	2,1	1 185 028	3,8
2015	2 388 476	8,6	48 210	4,4	2,0	1 254 706	3,7
2016	2 160 063	-9,6	43 933	-8,9	2,0	1 189 770	3,7
2017	2 058 476	-4,7	41 047	-6,6	2,0	1 117 801	3,7
2018	1 991 532	-3,3	38 598	-6,0	1,9	1 087 983	3,5
2019	2 024 337	1,6	34 917	-9,5	1,7	1 052 441	3,3
2020	2 044 221	1,0	34 400	-1,5	1,7	1 031 987	3,3
2021	2 004 404	-1,9	36 420	5,9	1,8	1 030 708	3,5
2022*	1 966 795	-1,9	40 154	10,3	2,0	1 035 496	3,9
2023*	1 947 161	-1,0	38 936	-3,0	2,0	997 689	3,9

Источник: Составлено автором на основе открытых данных Министерства внутренних дел РФ ¹.

Примечание: ИГ – иностранные граждане, ЛБГ – лица без гражданства. * – Данные приведены без учета сведений о преступлениях, совершенных на территориях Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей.

Итак, как видно из представленной выше таблицы, за последние десять лет иностранцами совершалось 1,7-2,1% преступлений из всех зарегистрированных и 3,3-3,9% преступлений из всех раскрытых. При этом с 2018 по 2020 г. наблюдалась тенденция снижения удельного веса рассматриваемого вида преступлений. Однако с 2021 г., напротив, наметился определенный рост доли участия ИГ и ЛБГ в преступных деяниях, совершаемых на территории РФ.

¹ Министерство внутренних дел РФ. Статистика и аналитика. <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>

Расчет коэффициентов преступности среди иностранных мигрантов и постоянного населения РФ в целом

Одним из основных объективных показателей, используемых для оценки рассматриваемого нами явления, является коэффициент преступности (КП). Он вычисляется, исходя из количества зарегистрированных преступлений, соотнесенных с численностью населения/общности на отдельно взятой территории в определенный период времени.

Формула расчета данного коэффициента выглядит следующим образом:

$$КП = \frac{П \times 10^n}{Н},$$

где: П – абсолютное число зарегистрированных преступлений; Н – абсолютная численность населения/общности; 10^n – масштаб (расчет на 1 тыс./10 тыс./100 тыс. человек).

Предлагаем рассмотреть в динамике и сопоставить коэффициенты преступности, полученные в отношении постоянного населения РФ в целом, а также иностранных мигрантов за период с 2019 по 2023 г.

Отметим, что реализация этой задачи содержит в себе ряд методических проблем. Во-первых – отсутствие надежных (прямых) данных о количестве единовременно пребывающих/проживающих в России иностранных мигрантов. За интересующий нас период мы проанализировали имеющиеся в открытом доступе оценки численности ИГ и ЛБГ в РФ, представленные в различных информационных источниках (публичные заявления представителей руководства ГУВМ МВД, научные статьи, экспертные интервью, доклады и др.). Результаты обзора свидетельствуют о довольно внушительном разбросе имеющихся данных. Полагаем, что в этих обстоятельствах целесообразно опираться на самые минимальные среднегодовые значения, представленные в полученном нами информационном массиве, так как в случае принятия для расчётов более высоких оценок численности рассматриваемой социальной общности коэффициенты преступности могут оказаться ниже реально возможных.

Во-вторых, необходимо ответить на непростой вопрос: какое количество нераскрытых, но зарегистрированных преступлений совершено иностранными мигрантами? Для преодоления этого затруднения считаем допустимым воспользоваться методом экстраполяции доли преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ, в структуре раскрытых преступлений на структуру всех зарегистрированных преступлений².

Итак, согласно представленным ниже данным (таблица 2), в обозначенный временной период расчетные коэффициенты преступности среди иностранных мигрантов находятся в пределах от 668 до 1278 и усредненно равны 1050 (преступлений на 100 тыс. человек).

² Данный метод предложен Г.В. Антоновым-Романовским, Г.Ф. Коимшиди, Д.К. Чирковым, А.А. Литвиновым (2024).

Таблица 2. Уровень преступности ИГ и ЛБГ в РФ, 2019-2023

	2019	2020	2021	2022 *	2023 *
Расчетное количество преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ, тыс.	66,8	67,5	70,2	76,7	75,9
Количество пребывающих/проживающих в России ИГ и ЛБГ, по мин. оценкам, млн	10,0	7,0	6,0	6,0	6,5
КП на 100 тыс. человек	668	964	1170	1278	1168

Источник: Составлено и рассчитано автором согласно сведениям из различных информационных источников, на основе (Флоринская 2022), публичных заявлений представителей руководства Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел РФ³, а также открытых данных Министерства внутренних дел РФ⁴.

*Примечание: * – Данные приведены без учета статистической информации по Донецкой и Луганской народным республикам, а также Запорожской и Херсонской областям.*

Следует обратить внимание на существенный рост уровня преступности иностранных мигрантов начиная с 2020 г. Данная тенденция активно обсуждается как в научном сообществе (Ашиткова 2023; Костюк, Кунц 2023; Раскина 2023b; Розовская, Петрянин 2023), так и в широком публичном поле. Дать исчерпывающий ответ на вопрос о причинах такого развития представляется нам сложнейшей задачей. Однако полагаем, что в поиске ответа указанную тенденцию необходимо рассматривать как результат многофакторного влияния, как следствие различных изменений, произошедших в политической, правовой, социальной и экономической жизни страны в последние годы.

В отношении постоянного населения РФ в целом полученные нами значения коэффициентов криминальной активности более стабильны и варьируются от 1278 до 1348, что в среднем составляет 1314 преступлений на 100 тыс. человек (таблица 3).

Таблица 3. Общий уровень преступности постоянного населения РФ, 2019-2023

Год	2019	2020	2021	2022	2023
Всего зарегистрировано преступлений, за вычетом расчетного количества преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ, тыс.	1957,5	1976,8	1934,3	1890,1	1871,2
Постоянное население РФ, млн	146,8	146,7	146,2	147,0	146,4
КП на 100 тыс. человек	1333	1348	1323	1286	1278

Источник: Составлено и рассчитано автором на основе открытых данных Министерства внутренних дел⁵, а также Федеральной службы государственной статистики РФ⁶.

В данном контексте важно отметить, что оценка численности постоянного населения страны производится с учетом отдельных категорий ИГ и ЛБГ (проживающих в России на постоянной основе). Тем не менее при расчете коэффициентов преступности среди постоянного населения РФ мы вычли число преступлений, совершенных иностранными мигрантами, из общего количества зарегистрированных преступлений.

³ Например: В МВД РФ раскрыли статистику пребывания мигрантов в стране (2023). 22 июня. sputniknews.ru. <https://tj.sputniknews.ru/20230622/mvd-russia-statistika-prebyvaniye-migranty-strana-1057847290.html>

⁴ Министерство внутренних дел РФ. Статистика и аналитика. <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics>

⁵ Министерство внутренних дел РФ. Статистика и аналитика. <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics>

⁶ Федеральная служба государственной статистики России. Официальная статистика. <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>

Итак, усредненные за период с 2019 по 2023 г. значения коэффициентов преступности среди иностранных мигрантов и постоянного населения РФ в целом равны 1050 и 1314 соответственно. Однако предполагаем, что реальный уровень криминальной активности ИГ и ЛБГ несколько выше полученных нами расчетных величин ввиду высокой степени латентности рассматриваемого вида преступности. Данная особенность отмечается в работах целого ряда авторов (Антонов-Романовский и др. 2024; Ульянов 2021; Тамбовцева, Тамбовцев 2022; Ахмедов 2015). Заметим, что развитые транснациональные сообщества, диаспоры, как правило, высоко самоорганизованы и самоуправяемы, поэтому в конфликтных (криминальных) ситуациях их представители зачастую не спешат обращаться в правоохранительные органы, предпочитая использовать внутренние механизмы урегулирования возникших проблем. Преступления, совершенные внутри рассматриваемых сообществ, нередко оказываются незаявленными ввиду неурегулированного правового статуса участников конфликта, недоверия к представителям правопорядка.

Вместе с тем подчеркнем, что в основу наших расчетов легли минимальные значения численности изучаемой нами социальной общности, представленные в открытых информационных источниках. Исходя из полученных нами значений, уровень преступности ИГ и ЛБГ мог быть выше, чем у постоянного населения России в целом, лишь в том случае, если среднегодовая численность иностранных мигрантов составляла 5,0 млн человек и менее в 2019 г. и 2020 г., 5,3 млн и менее в 2021 г., 5,9 млн и менее в 2022 г. и 2023 г. Однако столь низкие количественные ориентиры в специальной литературе не представлены.

Сравнивая полученные коэффициенты, также следует принять во внимание разницу половозрастной структуры рассматриваемой социальной общности и постоянного населения РФ в целом. Как известно, среди иностранных мигрантов заметно преобладают мужчины 18-49 лет (Щербакова 2022; 2023). При этом уровень преступности среди мужчин-россиян сопоставимого возраста существенно выше общего уровня преступности населения РФ в целом. Следовательно, расчет коэффициентов криминальной активности постоянного населения России с использованием половозрастной структуры, сходной с характеристиками иностранных мигрантов, приведет к заметному увеличению имеющихся значений.

Территориальные различия преступности ИГ и ЛБГ

Распределение входящих миграционных потоков/проживание международных мигрантов в нашей стране (как и в мире в целом) крайне неравномерно. Приезжие, как правило, концентрируются в наиболее экономически развитых регионах. В этой связи преступность иностранных мигрантов в пределах различных административно-территориальных единиц также имеет существенные различия. По мнению ряда исследователей (Ульянов 2021; Тамбовцева, Тамбовцев 2022; Антонов-Романовский, Сальников, Чирков 2019), рассматриваемому явлению зачастую присущ и очаговый характер распространения в пределах ареала.

Как видно из представленной ниже таблицы 4, в первую тройку субъектов РФ с наибольшим удельным весом зарегистрированных преступлений, совершенных иностранными мигрантами, входят Московская область, Москва и Санкт-Петербург.

Сюда же направлены и крупнейшие в стране как внутренние, так и внешние миграционные потоки.

Таблица 4. Топ-10 субъектов РФ-лидеров по удельному весу зарегистрированных преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ, 2022

№	Субъект РФ	Всего зарегистрировано преступлений	Зарегистрировано преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ	Удельный вес зарегистрированных преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ, %
1	Московская область	74 054	5522	7,5
2	г. Москва	138 180	7683	5,6
3	г. Санкт-Петербург	62 971	3167	5,0
4	Республика Крым	20 779	948	4,6
5	г. Севастополь	6 269	265	4,2
6	Курганская область	13 456	461	3,4
7	Челябинская область	62 844	1997	3,2
8	Калужская область	14 656	437	3,0
9	Смоленская область	14 611	397	2,7
10	Брянская область	13 549	351	2,6

Источник: Составлено и рассчитано автором на основе данных Информационно-аналитического портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ⁷.

В сущности, размер рассматриваемой нами социальной общности на определенной территории прямо пропорционален уровню преступности иностранцев в его абсолютном выражении. Больше иностранных мигрантов – больше преступлений, совершенных негражданами РФ. Однако, как уже было представлено ранее, количество учтенных преступных деяний всегда необходимо соотносить с общей численностью исследуемой группы. В данном контексте отметим, что отсутствие обоснованных экспертных оценок о численности иностранцев в отдельных субъектах РФ, к сожалению, не позволяет рассчитать соответствующие коэффициенты преступности.

Факторы преступности иностранных мигрантов

Сам детерминантный комплекс, обуславливающий преступность ИГ и ЛБГ в России, несомненно, имеет не только всеобщую, но и специфическую природу в силу психологических, социокультурных, половозрастных и прочих особенностей изучаемой социальной общности.

На наш взгляд, к специфическим факторам, играющим существенную криминальную роль, можно отнести следующие.

- Во-первых, входящие в РФ миграционные потоки главным образом представлены трудовой миграцией, характерными особенностями которой являются преимущественно низкая трудовая квалификация и невысокий социальный статус ее представителей, их временный или циркулярный характер пребывания на новом месте.
- Во-вторых, преступные помыслы/деяния иностранцев связаны с характером и степенью остроты имеющихся жизненных проблем как в России, так и на родине

⁷ Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Показатели преступности России. http://crimestat.ru/offenses_map

(тяжелое положение семей мигрантов, неудовлетворительные условия труда и быта и др.).

Согласно результатам исследований, полученным сотрудниками Университета прокуратуры РФ, основной причиной совершения преступлений международными мигрантами является их необустроенность в России (отсутствие жилья, работы и др.) (Капинус 2022), т. е. социально-экономическое неблагополучие.

- Преступность иностранцев связана с особенностями существующих в стране/регионе диаспор: сроки формирования, численность и темпы изменения диаспоры, степень ее обособленности и закрытости, количество натурализовавшихся ее членов, характер взаимоотношений ее представителей с местным населением/иными диаспорами и др.
- Важнейшей детерминантой, обуславливающей выработку общественно непротиворечивых моделей жизнедеятельности приезжих в целом, выступает их урегулированный правовой статус.

Незаконная миграция, вероятно, тесным образом связана с преступностью иностранных мигрантов. Так, опрос 426 иностранцев, отбывающих уголовное наказание в Москве и Московской области, показал, что среди них около 90% совершили преступление, будучи на тот момент незаконными мигрантами (Антонов-Романовский и др. 2024: 113). Таким образом, именно нелегалы подвержены максимальному риску вовлечения в криминальную деятельность.

В отношении иностранных трудовых мигрантов можно высказать предположение, что определенная их доля изначально тяготеет к незаконной деятельности в России, предпочитая после прибытия на новое место безотложно воспользоваться услугами представителей теневого рынка труда, что позволяет упростить процедуру трудоустройства, уйти от налогового бремени и др. Однако высокий уровень динамичности и изменчивости отечественного рынка труда в традиционных для неграждан РФ его сегментах, ненадежная занятость иностранных работников формируют условия для существования категории непреднамеренных нелегалов. Данные лица переходят на незаконное положение во время утраты и/или затянувшегося поиска работы. Этот период характеризуется наиболее высоким риском криминализации их жизнедеятельности, тяготением к вхождению в действующие криминальные структуры.

Вместе с тем в описываемую факторную систему вплетены проблемы неудовлетворительного состояния противодействия незаконной миграции, коррупции среди сотрудников МВД, в частности. Информация, представленная Г.В. Антоновым-Романовским, Г.Ф. Коимшиди, Д.К. Чирковым, А.А. Литвиновым (2024: 139-140) по результатам проведенного ими исследования, свидетельствует о достаточно распространенной и устоявшейся практике получения должностными лицами взяток от незаконных иностранных мигрантов. В результате системное ненадлежащее исполнение функции по противодействию незаконной миграции способствует развитию преступного поведения среди ее представителей.

Структура преступности россиян и иностранцев

Преступность международных мигрантов в РФ в основном представлена приезжими из стран СНГ. Например, в 2023 г. из всех преступлений, совершенных иностранцами, 83,5% осуществлено лицами указанной принадлежности⁸.

Рассмотрим подробнее структуру преступности россиян и представителей изучаемой нами социальной общности.

В зависимости от характера и степени общественной опасности уголовным законодательством РФ предусматривается четыре категории преступлений. Как видно из представленных ниже данных (таблица 5), преступность иностранных мигрантов выделяется повышенным удельным весом особо тяжких преступлений.

Таблица 5. Дифференциация преступлений, совершенных гражданами РФ, а также ИГ и ЛБГ, по категориям (усредненные показатели за период с 2018 по 2022 г.)

Категория преступлений	Удельный вес в общем количестве преступлений, совершенных гражданами РФ, %	Удельный вес в общем количестве преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ, %
Небольшой тяжести	53,9	49,6
Средней тяжести	24,4	22,6
Тяжкие	17,3	18,2
Особо тяжкие	4,4	9,6

Источник: Составлено и рассчитано автором, приводится по (Раскина 2023а).

Вместе с тем важно обозначить следующее. Как уже отмечалось ранее, преступность международных мигрантов отличается высокой степенью латентности. При этом в структуре скрытой преступности наибольший и относительно повышенный удельный вес имеют деяния, характеризующиеся сравнительно небольшой общественной опасностью (Прокументов, Шеслер 2017: 83). Преступления же, относящиеся к категории особо тяжких, реже остаются без внимания правоохранительных органов, соответственно, чаще подлежат фиксации в уголовной статистике. Таким образом, полагаем, что в силу обозначенной специфики соотношение рассматриваемых категорий в той или иной мере искажается в сторону увеличения доли более опасных преступных деяний.

Проанализируем основные виды преступлений россиян и иностранных мигрантов (таблица 6).

⁸ Министерство внутренних дел РФ. *Статистика и аналитика*. <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>

Таблица 6. Дифференциация преступлений, совершенных гражданами РФ, а также ИГ и ЛБГ, по основным видам (усредненные показатели за период с 2018 по 2022 г.)

Вид преступлений	Удельный вес в общем количестве преступлений, совершенных гражданами РФ, %	Удельный вес в общем количестве преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ, %
Против жизни и здоровья	15,1	9,5
Против собственности	41,0	35,8
Против здоровья населения и общественной нравственности	10,3	10,6
Против безопасности движения и эксплуатации транспорта	9,4	6,0
Против порядка управления	6,4	26,7

Источник: Составлено и рассчитано автором, приводится по (Раскина 2023а).

Итак, среди россиян, равно как и иностранцев, к наиболее совершаемому относятся преступления против собственности (41,0 и 35,8% соответственно).

В структуре преступности иностранных мигрантов второе место занимает также достаточно весомый вид преступлений – против порядка управления (26,7%). При этом сравнительная доля преступных деяний данного вида у граждан РФ гораздо меньше (6,4%). Данное несоразмерное соотношение обусловлено распространенностью преступлений среди ИГ и ЛБГ в сфере незаконной миграции (использование заведомо подложного документа, незаконное пересечение государственной границы РФ и др.). Стоит отметить, что подобные деяния, безусловно, не причиняют непосредственного вреда конкретным лицам (физическим или юридическим) (Антонов-Романовский, Сальников, Чирков 2019), однако, как уже отмечалось ранее, именно незаконные мигранты наиболее подвержены криминализации, постепенному охвату более широкого круга преступлений. Таким образом, противодействие нелегальной миграции является важнейшим направлением превентивных мер борьбы с преступностью иностранцев в целом.

В структуре преступности россиян на втором месте находятся преступления против жизни и здоровья (15,1%). Вместе с тем, вопреки распространенному мнению, удельный вес данной группы среди иностранных мигрантов заметно меньше (9,5%).

Доли преступлений против здоровья населения и общественной нравственности сопоставимы (10,3% – граждане РФ, 10,6% – ИГ и ЛБГ).

Общественно опасные деяния, совершаемые при нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств более распространены среди россиян (9,4%), чем среди иностранных мигрантов (6,0%).

Отметим, что в рамках настоящей статьи не представляется возможным дать развернутую качественную характеристику преступности иностранцев в РФ. Мы ограничились лишь основными особенностями данного явления. Также следует обратить внимание на то, что представленные выше структурные распределения являются обобщенными и могут иметь существенные отличия на уровне отдельных субъектов РФ.

Выводы

1. Согласно результатам исследования социальные представления о необычайно высокой преступной активности иностранцев в России не находят объективного подтверждения. Криминальная активность международных мигрантов по меньшей мере не превосходит криминальную активность постоянного населения РФ в целом.

Усредненные за пятилетний период (2019-2023 гг.) расчетные значения коэффициентов преступности среди иностранных мигрантов и постоянного населения РФ в целом соответственно составляют 1050 и 1314 преступлений на 100 тыс. человек. Вместе с тем начиная с 2020 г. в России наблюдается значительный рост уровня преступности ИГ и ЛБГ.

За последние десять лет ИГ и ЛБГ совершалось 1,7-2,1% преступлений из всех зарегистрированных и 3,3-3,9% преступлений из всех раскрытых. С 2018 по 2020 г. наблюдалась тенденция снижения удельного веса преступных деяний, совершенных представителями рассматриваемой социальной общности. Однако с 2021 г., напротив, наметился определенный рост доли участия иностранцев в преступлениях, совершаемых на территории РФ.

2. Преступность международных мигрантов в России в основном является преступностью граждан государств-участников СНГ.

Согласно относительным показателям структуры рассматриваемого явления, сформированным за пятилетний период (2018-2022 гг.), преступность иностранных мигрантов по сравнению с преступностью россиян выделяется повышенным удельным весом особо тяжких преступлений (9,6% против 4,4%), а также преступлений против порядка управления (26,7% против 6,4%). Вместе с тем, вопреки распространенному мнению, преступность иностранцев отличается пониженный удельный вес преступных деяний, совершенных против жизни и здоровья (9,5% против 15,1%).

3. Отметим, что с учетом специфики рассматриваемого явления официальные статистические данные вряд ли являются исчерпывающим источником оценки преступности иностранных мигрантов в РФ, которая отличается высокой степенью латентности, неопределенности, отсутствием полноты информации для ее точной диагностики.
4. Характерной особенностью преступности иностранцев является ее неравномерное распределение в пределах различных административно-территориальных единиц. В первую тройку субъектов РФ с наибольшим удельным весом зарегистрированных преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ, входят Московская область, Москва и Санкт-Петербург.
5. Важнейшей детерминантой, обуславливающей выработку общественно непротиворечивых моделей жизнедеятельности приезжих в целом, служит их урегулированный правовой статус. Несовершенство действующей в России системы безвизового въезда и пребывания иностранных граждан, правовых механизмов противодействия незаконной миграции является существенным фактором роста преступности иностранцев.

Значимыми направлениями предупреждения преступности международных мигрантов также являются сокращение числа ИГ и ЛБГ, находящихся в трудной жизненной ситуации в России; воспрепятствование формированию этнических анклавов; развитие среды доброжелательного и конструктивного взаимодействия представителей рассматриваемой социальной общности и принимающего сообщества; совершенствование системы мер, направленных на содействие адаптации и интеграции иностранных мигрантов в РФ в целом.

Литература

- Антонов-Романовский Г.В., Коимшиди Г.Ф., Чирков Д.К., Литвинов А.А. (2024). *Миграционная преступность*. Москва: Изд-во Юрайт.
<https://www.litres.ru/book/anton-anatolevich-li/migracionnaya-prestupnost-2-e-izd-per-i-dop-uchebnoe-57208233/>
- Антонов-Романовский Г.В., Сальников П.П., Чирков Д.К. (2019). Преступность мигрантов-иностранцев в Российской Федерации: современные тенденции. *Юридическая наука: история и современность*, 3, 128-138.
https://elibrary.ru/download/elibrary_38577936_94674050.pdf
- Ахмедов М.Н. (2015). Преступления, совершаемые в отношении мигрантов на территории Российской Федерации: основные особенности и причины. *Вестник Владимирского юридического института*, 2(35), 47-49.
https://elibrary.ru/download/elibrary_23687422_36458871.pdf
- Ашиткова Т.В. (2023). Криминологический портрет преступника-мигранта. В В.В. Меркурьев, Ю.А. Тимошенко (Ред.), *Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения): сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции* (с. 198-204). Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации.
https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54787329_28272683.pdf
- Дюркгейм Э. (1966). Норма и патология. В Б.С. Никифорова (Ред.), *Социология преступности (современные буржуазные теории)* (с. 39-44). Москва: Прогресс.
<https://studylib.ru/doc/2220666/dyurkgejm-e-.norma-i-patologiya>
- Капинус О.С. (2022). Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. *Вестник Московского университета МВД России*, 1, 145-151.
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-1-145-151>
- Костюк М.Ф., Кунц Е.В. (2023). Специфические признаки личности мигранта – преступника. *Евразийская адвокатура*. 1, 81-84. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_60_1_81
- Прозументов Л.М., Шеслер А.В. (2017). *Криминология (Общая часть)*. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета.
<https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000616735>
- Раскина Т.В. (2023а). Криминальная активность на российской территории иностранных граждан и лиц без гражданства. В В.В. Меркурьев, Ю.А. Тимошенко (Ред.), *Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения): сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции* (с. 559-566). Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации.
https://elibrary.ru/download/elibrary_54787413_66550424.pdf

- Раскина Т.В. (2023b). Организованная преступность иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации. *Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник научных трудов по материалам международной конференции* (с. 241-249). Москва: Академия управления МВД России.
https://www.elibrary.ru/download/elibrary_60030012_98015267.pdf
- Розовская Т.И., Петрянин А.В. (2023). Миграция и преступность: частный взгляд на проблему. *Союз криминалистов и криминологов*. 4, 42-49.
<https://doi.org/10.31085/2310-8681-2023-4-204-42-49>
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. (2019). Международная трудовая миграция в Россию. *Международные процессы*, 17(4), 65-83. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.5>
- Тамбовцева Г.М., Тамбовцев Е. А. (2022). Миграция и преступность как угроза национальной безопасности России. *Аграрное и земельное право*, 12(216), 171-173.
http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_171
- Ульянов М.В. (2021). Состояние преступности иностранных граждан в Центральном федеральном округе. *Вестник Костромского государственного университета*, 27(3), 235-243. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-235-243>
- Флоринская Ю.Ф. (2022). Социология и статистика не показывают наличие негативных трендов в трудовой миграции. *Экономическое развитие России*, 29(6), 55-59.
https://elibrary.ru/download/elibrary_48749243_14217049.pdf
- Щербакова Е.М. (2022). Иностранная рабочая сила в России по итогам 2021 года. *Демоскоп Weekly*, 941-942. <https://www.demoscope.ru/weekly/2022/0941/barom03.php>
- Щербакова Е.М. (2023). Иностранная рабочая сила в России, 2022-2023 годы. *Демоскоп Weekly*, 1005-1006. <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/01005/barom05.php>
- Юдина Т.Н., Бормотова Т.М. (2018). Миграция и преступность в Москве: реальность и представления. *Наука. Культура. Общество*, 24(4), 47-58.
https://elibrary.ru/download/elibrary_36547145_53203408.pdf

Какой семье на Руси жить хорошо? Исследование связи способа принятия решений в семье с показателями ее благополучия

Юрий Викторович Омельченко
(yuriy0926@gmail.com), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Антон Анатольевич Николаев
(niaa18a@econ.msu.ru), Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Россия.

What kind of family in Russia lives well? A study of the relationship between family decision-making and well-being

Yuri Omelchenko
(yuriy0926@gmail.com), HSE University, Russia.

Anton Nikolaev
(niaa18a@econ.msu.ru), Lomonosov Moscow State University, Russia.

Резюме: В работе исследуется связь между способом принятия решений в российских домохозяйствах и их благополучием. Основное внимание уделяется распределению влияния между супругами при принятии решений и тому, как это может отражаться на социально-экономическом благополучии семьи. Используя данные лонгитюдного исследования Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ за 2006-2010 гг., авторы анализируют степень влияния мужей и жен на принятие решений в различных аспектах семейной жизни, таких как управление сбережениями, повседневные и крупные покупки, занятость, образование детей и проведение свободного времени. Выяснено, что семьи в РФ, где мужчина больше участвует в домашних обязанностях, имеют более высокий логарифмированный доход. В то же время семьи с патриархальным паттерном управления лучше оценивают свое социальное положение. Авторы не наблюдают значимого вклада распределения влияния между супругами при принятии решений в семье в удовлетворенность жизнью на уровне домохозяйства. В целом равное участие супругов в принятии решений способствует улучшению общего благосостояния за счет увеличения дохода.

Ключевые слова: Россия, структура домохозяйства, распределение влияния, семейное благополучие, социально-экономические характеристики супругов, гендерные роли, управление домохозяйством, панельные данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения ВШЭ.

Благодарности: авторы благодарят доцента кафедры народонаселения ЭФ МГУ Н.М. Калмыкову и профессора кафедры народонаселения ЭФ МГУ И.Е. Калабихину за содержательные комментарии по работе. Также авторы благодарят Г.Е. Бесстремянную, А.В. Замниуса, В.А. Банникову и М.К. Кагиняна за эконометрические советы. Авторы благодарят анонимных рецензентов за помощь в доработке статьи.

Для цитирования: Омельченко Ю. В., & Николаев А. А. (2024). Какой семье на Руси жить хорошо? Исследование связи способа принятия решений в семье с показателями ее благополучия. Демографическое обозрение, 11(3), 102-120. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22717>

Abstract: This paper examines the relationship between decision-making processes in Russian households and their well-being. The main focus is on the distribution of influence between spouses when making decisions and how this can affect the socio-economic well-being of the family. Using data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS) conducted by HSE University from 2006 to 2010, the authors analyze the extent of husbands' and wives' influence on decision-making in various aspects of family life, such as savings management, everyday and large purchases, employment, children's education and leisure time. It was found that families in Russia where men are more involved in household responsibilities have a higher logarithmic income. At the same time, families with a patriarchal management pattern assess their social status more positively. The authors do not observe a significant contribution of the distribution of influence between spouses in decision-making to life satisfaction at the household level. Overall, equal participation of spouses in decision-making contributes to an improvement in overall well-being through increased income.

Keywords: Russia, structure of household, distribution of influence, family well-being, socioeconomic characteristics of spouses, gender roles, household management, HSE Russia Longitudinal Monitoring Survey.

Acknowledgments: *The authors would like to thank N.M. Kalmykova, Associate Professor of the Department of Population, MSU Faculty of Economics, and I.E. Kalabikhina, Professor of the Department of Population, MSU Faculty of Economics, for insightful comments on the paper. The authors also thank G.E. Bestremiannaya, A.V. Zamnius, V.A. Bannikova, and M.K. Kaginyan for econometric advice. The authors thank the anonymous reviewers for their help in finalizing the paper.*

For citation: Omelchenko Y., & Nikolaev A. (2024). What kind of family in Russia lives well? A study of the relationship between family decision-making and well-being. *Demographic Review*, 11(3), 102-120. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22717>

Введение

В работе мы сконцентрируемся на гендерном аспекте распределения власти в семье. В данной работе власть мы понимаем как меру способности индивида (мужа или жены) воздействовать на партнера в принятии решений. В последние десятилетия гендерное равенство стало одной из наиболее обсуждаемых социальных проблем, так как в развитых странах было достигнуто правовое равенство мужчин и женщин и появился закономерный вопрос о фактическом соотношении равенства формального с реальным.

В современной экономической теории принято работать с домохозяйством как с коллективной экономической единицей. Этот подход обеспечил статистическую корректность выводов и упростил сбор данных, что и привело к развитию как экономики труда и общественного сектора, так и теоретической микроэкономики. Однако чаще всего в основе домохозяйства лежит семья, которая является организационным ядром в производящей структуре. Может ли эта структура быть связана с благополучием домохозяйства? Почему одни семьи богатые, а другие бедные?

Закономерно количество работ в области изучения гендерных ролей и гендерных различий за период с 2000 по 2022 г. увеличилось в 9-10 раз, согласно базам научных публикаций (Dimensions¹, National Center for Biotechnology Information²). В большей части современных исследований авторы рассматривают вопросы дискриминации женщин в обществе и приходят к выводам о том, что гендерное равенство – это не только вопрос социальной справедливости, но и разумный экономический выбор (Dollar 1999; King, Mason 2001; Klasen, Lamana 2009).

Мы предполагаем, что поведение домохозяйств и их экономические стратегии могут в значительной степени различаться в зависимости от распределения влияния между супругами, что в свою очередь может привести к различным уровням благосостояния и удовлетворенности жизнью в семьях.

Исходя из этого, мы ставим следующий исследовательский вопрос: как в российских семьях распределение влияния между супругами может быть связано с благосостоянием домохозяйства?

Гипотезы исследования:

1. в России в большинстве семей более значима роль супруги, когда речь идет о принятии бытовых решений;
2. в семьях, где супруга принимает на себя значительно большую долю ответственности в управлении домашним хозяйством, характеристики благосостояния могут быть ниже, чем в семьях с более равномерным распределением влияния между супругами;

¹ Dimensions. Gender roles in publications.

https://app.dimensions.ai/discover/publication?search_mode=content&search_text=gender%20roles&search_type=kws&search_field=text_search (данные загружены 05.05.2023).

² National Center for Biotechnology Information. Library of Medicine. PubMed.

<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/?term=gender+roles%5BTitle%2FAbstract%5D&sort=> (данные загружены 05.05.2023).

3. в семьях, где партнеры обладают значительными различиями в человеческом капитале («неравные браки»), характеристики благосостояния могут быть ниже, чем в более равных видах партнерств.

Теоретические основы гендерного подхода к изучению благосостояния семьи

В области гендерных ролей было опубликовано множество научных и публицистических работ. В основном они сконцентрированы на вопросах гендерного равенства. Часть из них посвящена разнице в карьерных возможностях мужчин и женщин: разрыву в заработных платах (Blau, Kahn 2017), сложностям в трудоустройстве и продвижении женщин по карьерной лестнице (Kabeer 2021). Часть исследований сосредоточена на вопросах о важности интеграции женщин в политику, культуру, науку и образование; в них авторы выделяют множество положительных последствий этих явлений: от лучшего представления и защиты прав женщин при проведении реформ (Hoskyns 1996) до содействия экономическому росту и увеличения средней продолжительности жизни населения (Hill, King 1995). Есть и ряд работ, в которых авторы углубляются на уровень домохозяйств и рассматривают роли супругов в семьях. Но в них в центре внимания оказываются скорее модели распределения обязанностей, например, по заработку, уходу за детьми, уходу по дому. Нередко встречаются тезисы о том, что с эмансипацией женщин на них начинает возлагаться все больше обязанностей: к домашним делам добавляется еще и работа (Breen, Cooke 2005). Кроме того, из-за увеличения продолжительности жизни возникает так называемое поколение «сэндвич» – люди в возрасте 45-65 лет, которые вынуждены одновременно заботиться и о своих детях, и о своих родителях. Заметим, что в большинстве случаев основные тяготы в итоге ложатся на плечи женщин (Pierret 2006).

Современных исследований, в которых рассматривается именно распределение влияния между супругами и то как оно отражается на уровне благосостояния и общего благополучия семьи, мало. Среди зарубежных источников наиболее близкая тема рассматривается в работе (Guiso, Zaccaria 2023), но в данном исследовании акцент сделан исключительно на финансовые показатели, а глава семейства определялся как респондент, который проходит опросник домохозяйства. Российскими авторами также рассматривался вопрос феминизации бедности, но либо в отрыве от совокупного благосостояния всей семьи (Денисова, Карцева 2020), либо с точки зрения уязвимости женщин в семьях (Круглова 2020). При этом российских работ, которые концентрируются на экономике домохозяйств и гендерных ролях в управлении ими, на наш взгляд, мало, а те, что есть (Козырева, Смирнов 2024) представляют собой корреляционный и дисперсионный анализ, результатов которого недостаточно для идентификации связи распределения влияния в управлении семьей с ее благосостоянием.

В нашем исследовании мы обсуждаем социально-экономическое благополучие семьи как понятие комплексное. Оно выражается через экономический и социальный статусы. Мы фокусируемся на трех метриках: материальный достаток семейства, воспринимаемый супругами уровень собственного материального положения и степень удовлетворенности собственной жизнью. Отметим, что отечественных исследований, изучающих именно вопрос о том, как распределение ролей в принятии решений супругами

связано с благосостоянием семей, мало, и среди них нет эконометрических работ, поэтому исследование представляет определённую научную новизну.

В теоретическом блоке мы рассмотрим предпосылки, исходя из которых в принципе предполагается наличие связи между распределением влияния между супругами и благосостоянием домохозяйства, а также обсудим ряд вводных для эмпирической стратегии.

Экономические стратегии мужчин и женщин в семьях

Благосостояние семьи зависит от множества факторов как внешних, так и внутренних. Среди внутренних особый интерес представляют конкретные действия и решения, которые принимаются в семьях, ведь именно они в основном и диктуют экономические результаты и уровень благосостояния домохозяйств. Большинство решений в полных семьях сегодня распределено между супругами. Однако в каждой семье это распределение работает по-своему: в одних основные решения принимает жена, в других последнее слово за мужем, в третьих решения принимаются супругами совместно или же независимо друг от друга.

При изучении экономических стратегий семьи нужно иметь в виду базовые микроэкономические предпосылки. Так, в статье (Basu 2006) рассматривается модель, где баланс переговорных сил между супругами влияет на принимаемые решения в домохозяйстве, а эти решения в свою очередь изменяют баланс сил. Автор критикует традиционную модель домохозяйства, предлагая вместо нее групповую модель, которая учитывает распределение власти. В модели Басу показано, что участие женщин в труде может значительно варьироваться в зависимости от изменения их переговорной силы в домохозяйстве, что приводит к множественным равновесиям. Например, повышение переговорной силы женщины в домохозяйстве может повысить ее участие в заработке, а это в свою очередь может еще больше повысить ее переговорную силу, что позволит влиять на дальнейшие решения о трудовой активности и может привести к повышению общего дохода. Автор подчеркивает важность гендерного равенства для благосостояния домохозяйств и предлагает учитывать эти взаимодействия при разработке социальных и экономических политик. Перераспределение доходов внутри домохозяйства в пользу женщин может значительно улучшить благосостояние семьи.

Исследуя природу связи распределения власти между супругами с экономическими результатами семей, можно предположить, что мужчины и женщины в силу ряда психологических и социальных факторов склонны следовать различным экономическим стратегиям. Работ, в которых в явном виде объясняются причины и последствия разницы в экономических стратегиях мужчин и женщин, мало. Одной из причин может быть, например, тот факт, что женщины часто менее склонны к риску (Eckel, Grossman 2008) и более сдержаны в вопросах, касающихся крупных вложений (Powell, Ansic 1997). Гендерная разница в склонности к риску и превалирование более сдержанных стратегий среди женщин отмечается в подавляющем большинстве научных трудов; об этом свидетельствуют в том числе и масштабные мета-исследования (Byrnes, Miller, Shafner 1999; Croson, Gneezy 2009). Однозначно определить, как благосостояние домохозяйств может быть связано именно со склонностью к риску, непросто. Возможно, в периоды кризисов более сдержанные стратегии могут позволить семьям и индивидам в меньшей мере испытать снижение материального достатка. В то же время в периоды

экономического роста склонность к риску и, как следствие, например, активное участие в финансовых рынках может принести более существенный прирост доходов.

Можно предположить, что несклонность к риску – это лишь одно из проявлений гораздо более фундаментальных социальных паттернов, которые могут с детства прививаться социумом женщинам. В работе (Gustaford 1998) обобщаются экспертные позиции исследователей в области гендерной теории и на их основе утверждается, что гендерные различия следует в первую очередь рассматривать как социально обусловленные, а не как биологически обоснованные или «естественные».

Резюмируя, мужчины и женщины склонны следовать разным экономическим стратегиям. Женщины обычно менее склонны к риску и больше ориентированы на справедливое распределение ресурсов в семье. При этом трудно определить, как благосостояние домохозяйств может быть связано с этими различиями, поскольку многое зависит от внешних факторов. Важно отметить, что гендерные различия в склонности к риску скорее всего социально обусловлены. Это подводит нас к еще одному важному фактору, влияющему на распределение ролей в семьях и их благосостояние.

Социальные нормы: актуальный для России аспект

Традиционные гендерные роли, прививаемые с детства, могут различным образом сказываться на амбициях, самооценке и других аспектах личности женщин, отражаясь на благополучии их самих и их семей. Традиционные мужские роли также могут сказываться на семейном благополучии: мужчины, рассматриваемые как «добытчики», часто не участвуют в бытовых задачах и семейных решениях. В таких случаях женщинам приходится брать на себя все домашние заботы и ответственность за финансы, покупки, образование детей и досуг.

По данным РМЭЗ (НИУ Высшая школа... 2023), которые мы используем в исследовании, в России домохозяйств, в которых выше роль женщины при принятии решений, оказалоськратно больше, чем тех, где доминируют мужчины. Это не является особенным открытием: в отличие от многих других стран в СССР активная эмансипация женщин началась значительно раньше. С приходом Советской власти женщины обрели равные с мужчинами политические права (по крайней мере, де-юре) и оказались гораздо больше вовлечены в производственную деятельность. Однако несмотря на попытки государства облегчить тяготы быта для женщин и направить их усилия в промышленный сектор, в итоге на них ложилась двойная ответственность: и за работу, и за ведение домашнего хозяйства. При этом «исследователи государственной семейной политики в СССР отмечали, что фактически женщина занимает главенствующее положение в семье, “поскольку в ее распоряжении находится семейный бюджет, она является основным воспитателем детей, организует семейный досуг” (Соловьев 1981)» (Задворнова 2013: 33-34).

Распад СССР заставил жителей страны пересмотреть многие социокультурные нормы, в том числе и с точки гендерных ролей супругов: стали снова появляться семьи, где абсолютная власть сконцентрирована в руках мужа. Но во многих семьях женщины остались основными распорядителями бюджета и ответственными за большинство семейных вопросов (Задворнова 2013). Неравномерное распределение ответственности между супругами и недостаточная вовлеченность мужчин в семейные вопросы повышает

психологическую нагрузку на женщин, ограничивает объем исходных данных при принятии решений и не всегда позволяет в полной мере учесть интересы всех членов семьи.

В этом разделе мы приведем статью, не имеющую аналогов в российской литературе, но, как мы считаем, ключевую в понимании поведения домохозяйств, особенно в российской экономике с достаточно высокой инфляцией, и, в частности, для оценки негативных последствий перекалывания ответственности в семье исключительно на женщин (D'Acunto, Malmendier, Weber 2021). В статье исследуется разрыв гендерных ожиданий в отношении инфляции и утверждается, что традиционные гендерные роли в значительной степени участвуют в создании этого разрыва. Женщины склонны иметь более высокие инфляционные ожидания, чем мужчины, и этот разрыв тесно связан с распределением обязанностей по покупке продуктов питания в домохозяйствах. Поскольку женщины несут основную ответственность за покупку продуктов питания, они подвержены воздействию ценовых сигналов, отличных от мужских, что заставляет их ожидать более высоких темпов инфляции. Экономический масштаб гендерного разрыва ожиданий составляет около 0,5 процентных пунктов, или 25% от целевого уровня инфляции ФРС США в 2%. Этот разрыв негативно сказывается на экономическом выборе и долгосрочном благосостоянии женщин и их семей. Исследование также показывает, что разрыв в ожиданиях исчезает, когда обязанности по закупке продуктов распределяются в домохозяйствах поровну.

Усугубляет ситуацию то, что реальные права женщин, например, на защиту от бытового насилия и равенство карьерных возможностей соблюдаются не всегда. Это приводит к негативным последствиям как для отдельных домохозяйств, так и для общества в целом (Калабихина 2011). Также остаются неискорененными многие стереотипы и предубеждения о женщинах, которые могут проявляться при взаимодействии с внешними агентами от лица домохозяйства. В таких случаях женщины могут сталкиваться не только с недостойным отношением к себе, но и с явной дискриминацией и даже оппортунистическим поведением со стороны внешних агентов – все это негативно сказывается на благосостоянии их семей. В частности, это поддерживается и рядом зарубежных исследований. Показано, что домохозяйства, в которых единственным главой является женщина, значительно чаще сталкиваются с ограниченным доступом к ресурсам (Buvinic, Gupta 1997; Klasen, Lechtenfeld, Povel 2015)³.

Таким образом, мы можем сказать, что установившиеся в российском обществе гендерные нормы зачастую приводят к диспропорции в распределении обязанностей и ответственности в семье. Повышенная нагрузка на женщин и неучастие мужчин могут приводить к снижению эффективности решений домохозяйств. При этом репрезентация семьи во внешней среде исключительно женщиной может быть сопряжена с негативными внешними эффектами, вызванными гендерными стереотипами в обществе.

³ Хотя в указанных исследованиях речь идет в основном про домохозяйства, где женщина является единственным кормильцем или вообще единственным взрослым в семье, мы считаем, что некоторые обнаруженные авторами эффекты могут отрицательно сказываться в том числе на полных семьях, в которых взаимодействие с внешней средой осуществляется в основном супругой.

Эмпирическая стратегия

Данные

В основу исследования легли данные лонгитюдного обследования домохозяйств и индивидов РМЭЗ НИУ ВШЭ – единственного негосударственного мониторинга социально-экономического положения и состояния здоровья населения Российской Федерации, проводимого ежегодно начиная с 1994 г. (НИУ Высшая школа... 2023). Согласно официальной информации о проекте, эти данные являются репрезентативными на национальном уровне и отвечают мировым стандартам выборочных обследований, а также содержат уникальную информацию о принятии решений в семье, поэтому для нашего исследования они представляются релевантными⁴. Мы фокусируемся на временном промежутке с 2006 по 2010 г. Такой период выбран, поскольку в доступных нам данных РМЭЗ НИУ ВШЭ показатели, отвечающие за распределение ролей в семье, представлены только для 2006 и 2009 г. Заметим, что в 2008 г. начался мировой финансовый кризис и это могло стать экзогенным шоком для домохозяйств.

Поскольку объектом нашего исследования является благосостояние семьи, единицей анализа мы выбрали домохозяйства. Мы рассматриваем только те домохозяйства, в которых есть супруги как в зарегистрированном, так и в незарегистрированном браке. Для выявления супругов и присоединения данных их индивидуальных опросников мы использовали блок вопросов о родственных связях. Мы отобрали семьи, где супругов всего двое (89% семей), предполагая, что в таких случаях решения и вклад в семейный бюджет распределяются между ними. Мы считаем, что проживающие с ними пожилые родители или дети как иждивенцы не обладают такой силой в принятии решений и не так полноценно воспринимают уровень благосостояния, как супруги. Всего по этому критерию мы отобрали 1092 семьи (домохозяйства).

Из индивидуальных опросников мужа и жены мы будем использовать их субъективную оценку собственной степени влияния при принятии решений в семье. В нашем исследовании мы выявляем степень влияния супругов при принятии решений в семье на основе их субъективных оценок. Такой подход имеет свои преимущества перед условно объективными переменными, поскольку позволяет учесть одновременно личностные качества, социальные и культурные нормы, распространенные в обществе, окружающем супругов, степень вовлеченности в семейную жизнь и другие скрытые факторы, влияющие на распределение ролей в семье.

При этом мы не отрицаем существенное влияние на благосостояние семей ряда объективных факторов, поэтому будем включать в модели различные их комбинации в качестве контрольных переменных. Мы предполагаем, что это позволит выделить условно чистый эффект от распределения ролей. «Условно чистый», поскольку фактически он состоит из множества других факторов, но менее явных и труднее измеримых, чем, например, уровень образования или занятости.

Кроме этого, мы используем метрики субъективных оценок собственного благосостояния и объективных показателей дохода, а также ряд контрольных переменных, таких как возраст, уровень образования, и другие. Описание переменных представлено в таблице П1 Приложения. Комбинации этих переменных между супругами мы на основе

⁴ Подробнее о лонгитюдном обследовании домохозяйств, РМЭЗ НИУ ВШЭ см.: <https://www.hse.ru/rlms/>

уникальных идентификационных номеров домохозяйств и информации о родственных связях внутри них присоединим к данным по домохозяйствам и при анализе будем использовать наравне с ними. Мы будем рассматривать только те семьи, в которых с 2006 по 2010 г. не поменялся супружеский состав. Немногочисленные пропуски в данных при такой постановке заменены по средним значениям.

Построение переменной интереса

В большинстве исследований по смежным темам авторы определяли в качестве главы семейства того, кто проходил опросник домохозяйства, так было, например, в итальянском исследовании (Guiso, Zaccaria 2023). Однако это может далеко не всегда отражать реальное распределение сил в семье. Более того, даже относительно объективные показатели, отражающие компетенции супругов (образование, доход и др.), не могут быть достоверными прокси их «влиятельности» в семье. Так, например, в статье (Goldfayn-Frank 2022) отмечается, что необязательно самый способный или приносящий большой доход, но самый решительный и организованный из супругов, берет на себя ответственность за финансовые решения.

В наших данных в 91% случаев опросник проходила супруга. Но опираться исключительно на данный показатель не вполне корректно, ведь фактическое распределение влияния в семье может быть устроено гораздо сложнее, а выбор члена семьи, отвечающего на вопросы о домохозяйстве, может быть обусловлен многими другими факторами.

В нашем исследовании для выявления распределения ролей при принятии решений между супругами мы использовали их ответы на прямые вопросы об этом. В опросниках РМЭЗ (НИУ Высшая школа... 2023) за 2006 и 2009 г. респондентов спрашивали:

1. О сбережениях, о том, куда и сколько денег вложить?
2. О повседневных покупках продуктов питания, хозтоваров?
3. О крупных покупках – товарах длительного пользования?
4. О занятости и часах работы членов семьи?
5. Об образовании детей?
6. О проведении семьей свободного времени, выходных, отпуска?

1 – совсем не влияет, 2 – не влияет, 3 – влияет, 4 – очень влияет.

Таблица 1. Описательная статистика по ответам на вопросы о степени влияния супругов при принятии тех или иных решений в семье

Номер вопроса	Краткая формулировка	Женщины		Мужчины		Дельта	
		среднее	ст. откл.	среднее	ст. откл.	среднее	ст. откл.
2006 год							
1	Сбережения	3,27	0,56	3,03	0,6	-0,198	0,773
2	Повседневные покупки	3,4	0,57	2,55	0,7	-0,787	0,945
3	Крупные покупки	3,23	0,56	3,11	0,56	-0,085	0,748
4	Занятость	2,72	0,76	2,46	0,69	-0,282	0,799
5	Образование детей	3,18	0,62	2,89	0,63	-0,284	0,673
6	Отдых	3,11	0,55	2,9	0,55	-0,206	0,648
SR_inf	Краткосрочные решения	–	–	–	–	-0,399	0,617
LR_inf	Долгосрочные решения	–	–	–	–	-0,174	0,619

Номер вопроса	Краткая формулировка	Женщины		Мужчины		Дельта	
		среднее	ст. откл.	среднее	ст. откл.	среднее	ст. откл.
2009 год							
1	Сбережения	3,26	0,57	3,02	0,62	-0,224	0,771
2	Повседневные покупки	3,35	0,59	2,56	0,71	-0,785	0,923
3	Крупные покупки	3,25	0,56	3,16	0,58	-0,118	0,731
4	Занятость	2,75	0,75	2,49	0,7	-0,284	0,813
5	Образование детей	3,19	0,61	2,93	0,63	-0,278	0,661
6	Отдых	3,09	0,57	2,9	0,59	-0,222	0,612
SR_inf	Краткосрочные решения	–	–	–	–	-0,404	0,594
LR_inf	Долгосрочные решения	–	–	–	–	-0,196	0,604

Источник: Здесь и далее составлено авторами на основе данных мониторинга РМЭЗ (НИУ Высшая школа... 2023).

Не всякий дисбаланс в принятии решений означает реальное доминирование одной из сторон в семье. Исходя из (Basu 2006), мы можем разделить решения, принимаемые в семье, на краткосрочные и долгосрочные. К краткосрочным вопросам мы отнесем вопросы о повседневных покупках, занятости и отдыхе (2, 4, 6), а к долгосрочным – о сбережениях, крупных покупках и образовании детей (1, 3, 5). Разностным методом, вычитая из самооценки влияния мужа самооценку влияния жены, сформируем следующие две переменные интереса SR_inf и LR_inf, которые обозначают влияние супругов в краткосрочных и долгосрочных вопросах соответственно. Данные переменные формируются по следующему принципу:

$$SR_inf = w_2 * \Delta a_2 + w_4 * \Delta a_4 + w_6 * \Delta a_6$$

$$LR_inf = w_1 * \Delta a_1 + w_3 * \Delta a_3 + w_5 * \Delta a_5,$$

где w_i – это вес разностного значения, Δa_i – само разностное значение, получаемое как разница между ответами на вопрос о влиянии при принятии решения супруга и супруги. Чем больше дельта-разность, тем более влиятелен мужчина при принятии решения. Оба показателя варьируются от +3 до -3, где +3 – это абсолютный перевес супруга при принятии решений, а -3 – супруги. Для привязки весов к структуре ответов на вопросы мы воспользуемся нормализованными факторными коэффициентами. Для этого применим метод главных компонент с 1 компонентой и вращением Варимакс к четырём совокупностям ответов на вопросы: Краткосрочный 2006, Краткосрочный 2009, Долгосрочный 2006, Долгосрочный 2009. Результаты приведены в таблице 2. Для всех совокупностей коэффициент сферичности Бартлетта не превышал 10^{-60} , а коэффициент Кайзера-Мейера-Олькина был равен 0,65, что свидетельствует о применимости факторного анализа в данном случае.

Таблица 2. Стандартизованные веса вопросов

«Краткосрочные» переменные	Вес		«Долгосрочные» переменные	Вес	
	SR-2006	SR-2009		LR-2006	LR-2009
Δa_2 <i>Повсед, покупки</i>	0,27	0,29	Δa_1 <i>Сбережения</i>	0,41	0,37
Δa_4 <i>Занятость</i>	0,38	0,41	Δa_3 <i>Крупные покупки</i>	0,36	0,41
Δa_6 <i>Отдых</i>	0,35	0,3	Δa_5 <i>Образование детей</i>	0,24	0,22

Коэффициенты поддаются интерпретации. Так, например, среди краткосрочных вопросов наименьший вес имеет самый частотный и рутинный о покупке повседневных

товаров, а среди долгосрочных наибольший вес у вопроса о сбережениях. Описательная статистика переменных LR и SR приведена в таблице П1 Приложения. Отметим, что мы можем рассчитать влияние супругов только за 2006 и 2009 г. Мы учтем это ограничение в нашей эмпирической оценке.

Далее в работе, рассматривая показатели SR_{inf} и LR_{inf} , мы используем термин «гендерный баланс» – под ним понимается степень равенства вклада супругов в принятие решений в семье. Учитывая, что в большинстве семей наблюдается более высокий вклад женщин в принятие семейных решений, по умолчанию гендерный баланс смещен левее относительно паритетного распределения влияния.

Методы исследования

Для проверки своих гипотез мы построим ряд эконометрических моделей с зависимыми переменными в виде дохода и самооценок социального статуса и удовлетворённости жизнью. Так как наши данные имеют панельную структуру, мы будем использовать модели панельных регрессий. Так как у нас есть данные по вопросам о принятии решений только за 2006 и 2009 годы, мы будем использовать несбалансированную по этим переменным панель. Мы отдаем предпочтение моделям с фиксированными эффектами, в виду их более «мягких» предпосылок по сравнению с моделями со случайными эффектами. Мы также провели тесты и получили, что модель со случайными эффектами хуже моделей с фиксированными эффектами (по результатам теста Хаусманна ($p\text{-value} < 10^{-16}$)). В случае дохода мы используем линейную панельную регрессию с фиксированными эффектами. И панельную порядковую логистическую регрессию с фиксированными эффектами для самооценок благополучия и социального статуса. Для модели 1 значение дохода получено из ответов респондентов на вопрос «Каким был денежный доход всей Вашей семьи в течение последних 30 дней?». Мы предполагаем, что в усреднённом виде в рамках модели данный показатель адекватно отражает среднемесячный доход домохозяйств. Для модели 2, в качестве зависимой переменной, мы используем усредненные между двумя супругами ответы на следующий вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?». Для модели 3 в качестве показателя удовлетворенности жизнью мы использовали усредненные ответы супругов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время? 1 – совсем не удовлетворены, 5 – полностью удовлетворены».

Зависимые переменные в моделях 2 и 3 приведены к целочисленному виду путем округления (отражено в уравнениях). Таким образом, мы будем использовать следующие модели:

Модель для дохода:

$$wh_5_{it} = \beta_1 SR_inf_{it} + \beta_2 LR_inf_{it} + \beta_3 emp_delta_{it} + \beta_4 age_{it} + \beta_5 age_delta_{it} + \beta_6 educ_{it} + \beta_7 educ_delta_{it} + \beta_8 nfm_{it} + u_{it}$$

Модель для социального статуса:

$$\begin{aligned} &logit(P([w_{i,3,t}] \leq k)) \\ &= \beta_1 SR_inf_{i,t} + \beta_2 LR_inf_{i,t} + \beta_3 emp_delta_{i,t} + \beta_4 age_{i,t} + \beta_5 age_delta_{i,t} \\ &+ \beta_6 educ_{i,t} + \beta_7 educ_delta_{i,t} + \beta_8 nfm_{i,t} + \beta_9 \ln(wh_5)_{i,t} + \beta_{10} w_{i,2,t} \\ &+ \beta_{11} w_{i,5,t} + u_{i,t} \end{aligned}$$

Модель для субъективной удовлетворенности жизнью:

$$\begin{aligned} &logit(P([w_i_4_{it}] \leq k)) \\ &= SR_inf_{it} + \beta_2 LR_inf_{it} + \beta_3 emp_delta_{it} + \beta_4 age_{it} + \beta_5 age_delta_{it} \\ &+ \beta_6 educ_{it} + \beta_7 educ_delta_{it} + \beta_8 nfm_{it} + \beta_9 \log(wh_5)_{it} + \beta_{10} w_i_2_{it} \\ &+ \beta_{11} w_i_5_{it} + u_{it} \end{aligned}$$

Эконометрическая оценка связи между распределением влияния супругов в семье и ее социально-экономическим благополучием

Мы оценили приведенные нами модели по средствам пакета R v4.4.0 и среды Dataspell v2024. Оценка параметров моделей приведена в таблице 3.

Таблица 3. Регрессии усредненных между супругами оценок собственного положения на социальной лестнице на степень равенства и другие характеристики их семей

Тип модели	PD-FE-LM	PLogit	PLogit
Зависимая переменная	Доход	Выбор ступени на социальной лестнице	Средняя удовлетворенность жизнью
Степень равенства в SR, <i>SR_inf</i>	4160,868 *** (1374,879)	-0,094 * (0,052)	0,022 (0,054)
Степень равенства в LR, <i>LR_inf</i>	2036,556 (1363,431)	0,180 *** (0,051)	0,040 (0,053)
Разница в занятости супругов	-917,911 (853,181)	0,110 ** (0,050)	0,210 *** (0,052)
Средний возраст супругов	5,427 (38,296)	-0,010 *** (0,002)	-0,011 *** (0,002)
Разница в возрасте супругов	-274,205 *** (99,368)	0,004 (0,006)	0,001 (0,006)
Средний уровень образования супругов	1861,405 *** (131,116)	0,029 *** (0,008)	0,063 *** (0,009)
Разница в уровне образования супругов	-454,286 (378,517)	-0,044 * (0,022)	-0,002 (0,023)
Число членов семьи	4463,363 *** (436,268)	-0,048 * (0,026)	-0,086 *** (0,028)

Тип модели	PD-FE-LM	PLogit	PLogit
Зависимая переменная	Доход	Выбор ступени на социальной лестнице	Средняя удовлетворенность жизнью
Логарифмированный доход	-	0,398 *** (0,037)	0,390 *** (0,039)
Позитивность ожиданий о будущем уровне жизни	-	0,863 *** (0,047)	0,938 *** (0,051)
Беспокойство о возможности обеспечить семью	-	0,246 *** (0,026)	0,464 *** (0,029)
Число наблюдений	5458	5458	5458
Скоррект. R ²	0,058	-	-
F-стат.	42,887 ***	-	-

Примечания: PD-FE-LM – панельная линейная модель с фиксированными эффектами, PLogit – панельный логит с фиксированными эффектами.

*, **, *** – 10, 5 и 1%-ые уровни значимости соответственно. В моделях использованы робастные стандартные ошибки.

Ступень респондентами выбиралась от 1 (нищие) до 9 (богатые). *, **, *** – 10, 5 и 1%-ые уровни значимости соответственно. В моделях использованы робастные стандартные ошибки.

Результаты для дохода

Обратим внимание на переменные интереса: в нашей модели связь гендерного баланса в долгосрочном принятии решений с доходом является незначимой. Напротив, в регрессии пула краткосрочный гендерный баланс оказывается значимым и положительно определенным для дохода. Исходя из представленной нами выше теории и описательной статистики (степень участия мужчин в бытовых вопросахкратно меньше, чем у женщин), можно проинтерпретировать это как то, что большее вовлечение мужчин в принятие бытовых решений (т. е. более равномерное распределение ответственности в принятии таких решений), повышает экономическую свободу женщин, в том числе способствует участию женщины в рынке труда, тем самым повышая уровень дохода семьи. Что касается шока кризиса 2008-2009 гг., то из-за несбалансированной панели мы не можем сделать однозначный вывод, что кризис внес какие-либо значимые изменения. Все остальные коэффициенты в модели соответствуют экономической интуиции: разница в возрасте, уровень образования, и размер домохозяйства статистически значимо связаны с доходом, причем разница в возрасте (мужчина старше) имеет отрицательный коэффициент. Это может быть объяснено через селективный эффект: мужчины, вступающие в брак с более молодыми, чем они, женщинами, могут сознательно выбирать себе партнера для выполнения домашней работы и других неоплачиваемых услуг, что снижает объективный доход домохозяйства (работает один партнер-мужчина).

Результаты для социального статуса

Более высокий вклад женщин в домашние дела и более высокий вклад мужчин в долгосрочное планирование в среднем значимо улучшают в семьях самооценку социального статуса. Такая связь может объясняться влиянием сложившихся гендерных норм на восприятие социального статуса. Семьи, где мужчины играют более активную роль в долгосрочном планировании, могут пользоваться большим одобрением со стороны общества, что в свою очередь повышает их самооценку. Кроме того, сами семьи могут расценивать такое распределение ролей как более традиционное и «успешное», что также способствует росту их субъективного статуса.

Контрольные переменные также поддаются интерпретации. Отметим, что по тем же причинам, в отличие от модели дохода, индикатором неравного брака здесь является разница в образовании и вносит отрицательный вклад в зависимую переменную. Отдельный интерес представляет положительная связь между беспокойством о будущем и социальным статусом: вероятно, люди с более высоким статусом чаще поддаются рефлексии ввиду больших характеристик человеческого капитала.

Результаты для самооценки удовлетворенности жизнью

Коэффициенты перед переменными интереса незначимы ни в одной модели, хотя почти все коэффициенты перед контрольными переменными согласуются с нашими ожиданиями (позитивность ожиданий, логарифмированный доход). Мы считаем, что коэффициент при переменной «беспокойство о возможности обеспечить семью» поддается той же интерпретации, что и в предыдущих моделях. Примечательным является значимый в части моделей отрицательный коэффициент перед переменной, отвечающей за число членов в семье. Действительно, в семьях с детьми и пожилыми иждивенцами обычно растет как финансовая, так и физическая нагрузка на трудоспособных членов семьи, что может снижать удовлетворенность жизнью.

Таким образом, на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2006-2010 гг. мы вывели два интегральных показателя баланса при принятии решений супругами, провели регрессионный анализ для трех составляющих благополучия семьи: дохода, социального статуса и удовлетворенности жизнью, чем протестировали три гипотезы исследования. Перейдем к выводам.

Выводы

Мотивацией нашего исследования было желание определить, какой формат принятия решений обеспечивает российским семьям наибольшее благосостояние. Хотя гендерные роли привлекают множество исследователей из различных сфер, работ, посвященных именно распределению влияния в семье, мало. Это неудивительно: исследование внутрисемейных взаимоотношений сопряжено со множеством трудностей и ограничений, начиная с дефицита релевантных данных и заканчивая неочевидностью интерпретации многих причинно-следственных связей. Проведя эмпирический анализ, мы смогли получить подтверждение гипотезы о более высоком влиянии женщин в краткосрочных решениях в российских семьях (Таблица П1). Гипотеза о негативной связи большей доли ответственности супруги в управлении домашним хозяйством, и характеристиками благосостояния подтверждается в части доходов. В части социального статуса наблюдается позитивная связь с «патриархальным» типом принятия решений, то есть с механизмом, где мужчина принимает как долгосрочные, так и краткосрочные решения. Что касается гипотезы о неравных браках, то на данных подтверждается, что в семьях, где партнеры обладают значительными различиями в возрасте и в образовании, показатели социального благополучия действительно ниже.

Однако на практике благосостояние (и в более широком смысле благополучие) может зависеть от множества психологических и социальных факторов и сложной комбинации между ними.

Результаты исследования показали, что распределение влияния между супругами значимо связано с благосостоянием домохозяйств. В семьях с более равномерным

распределением ответственности наблюдается более высокий уровень доходов (но не субъективная оценка социального статуса). При этом баланс в краткосрочном принятии решений положительно связан с доходом, что подтверждает гипотезу (Basu 2006) о том, что перераспределение домашних обязанностей в сторону мужчин повышает экономическую свободу женщин и способствует их участию на рынке труда. Анализ субъективного восприятия социального статуса показал, что больший вклад мужчин в долгосрочное планирование семейных стратегий связан с более высокой самооценкой социального статуса семьи. Это может быть связано как с общественным поощрением традиционных гендерных ролей, так и с восприятием этих ролей внутри семьи. Однако при анализе удовлетворенности жизнью супругов значимых результатов относительно переменных гендерного баланса выявлено не было. Это может быть обусловлено комплексностью и многогранностью понимания удовлетворенности жизнью респондентами.

В целом мы считаем, что результаты исследования свидетельствуют о недостаточной вовлеченности российских мужчин в семейные вопросы, что может снижать эффективность управления домохозяйством. Отстраненность мужчин от участия в решении каждодневных семейных проблем снижает доходы домохозяйства и повышает физическую и психологическую нагрузку на женщин. Мы полагаем, что выявленная нами положительная связь между доходом семьи и степенью вовлеченности супруга в бытовые вопросы должна быть учтена при разработке государственной политики в области рынка труда и демографии. Семейная политика должна быть направлена на создание условий для более равномерного распределения обязанностей между супругами, что позволило бы снизить нагрузку на женщин и высвободить для них больше свободного времени, поскольку, как показывают Калабихина и Шамсутдинова (2023), дефицит времени может быть серьезным ограничением для полноценного участия в общественной жизни и развития человеческого капитала.

Дискуссия

Наше исследование не лишено ограничений. Во-первых, выборка состоит только из домохозяйств, где супруги отвечали на все 6 вопросов опросника, что могло повлечь самоотбор в сторону тех, кто имел время на внимательное заполнение опросника. Во-вторых, мы рассматриваем только распределение влияния между супругами, хотя в некоторых семьях важную роль играют родители супругов и подростки. В-третьих, мы не учитываем бюджеты времени домохозяйств ввиду неполноты таких данных по наблюдаемым индивидам.

Еще одним ограничением может являться построение показателя субъективной оценки удовлетворенности жизнью. Мы используем среднюю из оценок партнеров, так как предмет нашего исследования – это именно совокупное благосостояние мужа и жены или домохозяйства. Однако можно представить себе ситуацию, что один из партнеров оценивает свое состояние высоко (на 5), а другой на низко (на 1). Тогда в среднем их благополучие по нашей метрике равно 3. Эту же цифру среднего можно получить и в том случае, если и у жены, и у мужа самооценка 3. Наша позиция заключается в том, что для нас эти семьи действительно несчастны одинаково.

Мы выделяем несколько перспективных направлений для дальнейших исследований по этой теме. Можно рассматривать связь распределения ролей не только с

благополучием и удовлетворенностью жизнью супругов, но и, например, с психологическим состоянием или успеваемостью их детей. Кроме того, можно все же более подробно остановиться на психологических и социальных факторах, лежащих в основе установления того или иного типа управления в семье.

Наше исследование также имеет ограничения, связанные с временными рамками и структурой данных. Анализ был проведен на основе данных за период 2006–2010 гг., что не позволяет учесть изменения в социальной и экономической среде в последующие годы. Кроме того, использование панельных данных требует аккуратного подхода к интерпретации результатов, особенно в свете возможных изменений в распределении гендерных ролей и социальных норм. Актуализация вызывает дополнительные трудности в связи с изменением в 2021 г. опросника о влиянии, что делает данные не вполне сопоставимыми. А низкое пересечение выборки прошедших опрос в 2021 г. с прошедшими в рассматриваемом нами периоде делает невозможным формирование панели.

Литература

- Денисова И.А., Карцева М.А. (2020). Гендерные аспекты бедности в России: Абсолютный и многокритериальный подход. *Женщина в российском обществе*, 2, 138–155. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.12>
- Задорнова Ю.С. (2013). Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье. *Женщина в российском обществе*, 2, 32–40. <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=157979>
- Калабихина И.Е. (2011). Почему важно развивать институты гендерного равенства в России. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*, 1, 149–176.
- Калабихина И.Е., Шамсутдинова В.Ш. (2023). Дважды бедные: кто испытывает дефицит времени и денег. *Журнал исследований социальной политики*, 4(21), 629–646. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-4-629-646>
- Козырева П.М., Смирнов А.И. (2024). Кто в доме хозяин? Гендерные особенности принятия решений в современной российской семье. *Народонаселение*, 27(S1), 53–65. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-53-65>
- Круглова Е.Л. (2020). Феминизация бедности как одна из основных угроз молодой российской семьи. *Дискуссия*, 2(99), 58–64. <https://doi.org/10.24411/2077-7639-2019-10060>
- НИУ Высшая школа экономики (2023). *Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения. Данные по домохозяйствам. Волны 15-19 (2006-2010)*. <https://www.hse.ru/rlms/spss> (данные загружены 04.05.2023).
- Basu K. (2006). Gender and Say: a Model of Household Behaviour with Endogenously Determined Balance of Power. *The Economic Journal*, 116(511), 558–580. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2006.01092.x>
- Blau F.D., Kahn L.M. (2017). The gender wage gap: Extent, trends, and explanations. *Journal of Economic Literature*, 55(3), 789–865. <https://doi.org/10.1257/jel.20160995>
- Breen R., Cooke L.P. (2005). The persistence of the gendered division of domestic labour. *European Sociological Review*, 21(1), 43–57. <https://doi.org/10.1093/esr/jci003>

- Buvinić M., Gupta G.R. (1997). Female-headed households and female-maintained families: Are they worth targeting to reduce poverty in developing countries? *Economic Development and Cultural Change*, 45(2), 259–280. <https://doi.org/10.1086/452273>
- Byrnes J.P., Miller D.C., Schafer W.D. (1999). Gender differences in risk taking: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 125(3), 367–383. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.3.367>
- Croson R., Gneezy U. (2009). Gender differences in preferences. *Journal of Economic Literature*, 47(2), 448–474. <https://doi.org/10.1257/jel.47.2.448>
- D’Acunto F., Malmendier U., Weber M. (2021). Gender roles produce divergent economic expectations. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 118(21), e2008534118. <https://doi.org/10.1073/pnas.2008534118>
- Dollar D. (1999). Gender inequality, income, and growth: Are good times good for women? <https://www.semanticscholar.org/paper/Gender-inequality%2C-income%2C-and-growth-%3A-are-good-Dollar/e90ab2eab73758cef5a72f79d8800484790192a0>
- Eckel C.C., Grossman P.J. (2008). Chapter 57 Differences in the economic decisions of men and women: Experimental evidence. In C.R. Plott, V.L. Smith (Eds.), *Handbook of Experimental Economics Results* (Vol. 1, pp. 509–519). Elsevier. [https://doi.org/10.1016/S1574-0722\(07\)00057-1](https://doi.org/10.1016/S1574-0722(07)00057-1)
- Goldfayn-Frank O. (2022). Personality Traits and Financial Decisions of the Households (No. 2764175). SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2764175> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2764175>
- Guiso L., Zaccaria L. (2023). From patriarchy to partnership: Gender equality and household finance. *Journal of Financial Economics*, 147(3), 573–595. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2023.01.002>
- Gustafsson P.E. (1998). Gender differences in risk perception: Theoretical and methodological perspectives. *Risk Analysis*, 18(6), 805–811. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6924.1998.tb01123.x>
- Hill M.A., King E. (1995). Women’s education and economic well-being. *Feminist Economics*, 1(2), 21–46. <https://doi.org/10.1080/714042230>
- Hoskyns C. (1996). *Integrating gender: Women, Law, and Politics in the European union*. Verso.
- Kabeer N. (2021). Chapter 1 Gender equality, inclusive growth, and labour markets. In K. Grantham, G. Dowie, A. Haan (Eds.), *Women’s Economic Empowerment* (pp. 13–48). Routledge.
- King E., Mason A. (2001). Engendering development: Through gender equality in rights, resources, and voice. *The World Bank*. <https://doi.org/10.1596/0-1952-1596-6>
- Klasen S., Lamanna F. (2009). The impact of gender inequality in education and employment on economic growth: New evidence for a panel of countries. *Feminist Economics*, 15(3), 91–132. <https://doi.org/10.1080/13545700902893106>
- Klasen S., Lechtenfeld T., Povel F. (2015). A feminization of vulnerability? Female headship, poverty, and vulnerability in Thailand and Vietnam. *World Development*, 71, 36–53. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2013.11.003>

Pierret C.R. (2006). The sandwich generation: Women caring for parents and children. *Monthly Labor Review*, 129(3). <https://doi.org/10.1007/s10834-016-9483-6>

Powell M., Ansic D. (1997). Gender differences in risk behaviour in financial decision-making: An experimental analysis. *Journal of Economic Psychology*, 18(6), 605–628. [https://doi.org/10.1016/S0167-4870\(97\)00026-3](https://doi.org/10.1016/S0167-4870(97)00026-3)

Приложение

Таблица П1. Описание переменных модели

Переменная	N	Среднее	Ст. отклонение	Min	Max
nfm	5458	3,446	1,008	2	9
wh_5	5458	26995,740	32678,710	0,000	1000000,000
w_i_4	5458	3,134	0,922	1,000	5,000
w_i_2	5458	3,208	0,585	1,000	5,000
w_i_3	5458	4,198	1,221	1,000	9,000
w_i_5	5458	2,079	1,005	1,000	5,000
diplom	5458	4,575	0,965	1,000	6,000
educ	5458	16,662	3,296	0,000	23,000
age	5458	42,974	11,640	19,000	83,500
emp	5458	1,507	0,694	0,000	2,000
job	5458	2,733	0,661	1,000	5,000
diplom_delta	5458	-0,381	1,148	-4,00	4,000
educ_delta	5458	-1,202	3,928	-14,000	13,000
age_delta	5458	2,225	4,305	-16	27
emp_delta	5458	0,046	0,506	-1,000	1,000
job_delta	5458	-0,340	1,035	-4,000	4,000
LR_inf	5458	-0,181	0,618	-3,000	3,000
SR_inf	5458	-0,393	0,612	-3,000	3,000

Таблица П2. Описание набора данных

№	Переменная	Описание	Комментарий
1	wh_5	Каким был денежный доход всей Вашей семьи в течении послед. 30 дней?	
2	w_i_2	Как Вы думаете, через 12 месяцев Вы и Ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?	1 – будете жить намного хуже, 5 – будете жить намного лучше
3	w_i_3	Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?	
4	w_i_4	Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?	1 – совсем не удовлетворены, 5 – полностью удовлетворены
5	w_i_5	Насколько Вас беспокоит то, что Вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?	1 – совсем не беспокоит, 5 – очень беспокоит
6	diplom	Средний уровень образования в семье. Показатель 1	
7	educ	Средний уровень образования в семье. Показатель 3	

№	Переменная	Описание	Комментарий
8	age	Средний возраст супругов	
9	emp	Количество работающих супругов	
10	job	Средний уровень "престижности" работы супругов"	1 – законодатели; крупные чиновники; руководители высшего и сред. звена, 9 – неквалифицированные рабочие всех отраслей
11	nfm	Число членов семьи	
12	diplom_delta	Разница в образовании мужа и жены. Показатель 1	
13	educ_delta	Разница в образовании мужа и жены. Показатель 3	
14	age_delta	Разница в возрасте мужа и жены	
15	emp_delta	Разница в занятости мужа и жены	1 – работает только муж, 0 – работают оба, -1 – работает только жена
16	job_delta	Разница в престижности профессии мужа и жены	